

**В.Е.ГУЛИЕВ
Э.Л.КУЗЬМИН**

ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

**КРИТИКА
АНТИМАРКСИСТСКИХ
ТЕОРИЙ**

В. Е. ГУЛИЕВ, Э. Л. КУЗЬМИН

ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

КРИТИКА
АНТИМАРКСИСТСКИХ
ТЕОРИЙ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1975

В острой идеологической борьбе проблемы государства и демократии занимают одно из ведущих мест. Рассматривая механизм функционирования диктатуры монополий, классовую сущность и социальное назначение буржуазных политико-правовых институтов в условиях научно-технической революции, авторы опровергают антимарксистские взгляды по этим вопросам. Речь идет как о более или менее завершенных, сложившихся теориях, так и об отдельных воззрениях, которые, имея подчас политико-конъюнктурный характер, выражают позиции определенных, весьма влиятельных кругов. Большое внимание уделяется критике современных буржуазных, социал-реформистских и ревизионистских взглядов на политическую систему социализма.

Книга рассчитана на юристов, философов, социологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Г $\frac{11001-124}{012(01)-75}$ 72-75

ВВЕДЕНИЕ

Острая идеологическая борьба составляет неотъемлемую закономерность политической и духовной жизни переходных исторических эпох. Такова и современная эпоха глобального перехода к социализму, эпоха беспрецедентной по масштабам, материальным ресурсам и интенсивности идейно-теоретической и политико-идеологической конфронтации между двумя различными мировоззрениями — коммунистическим и буржуазным.

Для коммунистического сознания характерно органическое единство теоретико-познавательных и политико-идеологических функций. Это единство постоянно подчеркивается в документах нашей партии. Так, в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» отмечается: «Лучшее оружие против буржуазной идеологии — творческий дух ленинизма, непрерывное развитие и обогащение марксистско-ленинской теории на основе обобщения нового исторического опыта»¹.

Как критический анализ капиталистического общества и его институтов, так и развитие теории и практики коммунистического строительства в равной мере ныне сопряжены с опровержением буржуазно-апологетических и буржуазно-антисоциалистических концепций. Неоценимое значение в этом имеет полное использование теоретического и методологического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, основные произведения которых органически сочетают позитивную разработку проблемы и критику соответствующих антимарксистских концепций. Применение всего марксистского арсенала средств борьбы против буржуазных политико-правовых концепций обусловлено не только преемственностью в поступательном развитии марксиз-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 10, изд. 8-е, Политиздат, 1972, стр. 181.

ма, но также и тем, что современная буржуазная государственно-правовая наука воспроизводит с различными модификациями многие доктрины прошлого (теория элиты, юридический неопозитивизм, концепция правового государства, школа возрожденного естественного права и др.).

Вместе с тем условия, содержание и формы идеологической борьбы существенно изменились по сравнению с прошлым столетием, а также началом XX века. Государствоведению и правоведению, как и другим марксистским наукам, приходится иметь дело с неизвестными или малоизвестными до 20-х годов фашистскими доктринами, теорией «государства всеобщего благоденствия» и т. д. Более того, идеям 40-х и даже 50-х годов не идентичны новейшие буржуазные теории (теории «синтеза» и «параллельного развития» буржуазного и социалистического государства и права, эксперименталистская и «естественнонаучная» юриспруденция, идеи «сайентистского государства»). Другая важная особенность современного этапа идеологической борьбы состоит в возрастании влияния марксистских идей.

Критика буржуазных государственно-правовых воззрений предполагает их возможно более четкую классификацию.

Между тем научная классификация немарксистских концепций весьма затруднительна. Это объясняется, во-первых, множественностью современных направлений буржуазной политико-правовой мысли; во-вторых, сосуществованием противоположных немарксистских (притом, как прежних, так и новейших) доктрин; в-третьих, что важно подчеркнуть, малой пригодностью, а часто полной непригодностью предлагаемых самими буржуазными учеными критериев и систем классификации и рядом других обстоятельств.

Полагаем, что научная классификация государственно-правовых доктрин буржуазии складывается из двух элементов, находящихся в тесной взаимосвязи: общей классификации всех буржуазных общественных теорий и специальной классификации учений о государстве и праве.

В основу как общей, так и специальной классификации могут быть положены различные признаки. Но объективно наиболее существенными из них представляются два — политическая сущность (выражаемые соци-

альные, классовые интересы) и предмет изучения (искажения) той или иной теории. Дополнительный признак, при более детальной дифференциации, — это методология того или иного направления буржуазного обществоведения.

Классификация и критика политико-правовых доктрин империализма предполагают также функциональную оценку соответствующих идей. С этой точки зрения различаются: а) концептуально оформленные представления и б) взгляды, предрассудки, настроения, эмоции определенных классов и слоев населения. Концепции в свою очередь могут выполнять функции «чистой» теории, своеобразного руководства к практической политической деятельности (органов буржуазного государства или буржуазных негосударственных объединений), наконец, «массовой» идеологии и пропаганды.

В последней функции буржуазные концепции государства и права смыкаются с политико-правовой психологией (настроениями, эмоциями) буржуа, мелких собственников, рабочей аристократии, части интеллигенции, в среде которых и культивируются выгодные монополистической олигархии взгляды.

Нетрудно заметить, что различные буржуазные теории государства и права имеют не всегда одинаковых адресатов. Есть теории для внутреннего употребления; другие идут «на экспорт» (особенно в развивающиеся страны); третьи — специально предназначены для антисоветской, антисоциалистической пропаганды. Конечно, «границы» здесь весьма подвижны и условны.

Возможна также дифференциация, так сказать, по «организационно-генетическому» признаку (идеи, выработанные в специальных центрах, в вузах и т. д.), отраслевому (концепции государства и права разрабатываются не только политологами и юристами, но также экономистами, социологами, историками и т. д.) и по другим признакам.

Остановимся несколько подробнее на классификации теорий по их предмету и объекту изучения. Многое здесь зависит от степени «дробления» или укрупнения объекта. Так, при ближайшем подходе к широко известной теории «государства всеобщего благоденствия» выясняется, что она представляет собой целый конгломерат разнообразных, часто взаимоисключающих одна другую концепций: «максимальное государство», от-

дельные направления неолиберализма, социальное государство, стейтизм, дирижизм, «смешанная экономика» и т. д.

То существенно общее, что позволяет под определенным углом зрения объединить эти разноречивые направления в единую теорию, восхваляющую капиталистическое государство и общество как «благоденствие для всех», не снимает потребности в более детальном рассмотрении входящих в нее наиболее значительных (т. е. сравнительно популярных, более распространенных) конкретных концепций.

Однако исследование и критика, ведущиеся только «по концепциям», вряд ли принесут успех, ибо логика предмета в этом случае окажется жертвой случайностей (подбора и объема литературы, известности и положения того или иного критикуемого автора и т. п.). Разумным, скорее, представляется в качестве исходного пункта исследования избрать реально существующие стороны самого объекта исследования (в данном случае государства, демократии, права, политической организации общества).

Таковыми являются, например, экономическая и социальная основы государства; его классовая природа, функции, аппарат, формы, методы деятельности; состав и структура политической организации общества и т. д. Это, понятно, не означает унификации всех концепций, касающихся, скажем, классовой природы государства. Напротив, в рамках предметного анализа предполагается, как необходимое, рассмотрение различий в их содержании, вытекающих главным образом из того, интересы какого класса или общественной группы та или другая концепция выражает (монополистической буржуазии, средней буржуазии, мелкой буржуазии, рабочей аристократии, богатого фермерства и т. д.).

Классовая суть буржуазных теорий проявляется в их политической направленности и в приемах отражения (искажения) действительности¹.

¹ Как справедливо отмечает В. А. Туманов, правовые, в собственном смысле слова, доктрины не столь прямо, более опосредованно выражают определенные групповые и классовые интересы (нежели доктрины государственно-политические), и проследить эти микровязи часто невозможно (см. В. А. Туманов, Буржуазная правовая идеология (к критике учений о праве), автореферат докт.

Как известно, главное идейно-политическое оружие империализма — это антикоммунизм¹, который в идеологии выступает не просто одним из направлений, но как свойство большинства буржуазных теорий. Однако значит ли это, что все современные немарксистские теории государства и права в равной степени проникнуты духом воинствующего антикоммунизма? Видимо, нет.

Существующие направления немарксистского государственоведения и правоведения далеко не адекватны по своему политическому содержанию. Можно наметить в этом аспекте такие направления: всецело антикоммунистические, антисоветские, клеветнические измышления, по сути весьма далекие от науки; буржуазно-объективистские теории, не лишенные антикоммунистических предрассудков; либерально-демократические, буржуазные и мелкобуржуазные теории, авторы которых пытаются «подняться» над противоположными социальными системами, усматривая в них «равнозначные пороки»; революционно-демократические, хотя и немарксистские, учения (особенно распространенные в развивающихся странах).

Немаловажны также функциональные классификация и оценка буржуазных теорий. Суммарно об этом сказано выше. В более конкретной постановке данный вопрос выглядит следующим образом: имеют ли немарксистские теории лишь агитационно-пропагандистскую дезинформаторскую направленность, т. е. служат ли только целям дезинформации трудящихся или имеют одновременно и практически прикладной характер?

Анализ показывает, что наиболее стабильные и теоретически разработанные концепции, выступая как средство апологетики буржуазных политико-правовых институтов, вместе с тем служат в определенной мере руководством в практической деятельности буржуазного государства, партий, союзов предпринимателей и других ассоциаций. Следовательно, они так или иначе отражают реальные процессы общественной жизни.

дисс. М., 1969). Но понятно, что этот тезис верен в отношении наиболее абстрактных, спекулятивных правовых концепций. Что же касается, например, буржуазной юридической советологии, то она непосредственно несет политическую нагрузку.

¹ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», 1973, стр. 51.

Несколько примеров. Классическая теория разделения властей, инструмент апологии буржуазной демократии, несмотря на свои иллюзорные постулаты («разделение» в действительности единой власти господствующего класса), является в капиталистических странах руководящим принципом конституционного распределения полномочий между государственными органами (здесь мы отвлекаемся от кризиса теории и практики разделения властей).

Буржуазная концепция «плюральной демократии» проповедует научно-несостоятельную идею диффузии государственной власти, ее «растворения» среди различных организаций, в том числе якобы и среди организаций трудящихся. Но одновременно она, несомненно, отражает, хотя и не вполне адекватно, распределение функций диктатуры буржуазии между теми организациями, которые входят в ее систему (механизм диктатуры). Кроме того, различные варианты этой концепции служат своеобразным руководством в деятельности многочисленных «групп давления», в функционировании организованного лоббизма. Известная теория «конвергенции» находит практическое выражение в политике «наведения мостов», «дифференцированного подхода» и других направлениях внешнеполитической деятельности империалистических государств в отношении стран социализма.

Или взять, например, так называемую социологическую юриспруденцию. Будучи в целом ненаучной теорией, она вместе с тем, безусловно, оказывает значительное, а в отдельных странах (типичный пример — США) определяющее воздействие на судебную практику¹.

Ясно, что критическое изучение буржуазных государственно-правовых теорий не должно ограничиваться поиском чисто логических противоречий в соответст-

¹ См. О. Ф. Иваненко, Правовая идеология американской буржуазии, изд-во Казанского университета, 1966; А. Старченко, Философия права и принципы правосудия в США, «Высшая школа», 1969. Вместе с тем необходимо весьма определенно оговорить, что от писаний очень многих буржуазных идеологов до практической реализации их идей сплошь и рядом дистанция значительного размера. Служащие буржуазного государственного аппарата обычно сравнительно здраво судят о политике, законодательстве и их реальных возможностях.

вующих концепциях. Реально существующие государства, политические и правовые системы являются объектами теоретической борьбы. Отсюда важность привлечения всего конкретного политико-правового материала при рассмотрении теоретических конструкций.

В определенной связи с предыдущим вопросом находится проблема объективного и субъективного в буржуазной науке о государстве и праве. Если в практически-политической области отношение марксистов к буржуазным доктринам размещено в диапазоне: от лапидарного разоблачения (например, фашистских «теорий») до обстоятельного диалога как формы критики с трезво мыслящими представителями либерально-буржуазных и социал-демократических воззрений¹, то в научно-познавательной сфере при всех условиях необходим серьезный поиск и тщательный анализ как объективных фактов, вызвавших появление данной концепции, так и форм отражения ею действительности.

В государственно-правовых воззрениях буржуазии реальность как бы претерпевает «удвоенное преломление». Истинная расстановка классовых сил, политические устремления и юридические потребности господствующего класса (финансовой олигархии — как главенствующей в нем фракции) искажаются прежде всего внешне респектабельными, демократичными, легальными институтами. Так, буржуазная правовая система по необходимости должна выглядеть непротиворечивой, т. е. как бы отвлекаться от социальных антагонизмов². Последующее (вторичное) искажение действительность претерпевает уже в идеологической области, в буржуазных и мелкобуржуазных апологетических учениях о государстве и праве. Причем это искажение является как следствием определенного политико-юридического «фетишизма», так и умышленного извращения действительности.

Критически исследуя буржуазную науку о государстве и праве, важно фиксировать ее развитие и изменения как в целом, так и в отдельных направлениях. Идеино-теоретический кризис как доминирующая тен-

¹ О диалоге как форме (способе ведения) идеологической борьбы см. «Идеология современного реформизма. Критика концепций правых социалистов», «Наука», 1970, стр. 587—597.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418.

денция не означает полного отсутствия каких бы то ни было результатов. В изучении ряда частных проблем, особенно путем использования естественнонаучных приемов исследования, некоторые ученые Запада получают значимые в познавательном отношении результаты (исследование общественного мнения, выявление ближайших, конкретных причин преступности и др.).

С прогрессом социализма и возрастанием влияния марксистских идей некоторые ученые-немарксисты все более критически относятся к капиталистической действительности и в этом смысле эволюционируют влево. В свое время В. И. Ленин отмечал: «...Передовые английские писатели под давлением требований жизни, которая все больше и больше оправдывает «прогноз» Маркса, начинают чувствовать несостоятельность традиционной буржуазной политической экономии и, освобождаясь от ее предрассудков, невольно приближаются к марксизму»¹. Этот процесс замечен и в государственно-правовой науке.

Вместе с тем непростительно было бы забывать о господствующей в буржуазной науке консервативной тенденции отстаивания капитализма и непринятия социализма как его единственной исторически оправданной альтернативы.

Сейчас особенно актуально предостережение К. Маркса о том, что корыстный классовый интерес буржуазии вызывает против свободного научного исследования «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса»².

Главное свое проявление в области политики антиобщественный интерес империалистической буржуазии находит в идеологии и практике антикоммунизма. Хотя, как было замечено выше, буржуазная идеология не сводится целиком к антикоммунистическим теориям, однако эти теории занимают в ней центральное место. В данном смысле правомерно будет констатировать возрастание *открытой* партийности буржуазного обществоведения. Это своеобразие состоит в том, что обычно не свойственная буржуазной науке открытая партий-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 156.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 10.

ность проявляется (разумеется, не как самопризнание в буржуазно-апологетическом характере этой науки) в откровенной антикоммунистической (антимарксистской, антисоциалистической, особенно антисоветской) ее направленности¹.

Здесь, очевидно, сказывается «известное перемещение центра тяжести стратегии империализма», которая «все в большей мере определяется классовыми целями общей борьбы против мирового социализма, национально-освободительных революций и рабочего движения»².

Вместе с тем в буржуазных политико-правовых теориях заметно стремление ряда авторов освободиться от антикоммунистических предрассудков и попытаться дать объективный анализ капиталистического строя. Это в свою очередь симптом обратного процесса — расширения антимонополистической коалиции и одновременно «расщепления» интересов и сознания буржуазии, дифференциации ее группировок.

Несмотря на определенную познавательную ценность такого рода исследований (особенно в плане раскрытия кризисных явлений в экономике, политической системе и идеологии империализма), им не хватает подлинной объективности. К ним мы вправе адресовать общую оценку рассуждений П. Струве, данную в свое время В. И. Лениным: «...Узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс»³.

Так или иначе, но сравнительно объективные исследования не делают погоды в буржуазной науке, в которой роль лидеров исполняют идеологи антикоммуниз-

¹ Это, разумеется, несколько не противоречит принципиальному ленинскому выводу, что «беспартийность» есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 138) и что «строгую партийность» всегда отстаивала и отстаивает «партия сознательного пролетариата» (см. там же).

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», Политиздат, 1969, стр. 45.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1 стр. 526.

ма. Это — несомненный симптом кризиса современного буржуазного обществоведения, поскольку доминирующее место в нем занимают не прогрессивные или хотя бы конструктивные идеи, а негативные концепции анти-марксистского свойства.

Кризис идеологии империализма — довольно сложное явление. Он не означает полной ее стагнации, прекращения развития, слепого тупика. Наоборот, «классовые интересы требуют от нее изучения и осмысливания новых социальных процессов и явлений, использования новых методологических и методических приемов, поисков новых средств опровержения марксистского мировоззрения»¹.

Подобно империализму в целом, его политико-юридическим установлениям в частности, буржуазная государственно-правовая идеология изжила себя *исторически*, но отнюдь еще не *политически*².

Кризис буржуазной идеологии состоит в том, что в целом она, отстаивая регрессивные интересы, носит иллюзорный, ложный характер. Но это вовсе не означает, что все и всякие идеи, ее составляющие, не имеют ничего общего с действительностью. Такое положение дел давно бы уже привело к исчезновению буржуазных концепций. Буржуазные теоретики должны выполнять данный им социальный заказ в возможно полном объеме. А это, несомненно, предполагает, с одной стороны, дезориентацию, духовную обработку масс, а с другой — поиски решений, вытекающих из объективно складывающейся обстановки, следовательно, и наличие истинных моментов в буржуазных воззрениях на государство, политику, право.

Таким образом, кризис буржуазного мировоззрения, во многом углубляющийся под влиянием марксистской критики, отнюдь не должен порождать какие бы то ни было признаки самоуспокоенности у сторонников научного коммунизма. Напротив, задачи ученых-обществоведов становятся все более сложными и ответственными.

«Противоборство сил капитализма и социализма на мировой арене, равно как и попытки разного рода ре-

¹ В. А. Туманов, Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве, «Наука», 1971, стр. 10.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 39—40.

визионистов выхолостить революционное учение, исказить практику социалистического и коммунистического строительства, — говорил Л. И. Брежнев, — требуют от нас и дальше усиленного внимания к проблемам теории, ее творческому развитию. Повторение старых формул там, где они уже изжили себя, неумение или нежелание по-новому подходить к новым проблемам — все это приносит вред делу, создает дополнительные возможности для распространения ревизионистских подделок под марксизм-ленинизм. Убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественных наук, марксистско-ленинской теории»¹.

Повышение эффективности борьбы против буржуазной идеологии приобретает особый смысл в условиях разрядки международной напряженности. Реализация Программы мира, выдвинутой на XXIV съезде КПСС, приводит к налаживанию взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества в области экономики, науки и техники, позволяет объединить усилия в разрешении ряда общих для человечества проблем (например, изучение космоса, борьба с болезнями, охрана окружающей среды).

Однако оздоровление международной обстановки пока еще не привело к ликвидации ряда остатков «холодной войны» в области буржуазной пропаганды. Будучи уверены в конечной победе марксистского мировоззрения, коммунисты решительно отвергают методы «психологической войны» (дезинформацию, клевету на социализм, раздувание военной истерии и т. п.). Сейчас, как никогда в прошлом, возрастают реальные предпосылки к преодолению этого наследия «эры конфронтации». Борьба же идей будет продолжаться. Такова объективная закономерность эпохи революционного перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

Несколько слов о характере предлагаемой вниманию читателей книги, который определяется в значительной степени ее подзаголовком. Проблемы государства и де-

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, Политиздат, 1972, стр. 310—311.

мократии рассматриваются лишь в связи с критикой соответствующих антимарксистских теорий. При этом в книге речь идет как о более или менее завершенных, сложившихся концепциях, так и о политико-теоретических воззрениях, получивших особенно заметное распространение в последние годы. Авторы не считали возможным обойти молчанием и отдельные высказывания буржуазных политических деятелей и ученых, которые, хотя и носят во многом политико-конъюнктурный характер, выражают тем не менее позиции определенных, весьма влиятельных кругов. Критическое рассмотрение взглядов наших идейных противников дополняется показом основных направлений кризиса буржуазной демократии, с одной стороны, и последовательного совершенствования системы социалистического народного — с другой. Сказанным во многом объясняется и общеполитическая заостренность настоящей книги.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИМАРКСИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ГОСУДАРСТВО

Состояние буржуазной политической идеологии достаточно отчетливо проявляется в одном из ее центральных пунктов — трактовке проблем государства и демократии в целом и в условиях современного капитализма в частности. Здесь также в общем заметны как превалирующие традиционные воззрения, все более бесплодные и отдаляющиеся от истины, так и попытки внести свежую струю, хотя бы отчасти адекватную действительности.

Так, с одной стороны, по-прежнему распространяются идеи «чистой», внеклассовой демократии «для всех»: «...Демократия — это политическая форма, которая не обязательно должна иметь какое-либо классовое содержание»¹. Как и прежде, многие теоретики связывают политическую систему общества исключительно с факторами духовной жизни, с внеисторически понимаемыми категориями морали и «неизменной» природой человека².

С другой стороны, трезво мыслящие буржуазные идеологи не могут игнорировать очевидное воздействие на государство и демократию экономического фактора и классового деления общества, хотя, понятно, заметно умаляют при этом масштабы и искажают механизм этого воздействия. Во всяком случае определенное распространение получили воззрения, согласно которым

¹ R. Alford, *Party and Society. The Anglo-American Democracies*, L., 1964, p. 288. Впрочем, даже в этой трактовке, что симптоматично, заметны отзвуки своеобразного буржуазного «классового» понимания демократии.

² См. D. Miller, *Modern Science and Human Freedom*, University of Texas Press, 1959.

распределение собственности и социальное неравенство в «некоторой степени» налагают свой отпечаток на государственно-правовые системы современности¹.

В плане политической ориентации буржуазные учения о государстве и демократии в общем можно разделить на элитарные и эгалитарные. Первые, обосновывающие необходимость сосредоточения власти в руках правящей элиты, занимают правый «фланг» буржуазного обществоведения и включают как традиционные, так и модернистские концепции.

Традиционные концепции опираются на достаточно избитые доводы о власти «избранных», «лучших», «естественных лидеров общества»². К модернистским концепциям, точнее нападкам на демократию, можно отнести неофашистские концепции «органической демократии» и современные идеи политической технократии. Вкратце остановимся на последних³.

Ряд буржуазных исследователей все чаще фиксируют внимание на кризисных явлениях в капиталистической системе власти. Однако причину этих явлений они усматривают в «чрезмерной демократии», которая в век научно-технического прогресса изжила-де себя и должна быть ликвидирована, уступив место «власти специалистов», технократии. Причем одни авторы предостерегают против угрозы «технократического тоталитаризма», другие — видят в нем единственный выход из кризиса буржуазно-демократической системы властвования.

Приведем две выдержки для иллюстрации обоих подходов к проблеме.

Французский исследователь марксизма пишет: «Каковы бы ни были симптомы умирания капитализма, прогноз об обществе управляющих наиболее правдопо-

¹ См.: Н. Morgenthau, *Modern Science and Political Power*, «Columbia Law Review», vol. 64, 1964, N 8; A. Downs, *An Economic Theory of Democracy*, N.Y., 1957; E. Rostow, *Planning for Freedom. The Public Law of American Capitalism*, New Haven and London, 1962; F. Oules, *Economic Planning and Freedom*, L., 1966.

² См., например, J. Knoll, *Jührungsansless in Liberalismus und Demokratie*, Stuttgart, 1957; H. Warrender, *The Political Philosophy of Hobbes*, Oxford, 1957.

³ Критику неофашистской доктрины «органической демократии» см. «Политико-правовые доктрины современного империализма», «Юридическая литература», 1974.

добен, даже если это общество будет лишь этапом; нас подстерегает тоталитарная технократическая опасность¹. С другой стороны, эксперты известной «Ренд Корпорейшн», занимающейся прогнозированием будущего (по заказу Пентагона и других правительственных учреждений США), считают, что «атомная революция», дескать, освободила своих деятелей от демократического мифа и необходимости получать согласие народа.

Детальный разбор такого рода воззрений требует специальной работы², но подчеркнем лишь одно обстоятельство. Нелепо было бы, конечно, отрицать серьезное воздействие научно-технического прогресса на политико-правовые системы современности³. Однако все попытки оправдать отказ от демократических институтов под предлогом удовлетворения требований научно-технической революции отвечают интересам, социальному запросу наиболее реакционных кругов современного буржуазного общества⁴.

В последние двадцать лет марксистская мысль сосредоточена на одной из важнейших проблем человечества — на проблеме социальной значимости всемирной научно-технической революции. Ее проникновение в сферу социальных отношений, вызываемые ею изменения, отношение к ней различных классов, политических движений, государств разных систем, даваемые ей идеологические интерпретации — все это составляет сложнейший комплекс вопросов, которые не в силах разрешить буржуазная наука и которые не может не решать марксистско-ленинская теория как единственное подлинно научное учение, познающее и преобразующее мир.

Многообразные реакционные и консервативные доктрины либо «отлучают» НТР от социального прогресса,

¹ L. Soubise, *Le marxisme après Marx*, Paris, 1967, p. 210

² См. Н. М. Кейзеров, *Власть без будущего*, «Юридическая литература», 1966; он же, *Власть и авторитет*, «Юридическая литература», 1973.

³ См. М. И. Лазарев, *Технический прогресс и современное международное право*, Госюриздат, 1963; А. И. Иойрыш, М. И. Лазарев, *Атом и космос*, Атомиздат, 1965; А. И. Иойрыш, *Атом и право*, «Международные отношения», 1969.

⁴ Подробнее о буржуазных взглядах на демократию при капитализме и социализме см. гл. III настоящей книги.

либо, напротив (как это делает Д. Белл в книге «Приход постиндустриального общества»), наделяют ее способностью автоматически «усовершенствовать» все современные социальные структуры¹ посредством их превращения в «постиндустриальное общество», избавленное от пороков капитализма и «односторонности коммунизма». Многие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи трактуют НТР как регрессивную силу, упраздняющую автономию личности и влекущую тоталитаризм экономического, социального и политического толка².

Известно, что государственно-монополистический механизм, военно-промышленный комплекс капиталистических стран стремятся подчинить себе научно-техническую революцию, используя ее достижения в узкокорыстных интересах³. Но прогресс науки и техники рано или поздно всегда влечет за собой и социально-прогрессивные сдвиги. Общественные последствия научно-технической революции размывают почву капитализма. Коммунисты и в теории, и на практике стоят за *гуманистическое использование НТР* как величайшего, объективно прогрессивного процесса, творческие потенции которого могут быть поставлены на службу человеку лишь при условии соединения научно-технической революции с активной социально-политической деятельностью революционных и демократических сил. Общественный характер современного производства и государственно-монополистические формы его регулирования пришли в противоречие, которое может быть разрешено только путем социальной и политической революции.

Научно-техническая революция второй половины XX века оказывает все более революционизирующее воздействие и на социальную систему современного капитализма. Она умножает ряды людей наемного труда,

¹ См. также А. Тoffler, *Der Zukunftsschock*, München, 1971.

² См., например, L. Mumford, *The Myth of Machine*, N.Y., 1970.

³ Подробнее см. М. В. Баглай, *Капитализм, научно-техническая революция, профсоюзы*, Профиздат, 1973; «США: научно-техническая революция и тенденции внешней политики», «Международные отношения», 1974; «Идеологические проблемы научно-технической революции», «Наука», 1974; В. В. Борисов, *Пентагон и наука*, Воениздат, 1975, и др.

сближает широкие круги интеллигенции с рабочим классом, побуждает народные массы выдвигать все более высокие, классово заостренные социальные цели и идеалы. НТР до корней обнажает эксплуататорскую, антинародную и реакционную природу государственно-монополистической системы, ее антидемократизм.

Напротив, социалистический строй — единственный, отвечающий потребностям прогресса науки и техники. Задача его — в соединении своих социально-исторических преимуществ с потенциями НТР в интересах человека, его всестороннего, свободного развития.

Итак, век научно-технической революции стал веком и величайших социальных революций. Овладение человечеством властью над природой ведет, через преобразование социальной структуры, к овладению законами общественного развития. В конечном счете НТР есть сила, способствующая демократизации социальной и политической жизни. Но осуществляют эту миссию не наука и техника сами по себе, а народные массы, последовательно прогрессивные общественные силы.

Вот почему глубоко заблуждаются (либо сознательно затемняют истину) те «марксологи», которые приписывают марксизму-ленинизму нашего времени фетишизацию НТР, надежды на то, что она-де автоматически, минуя социальную революцию, «цивилизует мир»¹.

Фальсификация марксизма, в частности его социально-политической теории, занимает одно из ключевых мест во всей совокупности буржуазных концепций. Среди них заметны приемы, которые можно назвать «имманентной критикой» в адрес марксизма-ленинизма. Ее появление — свидетельство приспособления антимарксизма и антикоммунизма к новым условиям идеологической борьбы.

Идеологический антикоммунизм, так же как и политический, многолик. Творцы буржуазной науки по-своему уразумели диалектику. Каждый значительный этап развития коммунизма — социалистического общественного строя, коммунистического движения, марксистской науки — сопровождается некоей перестройкой их рядов, сменой вех, обновлением (обычно псевдообновлением) приемов «опровержения» научного коммунизма.

¹ См., например, «Osteuropa», Id. 20, Hf. 9, September 1970. S. 596.

Не составляют исключения и те буржуазные ученые, которые избрали своим занятием критику государственно-правовых институтов социалистических стран и одновременно — искажение марксистского учения о государстве и праве. Эта проблематика не сходит со страниц многочисленных буржуазных изданий¹.

Однако проповедникам антикоммунизма, за исключением самых твердолобых, приходится обновлять свой «теоретический» арсенал. Парадоксально, но факт, что все чаще слышатся голоса, принадлежащие заведомым антисоветчикам и антикоммунистам, голоса в «защиту» марксизма от ревизирующих-де его коммунистов. Подобно ревизионизму, новейший антикоммунизм, говоря словами В. И. Ленина, «тоже приспосабливается к марксизму, «исправляя» его...»². Как и ревизионисты, многие антикоммунисты «сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому»³. Эта «апелляция» выглядит обычно как противопоставление марксизму ленинизма и дополняется, особенно в последние годы, обвинением коммунистических партий в отходе не только от «классического марксизма», но и от ленинизма.

Итак, перед нашими идейными противниками стоят прежние цели: дискредитация и неиспровержение коммунизма, его теории, его революционно-созидательной практики. Приемы их борьбы относительно новые: наскоки против коммунизма «с позиции марксизма».

Антикоммунизм в буржуазном правоведении не сводится к искажению социалистического государства и права и марксистского учения о них. Он проявляется также в трактовке капиталистического государства и права, политико-правовых систем развивающихся стран. Особое место в инструментарии антикоммунизма отведено «опровержению» исходных, общетеоретических понятий марксистского учения о государстве и праве.

При этом буржуазные теоретики сосредоточивают усилия на том, чтобы опорочить принципиальные марксистские положения о соотношении государства и пра-

¹ K. West en, Die Kommunistische Partei der Sowjetunion und der Sowjetstaat, Köln, 1968; «Problems of Communism», September — Oktober, 1970.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.

³ Там же.

ва с классовым обществом, в частности о соотношении государства, права и экономики; государства, права и классов. «Внедрение» в эту проблематику сопровождается «самооснащением» буржуазных концепций марксистской терминологией и использованием против теории научного коммунизма отдельных, умышленно подобранных и притом произвольно истолкованных марксистских положений. Ныне этот прием употребляется для отстаивания старой легенды о «вечности» государства. Автор книги «Марксизм и право» К. Стоянович вполне согласен с тем, что государство есть концентрированное выражение силы и что существование его, равно как и права, предполагает отношения господства и подчинения. Он также разделяет известное положение о наличии принудительной власти, авторитета и подчинения во всяком обществе, на всех (уже известных или предвидимых) ступенях его развития, независимо от экономической структуры, в том числе и форм собственности. Следовательно, делает вывод К. Стоянович, государство и право — неизбежный продукт общества, его постоянные и вечные спутники и без них «общество немыслимо»¹.

Нынешняя форма отношений господства и подчинения объявляется универсальной и неизменной, не зависящей от развития общества, его первичных, материальных отношений, тогда как характером и уровнем зрелости которых как раз и определяются конкретно исторические формы отношений господства и подчинения².

Именно такой исторически преходящей формой является специальный аппарат, именуемый государством. Его существование, как и существование права, обусловлено в конечном счете определенными формами собственности на средства производства и, следовательно, определенными, а именно классовыми по преимуществу, интересами тех, кто эту собственность олицетворяет.

Концепции внеисторической и внеклассовой природы государства и права подкрепляются квазимарксистски-

¹ К. Stoyanovitch, *Marxisme et droit*, Paris, 1964, p. 341.

² Маркс неоспоримо доказал следующее: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354).

ми аргументами. Если в рассуждениях К. Стояновича этот прием «доказывания» сравнительно мало замечен, то другие авторы прибегают к нему открыто и беззащитно. Так, Л. Сандерсон в работе «Маркс и Энгельс о государстве» утверждает, что основоположники научного коммунизма создали, мол, две параллельные теории государства: одна из них исходит из признания классовой сущности государства, другая — применительно к иным историческим ситуациям — признает возможность его надклассового характера¹.

Вывод Сандерсона — результат вульгарного понимания классовой сущности государства и упрощенной трактовки марксистских воззрений. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин не утверждали, что сущность государства состоит лишь в служении его одному классу, при всех и всяких условиях. Напротив, анализируя типы, разновидности и формы государства, основоположники марксизма-ленинизма выявили множество разнообразных вариантов во взаимоотношении государства и классов. Наряду с наиболее часто встречающимся в истории безраздельным господством одного класса возможно также совместное господство двух и даже более классов. В переходную эпоху смены феодализма капитализмом возникает равновесие сил двух господствующих классов — буржуазии (господствующей экономически) и дворянства (господствующего в политической сфере) и как продукт этого равновесия — абсолютистское государство. Позднее появляется бонапартизм — результат известного равновесия сил городской буржуазии и пролетариата². Бонапартизм находил социальную базу в консервативных, наиболее зажиточных слоях крестьянства, т. е. сельской буржуазии.

При всех условиях даже государство, обладающее гипертрофированной самостоятельностью (а такие ситуации не типичны, даже исключительны для истории), во-первых, не есть результат компромисса противостоящих классов — эксплуататоров и эксплуатируемых, ибо

¹ См. L. Sanderson, *Marx and Engels on the State* («Western Political Quarterly», v. 16, 1963, N 4). Сходные взгляды высказывал видный французский государствовед М. Дюверже (см. M. Duverger, *Droit constitutionnel et institutions politiques*, Paris, 1955, p. 329—390).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 254.

равновесие классовых сил совсем не то же, что компромисс классов. Во-вторых, оно имеет ту или иную социальную базу в лице определенных общественных слоев (частей класса, межклассовых групп и т. п.). В-третьих, так или иначе, это государство обычно не прямо, а косвенно выражает интересы одного или двух, но непременно эксплуататорских классов.

Заметное место в современной антикоммунистической «критике» марксистско-ленинской теории государства и права занимают нападки на дальнейшее творческое развитие этой теории по вопросам социалистического государства и права. Именно в этом пункте особенно часто встречаются противопоставления ленинизма воззрениям К. Маркса и Ф. Энгельса, а также современных положений марксистско-ленинской теории «классическому» марксизму.

Вот характерные высказывания на этот счет. Идеолог правой социал-демократии Ф. Штернберг допускает, что «марксизм может стать творческой силой, которой будет принадлежать будущее», но лишь при условии его «очищения от ленинизма»¹. К. Гржибовски писал: «Из различных направлений социалистической теории о роли права и государства в социальном развитии в направлении более высших форм существования советская теория без сомнения дальше всех стоит от первоначальной марксистской доктрины»².

Таковы, к примеру, и доводы буржуазных «советологов», отвергающих современные марксистские правовые воззрения и критикующих социалистические правовые системы с позиций «ортодоксального марксизма». Марксизму-ленинизму приписывают сугубо негативное отношение ко всякому праву, а юристов социалистических стран упрекают в отступничестве от «классического» марксизма.

В буржуазной литературе сплошь и рядом встречаются приблизительно такие утверждения: «Классический марксизм является... критикой права и наукой свержения права, наукой революции»; «само существование социалистического права является для марксист-

¹ F. Sternberg, Anmerkungen zur Marx-Heute, Frankfurt am Main, 1965, S. 87.

² K. Grzybowski, Soviet Legal Institutions. Doctrine and Social Function, The University of Michigan Press, 1962, p. 10.

ской теории новшеством и противоречит духу марксизма, если не его букве»¹. Апеллируют при этом к К. Марксу. Так, например, Г. Берман заявляет: «Карл Маркс занимал глубоко отрицательную позицию по отношению к праву... Право для Маркса было инструментом подавления и классового господства, системой санкций, предназначенных для того, чтобы гарантировать основные принципы классового господства и особые интересы правящего класса»².

Из этой «теоретической» посылки выводятся другие положения, имеющие уже более выраженную практически-политическую направленность. Во-первых, если марксистско-ленинское учение выступает против любого права, то, значит, коммунисты — противники законности. Подобная клевета заполняет повседневную буржуазную пропаганду и находит себе место в научных изданиях. Во-вторых, доказывается, что вследствие негативного отношения к праву основоположники марксизма-ленинизма не разрабатывали его теорию: «...Ни Маркс, ни Энгельс не видели необходимости разрабатывать теорию права: более важным было работать в направлении отмены права»³. В-третьих, поскольку они якобы выступали против права, постольку признание неизбежности существования и необходимости использования права до утверждения полного коммунизма есть, дескать, отступничество от марксизма.

Разумеется, действительное отношение марксизма к праву отнюдь не таково, каким его изображают буржуазные ученые. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс, а до возникновения Советского государства и В. И. Ленин, в юридической области уделяли внимание преимущественно критике действовавшего права, показу его несправедливости, угнетательского характера, подчеркивали необходимость его преодоления. Разработке конкретных проблем социалистического права уделялось сравнительно меньшее внимание.

¹ E. Kamenka, *The Soviet View of Law* («Problems of Communism», v. XIV, 1965, N 2, p. 8).

² H. Berman, *Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law*, N.Y., 1963, p. 23, 167. См. K. Grzybowski, *op. cit.*, p. 10.

³ J. Henchy, *The Communist Theory of Law. Studies* («An Irish Quarterly Review», 1957, p. 413).

Однако сказанное отнюдь не означает, что до Октябрьской революции вообще не существовало марксистской теории социалистического права. Такое мнение было бы в корне ошибочным. В частности, в произведениях К. Маркса «Критика Готской программы» и В. И. Ленина «Государство и революция» были изложены отправные положения о необходимости, характере и роли права в период строительства социализма и коммунизма.

Широкое развитие теория и практика социалистического права получили после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в условиях строительства нового общества В. И. Ленин, Коммунистическая партия непосредственно занялись проблемами законодательной деятельности молодого государства и детальным разрешением теоретических вопросов социалистического права и законности.

Лично принимая участие в подготовке важнейших законодательных актов Советского государства, в работе по кодификации советского права, В. И. Ленин связывал условия прочной и твердой власти и развития гражданского оборота с необходимостью строгого осуществления революционной законности¹. В. И. Ленин внес огромный вклад в теорию социалистического права и законности.

Естественно, что марксистско-ленинская теория о государстве и праве (особенно теория социалистического государства и права) развивалась. Она углубляла и конкретизировала уже выдвинутые положения и обогащалась новыми выводами.

Наряду с рассмотренной «имманентной критикой» современная буржуазная идеология включает и такой неизвестный до середины 50-х годов идеологический инструмент, как теория «конвергенции». Она тесно связана с политикой «наведения мостов», рассчитанной на «эрозию» социализма, на его «деидеологизацию»². Эта внешнеполитическая доктрина в свою очередь опирается на теоретические конструкции — идеологический про-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 329; т. 39, стр. 155.

² Идея «деидеологизации» социализма высказана, например, в книге: Z. Brzezinski and S. Huntington, *Political Power: USA — USSR*, N.Y., 1964, pp. 17, 42, 69.

дукт третьего этапа общего кризиса капитализма, призванные обновить арсенал пропагандистско-психологической войны с мировым социализмом.

Империализм есть, по выражению В. И. Ленина, умирающий капитализм. Не в том, разумеется, смысле, что он полностью обессилел и представляет собой «бумажного тигра». Нет, «умирающий» означает, во-первых, что империализм не соответствует потребностям прогрессивного развития человечества и является главным препятствием этому развитию. Во-вторых, государственно-монополистический капитализм, будучи материальной подготовкой более высокого общественного строя, объективно требует революционного преобразования общества на социалистических началах. Неизбежную перспективу этого преобразования империализм, господствующий класс пытаются предотвратить путем приспособления современного капитализма к условиям борьбы и сосуществования противоположных систем.

В области идеологии и пропаганды это приспособление вызвало к жизни теорию «конвергенции», или «синтеза» капитализма и социализма, а также ряд аналогичных концепций («единого индустриального общества» и т. п.), как бы «подпирающих» идею сближения, а затем и «слияния» противоположных социальных систем. Одним из результатов этого оказалось известное «расслоение» буржуазной идеологии и в ее концентрированном выражении — антикоммунизме.

В современной антикоммунистической идеологии условно можно выделить два основных направления: традиционно негативное (сторонники его — это ультра-реакционеры, продолжающие мыслить категориями «холодной войны» и видящие свое главное оружие в борьбе против коммунизма, в «лобовых атаках», оголтелой клевете, провокациях, прямых враждебных акциях) и псевдолиберальное, прикрывающее свою враждебность коммунизму флером рассуждений о гуманизме, миролюбии и т. п. Грань между этими направлениями не всегда заметна, и различие состоит, по сути дела, лишь в средствах борьбы против СССР и других стран социализма. Все большую популярность среди буржуазных политиков и идеологов приобретает вторая, псевдолиберальная форма антикоммунизма.

Изобретаются новые методы и расширяется фронт

идеологических диверсий против социализма, его теории и практики. Среди этих методов — теория «сближения», или «слияния», капитализма и коммунизма, согласно которой коммунизм и капитализм, несмотря на их коренное различие, будто бы развиваются в одном и том же направлении и «принудительные экономические императивы всеобщего индустриального развития» постепенно приведут к «гибридизации» двух систем, их «синтезу», к образованию «смешанного» общества путем «внутреннего изменения социализма» и некоторой «модернизации капитализма». В основе этой доктрины лежат следующие факторы: во-первых, сравнительно трезвая оценка опасности современной войны, страх перед военным разгромом и неминуемой в этом случае гибелью капитализма; во-вторых, желание представить капитализм в виде прогрессивно развивающейся, «социализирующейся» системы и тем самым обмануть трудящиеся массы, спекулируя на их растущих симпатиях к социализму; в-третьих, вынужденное признание успехов мирового коммунизма — его идеологии, его движения и его практических результатов, т. е. социалистического общественного строя, и одновременно попытка дискредитировать этот строй, доказать, что он развивается по линии «капитализации»; в-четвертых, стремление завлечь народы слаборазвитых в экономическом отношении стран на путь капиталистического развития, подчинить их империализму; в-пятых, попытки дезориентировать пролетариат, объявив классовую борьбу бесплодной и устаревшей.

Кроме того, вероятно, существуют просто наивные люди, искренне мечтающие о соединении реальных преимуществ социализма с привычными для них мнимыми «прелестями» капитализма. Их цель — попытаться, так сказать, влить свежую, горячую кровь нового мира в дряхлеющее тело умирающего общества, обновить капитализм за счет социализма¹.

¹ О «буржуазном перерождении» Советской власти твердили различные антипартийные группировки еще в 20-х годах, вторя контрреволюционным эмигрантам, как белогвардейцам, так и меньшевикам (см. «Вопросы истории КПСС» 1974 г. № 8, стр. 19—20, 23—24). Теперь эту вздорную идею дополняют не менее старыми концепциями «социализации» капитализма. Гибридом оказалась в результате такого «скрещивания» теория «синтеза».

В целом же, несмотря на кажущийся либерализм и внешнее миролюбие, указанные идеи, как правило, представляют собой вариант антикоммунизма¹, ибо их носители клеветают на социалистический общественный строй, извращают подлинный характер современной эпохи, пытаются использовать лозунг мирного сосуществования во вред социализму, мировому коммунистическому движению и на пользу империализму. Если откровенный агрессивный антикоммунизм — идеология и политика буржуазии, готовой на любые авантюры, то антикоммунизм, рядящийся в одежды либерализма, — это идейно-политическое оружие тех групп буржуазии, которые решили бороться против социализма, как говорится, «тихой сапой».

Критическое рассмотрение теории «слияния» капитализма и социализма в ее различных вариантах необходимо предполагает анализ методологических основ этой теории. Главный метод, которым пользуются идеологи антикоммунизма, проповедующие «синтез» двух систем, — это произвольное и извращенное толкование более или менее универсальных закономерностей, в соответствии с которыми развиваются реально существующие процессы и явления в обществе.

Марксизм-ленинизм не отвергает существования определенных общих закономерностей развития всего человечества, будь то законы экономического, социального или идейно-политического движения. Более того, только марксизм вскрывает и научно разрабатывает общие проблемы поступательного исторического развития человечества, которое протекает путем революционных смен одних общественно-экономических формаций другими, более прогрессивными формациями. При этом вскрывается источник прогресса — борьба социальных противоположностей, объективно непримиримая классовая борьба.

Ведущей силой современности является мировая социалистическая система, а основная пружина поступательного развития человечества в современную эпоху —

¹ См. С. Л. Зивс, Критика концепций синтеза двух политических систем. — В кн. «Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма (Критический анализ)», «Наука», 1970; В. Д. Гранов, Некоторые политические аспекты теории конвергенции (там же).

это борьба между социализмом и капитализмом, наступление социализма в мирном экономическом соревновании, революционное движение рабочего класса и национально-освободительное движение.

Сторонники теории «синтеза», признавая факт этой борьбы, пытаются доказать, что она кончится «слиянием», примирением двух противоположных тенденций. Однако подлинная, притом всеобщая, закономерность современной эпохи состоит не в «слиянии» двух систем, а в революционной смене капитализма социализмом во всемирном масштабе.

Кроме закономерностей, присущих данной эпохе в целом, имеются некоторые не столь универсальные явления, однако в какой-то степени общие для стран с различным социальным строем. Например, во всех развитых странах действуют определенные законы товарного производства. Но было бы глубоко ошибочным забывать о том, что формы и пределы действия этих законов, их социальные последствия, степень познания и цели использования определяются не чем иным, как характером общественного устройства и политической власти в каждой стране, в каждой из мировых социальных систем.

Следовательно, такое обобщение, которое приводит к игнорированию этого важнейшего фактора (а именно такими обобщениями и занимаются антикоммунистические теоретики), порождает ненаучную, бессодержательную абстракцию, не отражающую качественно противоположных особенностей капиталистического и социалистического хозяйства.

Теоретики конвергенции пытаются истолковывать в своих целях и такое явление, как общее для всех развитых стран усложнение государственных функций, все большее воздействие политико-правовых институтов на жизнь общества. Однако если в странах капитала рост полномочий государственного аппарата предопределен потребностями государственно-монополистического хозяйства, обострением классовой борьбы, усилением антикоммунистической, антидемократической деятельности государства внутри и вне страны, то в странах социализма повышение роли государства и других политических организаций вызывается принципиально иными факторами.

Среди этих факторов — усложнение задач социали-

стического и коммунистического строительства, потребность в совершенствовании планового и вообще организационного начала в экономической жизни, участие в управлении обществом невиданно широких масс трудящихся и т. п. И если усиление империалистического государства означает все больший его отрыв и противопоставление подавляющему большинству членов общества, применение реакционных методов поддержания власти, то особенность социалистического государства состоит в том, что стоящие перед ним задачи осуществляются на основе активного участия всех граждан в управлении, всестороннего развития демократии.

Сторонники теории «синтеза» спекулируют и на том, что в области общественной психологии, морали, нравов также имеются известные, веками вырабатывавшиеся общие этические ценности, идеалы, привычки — стремление к свободе, любовь к труду, отвращение к нечестности и некоторые другие принципы, нормы поведения, мотивы человеческих устремлений и т. д.

Но судьбы этих явлений при капитализме и социализме глубоко противоположны. Капитализм, эксплуатация уродуют общечеловеческую мораль, подчиняют ее классовой, буржуазной морали, глубоко противоположной подлинно человеческим ценностям. Лишь в борьбе против капитализма, за социализм и коммунизм все эти понятия приобретают свое истинное содержание и подлинное значение.

Из сказанного видно, что основной методологический прием, используемый теоретиками «синтеза» противоположных общественных систем, — это эклектицизм, а равно ненаучное абстрагирование, неоправданное и спекулятивное выпячивание общих формальных, поверхностных черт и пренебрежение к существенным, закономерным, глубинным особенностям.

Конечно, чисто количественный подход к той или иной абстракции, оценка ее научности лишь по степени абстрагирования были бы ошибочными. Самые «высокие» абстракции необходимы и закономерны, если они фиксируют существенное, главное. Так, Программа КПСС исходит из существования единого человеческого общества на земле (что несколько не означает игнорирования противоположностей социалистического и капиталистического строя), когда говорит, что перевес сил социализма над силами империализма, сил мира

над силами войны приведет к тому, что еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества¹. В документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий (1969 г.) подчеркнуто, что «коммунистическое движение — неотъемлемая часть современного общества и самая активная его сила»².

Буржуазные же теоретики идут по пути создания бессодержательных, «зряшных», по выражению В. И. Ленина, абстракций. Это весьма распространенный в буржуазной социологии прием, который сочетается с традиционным вульгарно-эмпирическим приемом «микро-социологии». И первый, и второй приемы служат одной социальной цели — защите капитализма, борьбе против коммунизма и марксистской науки.

Подчинение гносеологии классовому заказу буржуазии можно проследить на примере социального моделирования — распространенного метода социологии. Так, американские ученые К. Тейлор, Д. Мак-Кинни, Дж. Бешерс и другие занимаются конструированием моделей «типичного современного общества». Причем в качестве общих черт субъективно и формально подбираются поверхностные признаки принципиально противоположных общественных систем. Конечно, метод моделирования возможен и полезен в социальном исследовании, но лишь тогда, когда конструирование модели или «типа», не произвольно, а объективно, истинно.

Между тем буржуазная «типология» в немалой степени подчинена объективно антинаучным и политически реакционным запросам империалистической буржуазии. Отсюда — использование «социального моделирования» для обоснования «синтеза» капитализма и социализма.

Рассмотрим некоторые из вариантов теории конвергенции или теории «синтеза», социально-политических систем.

¹ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 58.

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», стр. 329.

Социально-экономический вариант этой теории выступает в виде концепции «единого индустриального общества». Выдвинутая такими буржуазными социологами, как У. Ростоу, Дж. Бернард (США), Ф. Перру, Р. Арон (Франция) и другими, она проповедует, во-первых, единство социально-экономической природы капитализма и социализма, во-вторых, тождественность тенденций и закономерностей их развития и, в-третьих, растущую адекватность их социальных структур. Сторонники этой концепции исходят из общности индустриальной, промышленной основы современной цивилизации. Проблема экономической структуры общества сводится ими к его технической и естественнонаучной базе и вытекающей отсюда высокой дифференциации профессиональных функций, усложняющемуся разделению труда отдельных групп производителей. Тем самым игнорируется все, что непосредственно относится к специфике производственных отношений капитализма и социализма, тщательно маскируется их противоположность, качественная несовместимость форм собственности, положения классов в общественном производстве. Все это заслоняется характеристикой производительных сил, проблемами организации труда и технологии производства.

Для извращения закономерностей экономического развития капитализма и социализма конструируются искусственные общие законы развития человечества, У. Ростоу, например, насчитывает шесть стадий, которые прошло человечество, начиная с так называемого «традиционного общества» и кончая «обществом достижения качества жизни». Каждая «стадия» соединяет самые различные способы производства, обмена и распределения. Объединяющими признаками считаются уровень развития техники, уровень индивидуального потребления и особенности психологического порядка, свойственные членам общества на той или иной его «стадии».

Конечно, отсутствие атомных реакторов характерно как для эпохи рабства, так и для средневековья, однако это обстоятельство никак не дает оснований считать одинаковым уровень развития техники, свойственный этим различным периодам истории, как это делает У. Ростоу, именующий их стадией «традиционного общества». Так что даже с точки зрения чисто технологи-

ческой его периодизация истории необоснованна. Если учитывать особенности рабовладельческой и феодальной форм собственности, специфику классовой структуры и политической надстройки, то наукообразная теория У. Ростоу и его последователей оказывается совершенно несостоятельной в попытках опровергнуть подлинно научное марксистское учение об общественно-экономических формациях.

За время формирования концепции У. Ростоу о стадиях экономического роста, идеи технологического детерминизма общественного развития не только не исчезли, но, напротив, приобрели еще более широкое влияние на всю буржуазную общественную науку. По существу эти идеи суть вульгарная интерпретация научно-технической революции и ее социальных последствий.

Буржуазные экономисты приписывают общие закономерности развития современным противостоящим общественно-экономическим системам. Причем это «общее» обосновывается не только «фактологически» (выдвигаются отдельные факты и подтасовывается статистика), но и «гносеологически» — проповедуется идентичность марксистского экономического анализа и различных буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских концепций. Эту идею развивает проф. Чикагского университета А. Харрис, выпячивающий ряд «общих» черт, якобы объединяющих различные буржуазные и реформистские теории, с одной стороны, и марксистскую политическую экономию — с другой.

Общее между марксизмом и технократическими, корпоративными теориями Коммэнса, Веблена и других заключается, по его мнению, в рассмотрении капитализма как системы насилия, в стремлении к большей свободе и благосостоянию масс и в признании регулирующей роли государства в экономике.

Здесь опущено то важнейшее обстоятельство, что марксизм исходит из необходимости ликвидации капитализма и научно обосновывает неизбежность революционного превращения его в социализм, тогда как вышеназванные теории содержат рецепты «усовершенствования» капиталистической системы¹.

¹ Причем буржуазно-реформистская критика капитализма в ее современном виде своим острием направлена против «старого капи-

В частности, призывы к повышению благосостояния населения и усилению государственного вмешательства в экономику означают не что иное, как стремление, сохранив капитализм в качестве общественной системы, в то же время преодолеть органически присущее этой системе несоответствие между производственными мощностями и постоянно отстающим уровнем спроса, приводящее к систематическим экономическим спадам, постоянной безработице и обострению классовой борьбы.

Кроме того, Харрис «забыл» сообщить о том, как марксизм и указанные теории относятся к частной собственности, социалистической революции, диктатуре рабочего класса. Он попросту выискал внешне сходные черты противоположных социальных учений. Те же идеи, которые составляют существо марксизма как учения, обосновывающего необходимость революционного ниспровержения капитализма, Харрис полностью игнорирует.

Показательно то внимание, с которым западные экономисты следят за развитием планового хозяйства в СССР и других социалистических странах. Сопоставляя темпы развития социалистической экономики и экономики ведущих капиталистических стран, эти ученые приходят к небезынтересным выводам. С их точки зрения, необходимо положить конец бесплановому, хаотическому развитию капиталистического хозяйства и с этой целью усилить государственное регулирование. В таких призывах немного нового, ибо государственно-монополистический капитализм существует уже не первое десятилетие и его опыт показывает, что государственное регулирование и планирование в капиталистических странах, во-первых, ограничены теми рамками, которые ставит им частный капитал, во-вторых, служат обогащению монополий.

Но вот что действительно ново, так это требование заимствовать и перенести в буржуазную среду опыт планирования и хозяйствования «советского образца». В самом деле, раньше, когда буржуа говорили о «социалистических элементах» в экономике, имелось в виду

тализма», капитализма XIX века. Монополистический же капитализм преподносится как стадия преобразования в «технотронное» или «постиндустриальное» общество, «демократический социализм» или нечто в том же роде.

все что угодно, но не «большевистский социализм», который объявлялся противным «человеческой природе». Теперь же многие не только требуют использования советского экономического опыта, но даже находят уже готовые элементы «коммунистического социализма» в экономике «свободного мира».

Новый, послевоенный рост государственно-монополистического хозяйства сторонники теории «конвергенции» объявляют процессом «социализации» капитализма. При этом они вовсе не намерены расстаться с частной собственностью на средства производства, их идеал — «смешанная», частногосударственная экономика, или «социализированный капитализм», при условии «капитализации социализма» и «встречного развития» двух систем.

Однако, требуя от социалистической экономики признания принципа свободы частной инициативы, эти господа не желают поступиться ни одной существенной чертой современного монополистического капитализма, ибо за «жертву» в пользу «социализации» они выдают государственное вмешательство в экономику, целиком служащее финансовому капиталу.

С наиболее детальным «обоснованием» встречного движения капитализма и социализма выступил американский экономист проф. У. Бакинхем, книга которого и сейчас типична и репрезентативна как образчик «конвергенционизма»¹. Его основная идея состоит в признании «чисто теоретических» расхождений между капитализмом и социализмом и их большого сходства на практике. «Единая теория экономического роста» должна помочь уже начавшемуся сближению двух систем и привести «к единой экономической системе». Это сближение явится-де основой мирного сосуществования до тех пор, пока не будет окончательно преодолено последнее различие между экономическими структурами социализма и капитализма.

В чем же состоит сущность «единой теории экономического роста»? Бакинхем исходит из того, что, с одной стороны, «некапиталистические системы, существующие длительное время, доказали на практике свою

¹ См. W. Buckinham, Theoretical Economic System. Comparative Analysis, N.Y., 1958.

экономическую значимость. Теперь уже не следует ожидать их падения». С другой стороны, «капиталистическая система претерпела такие большие изменения, что возникают серьезные вопросы относительно характера современного капитализма и перспектив его развития в будущем». Капиталисты стали «благоразумными» и дают государству возможность ограничивать их произвол в целях «всеобщего благоденствия», а кризисы и безработица теперь вполне преодолимы. Все это, по Бакинхему, означает «социализацию капитализма».

В СССР, напротив, якобы заметен сдвиг к «либеральному социализму». Аналогичные идеи высказывает Р. Арон, по мнению которого, например, СССР и США являются прежде всего «индустриальными обществами», а различия между ними сравнительно малосущественны, тем более что капитализм «социализируется», социализм «либерализируется»¹.

В результате «слияния» капитализма и социализма образуется «гибридная» экономическая система, в которой будут восприняты от социализма — экономическое равенство индивидов, контроль рабочих над производством и экономическое планирование, а от капитализма — частная собственность на средства производства, прибыль как стимул производства и рыночная стихия как форма обмена и распределения. Таким образом, речь идет об «улучшенном» варианте капитализма, фантастически соединяющем взаимоисключающие черты.

Антикоммунистические диверсии буржуазных идеологов отнюдь не ограничиваются сферой экономики. Некоторые из них предрекают «капитализацию» политической системы социалистических стран, их государственно-правовых институтов, культуры и психического склада их народов. Типичен в этом отношении тезис о том, что марксистская концепция противоположности коммунизма и капитализма вообще, дескать, изжила себя. Капитализм трансформировался и привел общество как к материальному благосостоянию, так и к политической свободе. В социалистических странах же происходит «децентрализация», «либерализация», изменение политических методов. Словом, предрекается на-

¹ См. R. Aron, *The Epoch of Universal Technology*, L., 1964; Он же, *Dix-huit Lecons sur la société industrielle*, Paris, 1962, p. 17.

ступление «либеральной демократии западного образца».

Во взглядах такого рода весьма заметно стремление свести противоположность двух мировых систем к юридическим различиям; игнорируется экономическая основа, специфика общественного развития каждой из систем, ее цели и исторические судьбы. Наконец, под видом «объективной» констатации политико-правовых различий между капитализмом и социализмом преподносится избитая клевета о «недемократичности» социалистических государств.

Проповедники теории «синтеза» уверяют, что результатом эволюционного развития двух политических систем будет создание единого мирового государства, «наивысшей формы коллективной жизни людей», причем, разумеется, это государство будет создано на базе западного «функционального типа правления», т. е. на основе буржуазного государства. В свое время такие взгляды выразил Ж. Монне, член «Комитета действия за создание Соединенных Штатов Европы» (ныне распущенного). В статье «Ответ США на рост Советского Союза» он писал: «Что касается политической стороны, я думаю, что в последующие 20 лет противоположные концепции свободы и тоталитаризма, которых придерживаемся мы и государства советского блока, обнаружат тенденцию к сближению на новой основе».

Дальнейшее повышение жизненного уровня населения СССР и других социалистических стран, по мнению Монне, «помогает также уменьшить расхождения во взглядах на отношения между людьми и на формы государственного правления». В свою очередь Запад должен «дисциплинироваться» и поднять благосостояние европейских народов до уровня США. На этой основе Монне программировал сначала создание Соединенных Штатов Европы, а затем их сближение с США и формирование мирового государства¹. Прошли годы, но этим пророчествам не было суждено сбыться.

Концепция «синтеза» получила достаточно широкое

¹ См. J. Monne, The United States Reply to the Soviet Union Growth, «The Problems of United States Economic Development», vol. *1, N.Y., 1958.

Американский проф. Ф. Шуман также доказывает в своей книге «Холодная война: взгляд в прошлое и в будущее», что США и СССР решают «сходные задачи строительства продуктивного и про-

отражение и в области правовой идеологии¹. Защитники этой концепции изображают развитие социалистического права и законности как процесс последовательного восприятия буржуазных правовых институтов и категорий. Прилагается немало усилий, чтобы истолковать в таком духе советские кодификационные акты. Аналогичная операция проделывается и в отношении принципа социалистической законности. В Советском Союзе последовательно укрепляется социалистическая законность. Это значит, заявляют пропагандисты идеи «синтеза», что там воспринимается концепция «правового государства».

В последние годы на Западе появился ряд работ, в которых в духе идеи «синтеза» рассматривается развитие почти всех основных институтов советского права. В них утверждается, что если в первые годы Советской власти коммунизм пытался создать оригинальную правовую систему, то дальнейшее ее развитие характеризовалось воспроизведением черт и свойств буржуазного права. При этом, разумеется, центр тяжести переносится на юридическую форму, а социально-экономическое содержание правовых институтов остается в стороне. Характерно, что в духе «синтеза» пытаются истолковать даже такой институт, как право собственности, который прежде всего характеризует принципиальное различие социалистических и капиталистических производственных отношений. В частности, широкое распространение получил тезис о якобы происходящей в СССР эволюции личной собственности в традиционную частную собственность. Так антикоммунистические страсти бросают буржуазных «критиков» из одной крайности в другую. Ведь недавно они утверждали, что социализм отменяет личную собственность, коллективизирует все и вся, а теперь оказывается, что по мере коммунистического строительства появляется частная собственность.

Характерная черта буржуазного правового сознания — изображать «западное» право как единственно подлинное и самое лучшее. Этим ограниченным пред-

цветающего общества... Мы действительно движемся к единой цели» (F. Shuman, *The Cold War: retrospect and prospect*, Louisiana State University Press, 1962, p. 64—65).

¹ См. С. Л. Зивс, Реакционно-утопическая концепция «синтеза», «Советское государство и право» 1960 г. № 6.

ставлением проникнута теория «синтеза». Развитие права допускается ею лишь как развитие буржуазного права. Социалистическое право она признает лишь постольку, поскольку считает, что это право воспринимает буржуазные черты. Следовательно, теория «синтеза», так же как и другие антикоммунистические теории, по существу отрицает социалистическое право как новый, вышший исторический тип права.

Разумеется, в социалистическом праве есть немало категорий и институтов, которые по форме сходны с соответствующими категориями буржуазного права, но наличие таких институтов и категорий отнюдь не есть результат заимствования у буржуазного права. Действительная причина этого коренится либо в определенных социально-экономических факторах (например, отражение в гражданском праве некоторых общих черт товарного производства и обмена), либо нередко в факторах исторических. В частности, социалистическое право закономерно воспринимает то лучшее, что выработано в области правовых форм за всю историю человечества.

Существо вопроса, однако, не в признании факта совпадения отдельных правовых форм, а в установлении тенденции развития. Здесь сразу обнаруживается несостоятельность утверждений сторонников концепции «синтеза» о сближении социалистического и буржуазного права.

Если обратиться не к совпадению (по форме) отдельных правовых институтов, а к социально-экономическому содержанию права, его принципам, характерным чертам, способам реализации и т. п., то нетрудно увидеть, что тенденция развития противоположна ее изображению буржуазными авторами.

По мере успехов социалистического и коммунистического строительства все более отчетливо проявляются именно те черты социалистического права, которые коренным образом отличают его от права буржуазного.

Так, буржуазное право, основанное на частной собственности, разъединяет людей. Буржуазная теория права считает урегулирование споров между людьми основной функцией права, умалчивая о том, что имеется в виду урегулирование, соответствующее интересам господствующего класса.

Социалистическое право, основанное на обществен-

ной собственности на средства производства и социалистической системе хозяйства, объединяет людей. Главная его функция — организация граждан на выполнение общих задач, обеспечение сотрудничества и взаимопомощи между ними.

Понятно, что задача права — содействовать правильному, в интересах общества урегулированию споров между индивидами — не исчезает и в социалистическом обществе, но не эта задача определяет социалистическое право. Организация, воспитание — вот что выдвигается на первый план. Анализ характерных черт права, его социально-экономического содержания, методов реализации показывает, что в ходе развития политической организации социалистического общества проявляются именно специфические черты социалистического права, коренным образом отличающие его от буржуазного и всякого другого эксплуататорского права.

Итак, идеологи антикоммунизма, пытающиеся проповедовать теорию «синтеза», с одной стороны, фальсифицируют социалистическую систему, тенденции ее развития, ее политические и правовые институты, а с другой — всячески приукрашивают современное империалистическое государство, выдают его за некое прогрессивное, перспективное явление.

О каком же сближении двух общественных систем может идти речь, если буржуазное государство характеризуется крайней враждебностью в отношении всех прогрессивных движений, организаций, идей¹, и в первую очередь в отношении марксизма и коммунизма. Выдвигаемая современным псевдолиберальным антикоммунизмом теория «синтеза» капиталистической и социалистической систем столь же антинаучна, сколь практически неосуществима.

В связи с рассмотрением теории «синтеза» следует отметить, что некоторые идеологи антикоммунизма пытаются использовать в своих целях успехи политики мирного сосуществования между государствами с противоположным общественным строем. Под предлогом

¹ Показательно, что даже известный антикоммунист А. Мейер не может не признать, что «действительность Запада дискредитирует идею свободного предпринимательства и конституционной демократии» (А. Мейер, *The Soviet Political System. An Interpretation*, N. Y., 1965).

углубления разрядки, «свободного обмена» информацией и духовными ценностями между капиталистическими и социалистическими государствами ими протаскиваются идеи «идеологического примирения» двух систем.

Некоторые из этих «теоретиков» в интересах якобы «мирного сосуществования» предлагают отказаться от идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, буржуазным мировоззрением и марксистско-ленинской наукой. Их цель — ослабить влияние марксизма на трудящихся капиталистических стран, в обмен на мирное сосуществование «выторговать» у коммунистов обязательство не пропагандировать великих преимуществ социализма перед капитализмом. С другой стороны, они требуют от социалистических государств уступок, ущемляющих их суверенитет.

Ясно, что эта точка зрения реакционна и утопична. Мирное сосуществование есть форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом, борьбы, стимулирующей поступательный ход развития человечества, а не тормозящей его. Взаимовыгодное сотрудничество государств различных социальных систем исключает идеологические компромиссы. Тщетны надежды буржуазных теоретиков на отступление или ослабление марксистской идеологии. Коммунистическая идеология завоевывает все более широкие массы, ее воздействие на умы людей растет. Сами проповедники антикоммунизма сплошь и рядом признают, что под огнем марксистской критики капитализм занимает оборонительные позиции в идеологической борьбе с социализмом.

Программы «трансформации» капитализма не прибили его к социализму. Социализм означает гибель капиталистического строя, а не какой-то этап его развития. Попытки «отождествить» буржуазное государство с социалистическим народовластием — это попытки с негодными средствами. Весь ход истории опровергает какие бы то ни было надежды на социально-политический «синтез» противоположных систем экономики, власти, права. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «у советских людей своя демократия — социалистическая, свои принципы, свои традиции в ее развитии»¹.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», Политиздат, 1971, стр. 82.

Весьма важно подчеркнуть глубоко лицемерный характер теории конвергенции, разностики которой отдадут себе отчет в нереальности этой доктрины и не стесняются сочетать елейные фразы о грядущем «синтезе» с клеветой на социализм и выражением надежд на введение «демократии западного образца» в социалистических странах, на упразднение системы большевистского «государственного деспотизма»¹.

Научно несостоятельный, практически нереальный, политически реакционный и лицемерный характер теории «конвергенции» не означает, что в отношении ее позволителен «шапкозакидательный» подход. Эта теория требует вдумчивого анализа и глубокой критики, ибо, как и всякий идеализм (в данном случае сочетающийся с вульгарно-материалистическим истолкованием социально-политических последствий научно-технической революции), данная его форма есть закрепляемое классовым интересом одностороннее, преувеличенное развитие, раздувание некоторых черт реальной действительности².

В условиях мирного сосуществования «конвергенционизм» есть своего рода один из стереотипов иллюзорного идейно-теоретизированного восприятия и соответственно идеолого-пропагандистского реагирования определенной части буржуазии на процессы нормализации межгосударственных отношений. В нем сочетаются умышленная фальсификация действительности, с одной стороны, и заблуждения — с другой. В любом случае проблематика конвергенции, ее политическая острота, потребность в критике, опровержении этой глубоко порочной теории во всех ее модификациях — «ортодоксально-буржуазной», правосоциалистической, оппортунистически-ревизионистской, левацко-«революционной» — остаются неизменно актуальными.

¹ Советскими учеными и учеными ряда зарубежных социалистических стран подвергнуты обстоятельному критическому анализу конвергенционистские доктрины (см., например, В. Н. Скворцов, Доктрина конвергенции и ее пропаганда, Политиздат, 1974; Герберт Мейснер, Теория конвергенции и реальность, «Прогресс», 1973, и др.).

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

Исторически сложилось так, что в то время, как крупная буржуазия делала свое «капиталистическое дело», мелкая буржуазия, объективно сотрудничая в распространении и упрочении капитализма с крупной буржуазией, в большей мере, чем последняя, приняла на себя функцию конструирования многообразных иллюзорных планов реформации существующего строя, что легко объяснимо неполноценным социальным статусом мелкого буржуа¹.

В условиях империализма традиционное разделение труда в сфере идеологии (теоретики крупного капитала выступают за сохранение существующего порядка без изменений, теоретики мелкобуржуазные — за «социализацию» капитализма) в значительной степени сгладилось. На первый план выступила «кооперация» идеологической деятельности, причем по сути дела — в интересах крупного капитала, а по формам, приемам, лозунгам — преимущественно мелкобуржуазного, квазисоциалистического, реформаторского, модернизаторского характера.

Иными словами, апологеты финансовой олигархии во многом восприняли *фразеологию* социал-реформизма, выражающего *интересы*, идеалы, цели, в основном приемлемые для олигархии.

Правая социал-демократия сегодня — одна из влиятельных политических сил. Партии Социалистического интернационала объединяют более 15 млн. человек, пользуются популярностью среди избирателей ряда капиталистических стран.

Следовательно, социал-реформистской политической доктрине нельзя отказать в репрезентативности, хотя, понятно, разные группы социалистов, руководители и руководимые не совсем одинаково толкуют основные догмы правосоциалистического «символа веры» (мы не касаемся здесь специального вопроса о воззрениях левосоциалистических партий, наподобие бывшей Итальянской социалистической партии пролетарского

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 35; т. 37, стр. 192; т. 12, стр. 290.

единства или Социалистической партии Японии и некоторых других).

Идеологи реформизма изображают государство как один из основных инструментов «социалистической эволюции» системы капитализма. Этим объясняется то центральное место, которое в цепи правосоциалистических теорий занимают рассуждения об «изменившейся», «новой» роли буржуазного государства.

Реформистская концепция о современной роли буржуазного государства сводится к трем основным моментам, связанным друг с другом: искаженному изображению экономической функции государства (регулирование экономики в интересах «всего общества»); тезису о превращении буржуазного государства в надклассовую, «нейтральную» и «автономную» силу; утверждению, будто изменение функций государства в условиях «неокапитализма» снимает вопрос о социалистической революции и диктатуре пролетариата, ибо в современном капитализме уже сложились-де готовые формы социалистической экономики и социалистической организации. Само же государство должно быть использовано для их совершенствования.

Рассмотрим эти три основных тезиса.

Важнейшим пунктом реформистской концепции является миф об экономической деятельности «неокапиталистического» государства, осуществляемой якобы исключительно для обеспечения всеобщего благоденствия. Экономическая деятельность этого государства создает, утверждают социал-реформисты, новый тип общества и государства, принципиально отличающийся от буржуазного общества и самого государства, которые были подвергнуты анализу в трудах основоположников марксизма-ленинизма, а поэтому теперь уже не применимы ленинские оценки сущности буржуазного государства. Анализ государственно-монополистического капитализ-

¹ Равным образом мы отвлекаемся от различий в идейно-теоретических позициях правых и левых группировок тех или иных партий и критикуем здесь доминирующие в социал-демократии реформистские идеи. Что касается упомянутых различий, то они подчас существенны. По-видимому, есть доля истины в утверждениях западногерманского еженедельника о том, что внутри СДПГ «действуют две различные по программе и принципам политические группировки» («Wirtschaftswoche», Mai 11, 1973).

ма и империалистического государства марксистами различных стран также объявляется «несовременным», поскольку он исходит из ленинских идей и оценок.

Некоторые сторонники идеи о «надклассовом» государстве утверждают, что экономическая деятельность государства в развитых буржуазных странах равна «преодолению» капитализма. По их мнению, государство является выражением равновесия «социальных групп», ибо с развитием экономики устраняется роль буржуазии как господствующего класса и государство перестает быть орудием этого класса.

Тезис правосоциалистического реформизма о смене «неконтролируемого капитализма» неокapиталистической социальной структурой, при которой определяющим является регулирование экономики независимой, автономной, нейтральной силой — государством, был канонизирован в документах международного объединения правой социал-демократии. В 1951 году во Франкфуртском заявлении Социалистического Интернационала провозглашалось, что «во многих странах неконтролируемый капитализм вытесняется формами экономики, при которых государство регулирует ее развитие...»

В 1962 году при разработке и принятии очередной программной декларации Социалистического Интернационала «франкфуртские» принципы и программные тезисы ведущих социалистических партий капиталистических стран Европы были еще раз подтверждены реформистскими лидерами международной социал-демократии. Авторы этой декларации говорят о «вмешательстве государства ради обеспечения быстрого роста экономики» и о том, что это знаменовало собой «важный прогресс на пути к государству всеобщего благосостояния».

Государственная экономическая деятельность изображается правыми социалистами как средство преобразования самой природы капитализма¹; «государственное регламентирование» влечет-де изменение природы капиталистической собственности. Так, в «Программе лейбористов для Британии» формулируется задача — посред-

¹ В частности, лидеры японской «партии демократического социализма» рассчитывают при помощи государства «реформировать природу современной капиталистической экономической структуры» («Socialist International Information», vol. XVI, (1966, N 1, p. 10).

ством государственной деятельности «осуществить ко-
рренное и необратимое изменение в соотношении сил и
распределении богатств в пользу трудящихся и их се-
мей»¹.

Тезис о том, что государство ныне является «незави-
симой, активной силой», господствующей над экономи-
ческой жизнью страны, используется для того, чтобы
подкрепить основу основ всех реформистских теорети-
ческих конструкций — утверждение об эволюционной
самоликвидации капитализма. Например, Итальянская
социал-демократическая партия характеризует совре-
менную Италию как «демократическое государство и
справедливое, свободно интегрированное общество»².

Конечно, империалистическое государство осуществ-
ляет разностороннюю и сложную экономическую дея-
тельность. Однако эта деятельность протекает в мас-
штабах и формах, соответствующих интересам монопо-
листического капитала, и направлена на сохранение его
господства; реформистские же концепции «надклассово-
го» государства отрывают государство от монополий,
а развитие экономической деятельности «современного
государства Запада» пытаются изобразить как признак
эволюционного изменения классовой природы буржуаз-
ного государства, как проявление его качественной транс-
формации, нередко именуемой даже «революционной».

Экономическая функция современного империалисти-
ческого государства выражается в максимальном ис-
пользовании государственного механизма для воздейст-
вия на капиталистическое хозяйство в интересах финан-
совой олигархии. Монополии осуществляют процесс
воспроизводства капитала и процесс присвоения при-
бавочной стоимости при непосредственном или косвен-
ном использовании государства.

Рисуя картину «обновленного» капитализма, в кото-
ром государственное регулирование якобы служит ус-
транению наиболее пагубных проявлений «эгоизма моно-
полий», правосоциалистические реформисты по сущест-
ву воспринимают концепции кейнсианства о необходи-
мости самоупорядочения капитализма и о роли государ-
ственных мероприятий в обуздании некоторых «край-

¹ «Morning Star», July 8, 1973.

² «Socialist International Information», vol. XVI, 1966, N 1, p. 1.

них» проявлений деятельности монополий. Правосоциалистические реформисты превзошли Дж. Кейнса в том отношении, что устранение дефектов капиталистической экономики изобразили не как задачу на будущее, а как реальность, как процесс, либо завершённый, либо близкий к завершению. «Реформация» капитализма, по мнению правосоциалистических идеологов, — это уже пройденный путь, завершившийся установлением государства «всеобщего благоденствия» и «общества изобилия».

При этом правосоциалистические авторы нередко не только выступают с заверениями, будто «капитализм упорядочился и дисциплинировался» (Ж. Мок), но и откровенно солидаризируются с кейнсианством. Так, один из праволейбористских авторов М. Шэнкс призывает основные группировки лейбористской партии найти общую платформу в «предписаниях Джона Кейнса».

Согласно этой реформистской концепции государство представляет собой механизм, способный предвидеть угрозу, которую представляет неограниченный эгоцентризм монополий, и поэтому принять меры для обуздания «пагубных сил», установив режим попечительства и охраны интересов всего общества. Причём идеологи реформизма изображают дело таким образом, будто комплекс мер государственного воздействия, при помощи которых монополии надеются противодействовать разрушительным силам, с неотвратимостью подрывающим устои капитализма, осуществляется в интересах всего общества. В этом, мол, и проявляется социальный характер «неокапитализма». В связи с этим происходит де «интеграция» нации, осуществляется «гармоническое включение» рабочих в современное общество Запада.

Конечно, в современных условиях одно лишь открытие государственное принуждение, которое не сочеталось бы с «позитивными» государственными мероприятиями в социальной сфере, не может осуществляться сколько-нибудь продолжительное время (достаточно вспомнить провал подобной политики английских консерваторов в 1971—1973 гг.). Реформистские же авторы ту социально-экономическую деятельность буржуазного государства, которая создает видимость заботы о всем населении, преподносят как основное содержание экономической деятельности. Так, по словам В. Брандта, «задача госу-

дарства — защита слабых, обуздание сильных и проведение законным путем необходимых мероприятий против сопротивления привилегированных»¹.

То, что монополии при помощи государства стараются не только обеспечить максимальные прибыли, но и одновременно противодействовать силам, которые подмывают их собственные позиции, — это реальный факт. Капиталистические монополии стремятся посредством механизма государственно-монополистической власти сгладить внутренние противоречия капитализма и спасти его от неминуемого поражения.

Государство современного капитализма оказывает заметное воздействие на технический прогресс посредством финансирования программ развития промышленности и научных исследований, а также установления различных правовых запретов, ограничений или поощрений.

На первый взгляд такая техническая политика государства может показаться общепользуемой, имеющей целью лишь стимулировать научно-технический прогресс. На деле же главным побудительным мотивом оказывается стремление обеспечить возрастание прибылей ведущим концернам. Это в свою очередь требует максимальной рационализации производства. Попутно достигается и другая, не менее важная цель — победа в конкурентной борьбе над менее крупными, сравнительно слабее оснащенными в техническом отношении предприятиями. Наконец, повышается конкурентоспособность отечественных товаров на международных рынках. Словом, и техническая политика империалистического государства есть выражение его общей политической линии, угодной монополистическому капиталу.

Апологеты «преобразованного» государства прилагают немало усилий, чтобы изобразить фискальные мероприятия государства как эффективное средство «исправления распределения богатств».

Действительно, для экономической деятельности современного империалистического государства характерно перераспределение национального дохода при помощи бюджетного регулирования. Однако суть вопроса

¹ Цит. по: «Проблемы мира и социализма» 1973 г. № 8, стр. 24—25.

сводится к тому, в чьих интересах осуществляется перераспределение средств через государственный механизм. Вопреки идиллической картине, рисуемой современными реформистами, подобное перераспределение приводит к увеличению прибылей монополий путем передачи им государством все возрастающей части национального дохода.

В системе косвенных, но весьма эффективных форм государственной помощи монополиям особое место принадлежит национализации, точнее огосударствлению, некоторых отраслей промышленности, которую теоретики социал-демократии выдают за важное средство «социализации» капиталистического общества и государства.

Национализация так или иначе сопряжена с идеей о ненужности, общественной бесполезности капиталиста. Но то, что воодушевляет рабочий класс, оказывает противоположное влияние на капиталистов, которые с опаской воспринимают национализацию, во многих случаях сопротивляются ее проведению и в целом стремятся ограничить ее весьма жесткими рамками. Отсюда и модификация традиционных социал-демократических программ: поворот от идеи национализации к лозунгу «смешанной экономики», которая наилучшим образом, по мнению правосоциалистических реформистов, соответствует обществу «демократического социализма».

Социал-демократическая трактовка капиталистической национализации не выдерживает критики. Крайне односторонний подход к сложному общественному явлению приводит к полному отрыву внешней формы — огосударствления, т. е. в известной мере обобществления тех или иных отраслей экономики, от социального содержания — стремления государства обеспечить максимальные прибыли монополий, отвести частные концерны с передней линии классовой борьбы, принять на себя возрастающее давление рабочего движения.

Не вызывает сомнения, что в экономическом аспекте осуществленная без учета демократических требований национализация не только не противоречит, но, напротив, вполне отвечает интересам частного капитала.

Показателен эпизод из предыстории частичной национализации, проведенной в свое время в Англии. В 1943 году группа крупных предпринимателей на негласной встрече в Оксфорде обсудила проблемы, послевоен-

ной Англии. Выводы участников этой встречи были отражены затем в брошюре «Реорганизация промышленности после войны», в которой содержались требования усиления государственного вмешательства в экономику и национализации угольной промышленности и железных дорог. В 1945—1947 гг. лейбористское правительство осуществило эти мероприятия, но уже под вывеской «социализма»¹. Руководство же английской лейбористской партии выдавало национализацию сталелитейной промышленности за одно из эффективных средств «социализации» общества, «радикальной перестройки национальной жизни».

Анализ прямых и косвенных мер государственного экономического регулирования свидетельствует о том, что независимо от формы, в которой оно осуществляется, финансовая помощь со стороны государства преследует цель увеличения или в определенных случаях сохранения на прежнем уровне доходов монополий. Такова непосредственная цель этой помощи, хотя она, безусловно, имеет и более общее значение как средство косвенного влияния на развитие тех или иных отраслей экономики, преимущественно в рамках, определяемых интересами крупнейших монополий.

Государственно-монополистическое регулирование не отменило действие экономических законов капитализма. И если это регулирование в определенной мере повлияло на ход экономического цикла, то тем не менее оно не ликвидировало все углубляющуюся неустойчивость капиталистической экономики. И сейчас периоды относительного подъема производства в капиталистических странах чередуются с периодами затяжных спадов, а усилившаяся неравномерность развития капитализма углубляет диспропорции и обостряет внутренние противоречия мировой капиталистической системы в целом.

Правые социалисты не отвечают и на вопрос, связанный с источниками образования ресурсов, которыми распоряжается буржуазное государство в ходе экономического регулирования. Известно, что у трудящихся капиталистических стран значительная часть заработной платы принудительно изымается в виде всякого рода налогов (свыше двух третей налоговых поступлений в

¹ См. «Capitalist Labour Party», L., 1965, p. 12.

такой, например, стране, как США, составляют прямые и косвенные налоги с населения). Так происходит перекачивание средств из кармана трудящихся в сейфы монополий при посредстве государственной деятельности. В этом суть «фискальных мероприятий» буржуазного государства.

Таким образом, вследствие государственного регулирования, от которого в выигрыше остаются монополии, эксплуатация рабочего класса значительно возросла и диспропорция между ростом прибылей монополий и доходами трудящихся увеличивается.

Трудно в этой связи не согласиться с мнением видного политического деятеля Швеции Г. Фредриксона, который заявил: «Социал-демократы пытаются теперь разрешать проблемы, предлагая в качестве лекарства против разновидностей капитализма еще больший капитализм»¹. Что касается восхваляемой буржуазными и социал-реформистскими идеологами западноевропейской интеграции, то с ее помощью господствующая финансовая олигархия стремится довести эксплуатацию рабочих до максимума, предопределяя даже темп развития их жизненного уровня, ограничивая возможность договорного регулирования условий труда, занятости и заработной платы, так сказать, «комплексно» во всех странах «Общего рынка».

Итак, развитие государственно-монополистического капитализма не только не адекватно становлению социализма, как это стремятся доказать социал-реформисты, но, наоборот, сопровождается усилением эксплуатации трудящихся, причем «государство благоденствия» не только охраняет систему эксплуатации, но само непосредственно все более выступает как совокупный монополистический капиталист².

Что касается перераспределения богатств, о чем говорят те авторы, которые изображают государственное регулирование как панацею от всех несправедливостей капитализма, то развитие государственно-монополисти-

¹ «Tiden», 1973, N 1, S. 1.

² Так, в ФРГ из 73 крупнейших акционерных обществ (каждое с капиталом более 100 млн. марок) 27 являются государственными. Более 20% общей численности рабочих и служащих в ФРГ заняты на государственных предприятиях (L. Maier, H. Petrak, O. Reinhold, Mechanismus einer Macht, Berlin, 1967, S. 18).

ческого капитализма, напротив, характеризуется дальнейшей концентрацией и централизацией производства и капитала¹.

Вместе с буржуазными экономистами теоретики правой социал-демократии ссылаются на «социализацию» капитала посредством распространения «народных» акций. Между тем известно, что хотя в США 17 млн. человек располагают акциями общей стоимостью в 400 млрд. долларов, но акции на 320 млрд. долларов (80% всех акций) находятся в руках лишь 272 тыс. человек (из них 200 тыс. — миллионеры), т. е. 1,6% всех держателей акций. Среди 17 млн. акционеров (из которых 16 млн. 730 тыс. не имеют никакого практического влияния на дела) предпринимателей, директоров предприятий и представителей свободных профессий — 69%, рабочих — 3%, фермеров — 1,4%. В среднем лишь один из 300 рабочих имеет несколько дешевых акций².

Различные стороны экономической деятельности современного империалистического государства идеологи правосоциалистического реформизма пытаются изобразить в виде проявлений социализма, якобы созревающего в условиях «трансформации капитализма», а осуществление мер государственной экономической координации и экономического планирования органами буржуазного государства — как деятельность, служащую интересам всей нации³.

Правосоциалистические реформисты при характеристике мер государственной координации экономики и ее программирования, как правило, умалчивают о классовом аспекте экономической деятельности буржуазного государства.

Нельзя, конечно, отрицать тот факт, что капиталистическое государство, будучи официальным представителем буржуазного общества, осуществляет и некоторые функции, которые присущи всякому обществу. В их

¹ Легенду о «социализации» собственности и «демократизации» капитала убедительно разоблачают авторы книги: S. Schmidt, A. Heinze, *Volksaktiendemokratie?*, Berlin, 1967.

² Данные взяты из кн.: «Идеология современного реформизма», «Наука», 1970, стр. 156. См. также «Aftonbladet», October 21, 1973.

³ Так, например Г. Моррисон пишет: «Предметом экономического планирования является развитие и использование национальных ресурсов в интересах нации в целом» (H. Morrison, *Government*, L., 1959, p. 289).

числе ряд социальных общепользных мероприятий. Однако глубоко ошибочно утверждать, что на осуществление этих общих дел не оказывает никакого воздействия классовая природа империалистического государства. Напротив, обеспечение путей сообщения, средств связи, равно как и борьба со стихийными бедствиями и любая другая общепользная деятельность государства, отвечает прежде всего интересам правящего класса. Более того, не секрет, что классовая направленность всех государственных органов налагает на эту деятельность столь серьезный отпечаток, что сплошь и рядом «общепользные акции» оказываются для трудящихся неизмеримо менее полезными, чем для представителей буржуазии. Так что и в данном случае доводы реформистских апологетов «социально общепользного государства» не выдерживают критики.

Иногда апологеты «регулирующей» деятельности государственного планирования из числа правых социалистов всерьез опасаются, как бы восхваление государственного регулирования не было принято за пропаганду подлинно социалистических («большевистских») начал организации общества. Тогда они спешат уточнить, что их «социализм» не означает ликвидацию капитализма. В этих условиях и выявляется особенно рельефно подлинное отношение социал-демократических реформистов к государственному планированию и регулированию. Так, лейборист М. Шэнкс специально оговаривает, что введение начал государственной экономической координации («планирования») в Англии предполагало «не столько уничтожить власть капиталистов, сколько доказать, что основные отрасли промышленности в стране могли проявить себя главным оружием, при помощи которого правительство могло бы обеспечить полную занятость и динамическую экономическую систему»¹.

В сфере трудовых отношений империалистическая буржуазия не отказалась от использования форм открытого государственного принуждения и по-прежнему широко использует методы подавления забастовок при помощи физического насилия, в том числе путем применения вооруженных сил. Однако возросшая сплоченность и политическая зрелость рабочего класса нередко

¹ «Political Quarterly», July — September, 1960, p. 247.

заставляют монополистическую буржуазию заменять насильственные методы более гибкими мерами государственного воздействия на отношения между трудом и капиталом. Это обусловило дальнейшее развитие все более сложной и утонченной системы мер государственного вмешательства в трудовые отношения на производстве¹.

Свидетельство тому — заметное увеличение роли норм социального законодательства. Чтобы спасти основы капитализма и смягчить классовые столкновения, монополии прибегают к регулированию условий труда рабочих и служащих. Развитие государственно-монополистического капитализма сопровождается усложнением трудового законодательства. В периоды наибольшего обострения классовых боев в капиталистических странах особо возрастает число правовых актов, закрепляющих вынужденные уступки трудящимся. В последующие периоды законодательство увеличивается и за счет актов, призванных нейтрализовать эти уступки².

Но в интерпретации правосоциалистических реформистов именно первая сторона социальной деятельности современного империалистического государства превращается из вынужденных уступок в сознательную, «добровольную» политику охраны рабочих от эксплуатации, в проявление государственного патернализма. Между тем действительность неоспоримо свидетельствует о том, что «до тех пор, пока существует капитализм; предоставление социальных услуг и социального обеспечения в объеме, соответствующем насущным нуждам народа, остается миражем»³.

От ложной трактовки функций государства и прежде всего его экономической деятельности до утверждений о надклассовости «современного государства Запада» — один шаг. Обе эти идеи по существу тесно переплетаются между собой. Так, истолкователь правосоциалистических реформистских догм Ле Кор подчеркивает эту связь, когда заявляет о том, что современное

¹ См. И. Я. Киселев, Современный капитализм и трудовое законодательство, «Юридическая литература», 1971.

² См. О. В. Сальковский, Социальная политика буржуазии и пролетариат, «Наука», 1969.

³ Дж. Харвей, К. Худ, Британское государство, ИЛ., 1961, стр. 324; см. также М. В. Баглай, Капитализм и социальная демократия, «Мысль», 1971.

«экономическое государство стремится к тому, чтобы превратиться в автономную силу».

Тезис о «надклассовости» современного буржуазного государства (государство, которое именуется то «экономическим государством», то «государством Запада», то «государством развитого индустриального общества») является центральным пунктом реформистской апологетики политической организации современного империализма: «Государство-арбитр», «государство — независимая сила, стоящая над обществом», «государство — третья сила», «государство, переставшее быть монополией господства одного класса» — таковы формулировки, употребляемые лейбористами А. Кросслэндом, Г. Моррисоном, Дж. Стрэчи, французскими социалистами П. Боннелем, Л. Лора, швейцарцем Г. Йорди и другими.

Теоретики реформизма на свой лад объясняют как сущность империалистического государства, так и политическую организацию буржуазного общества в целом. При этом заметно совпадение их основных доводов с идеями буржуазного обществоведения. Правосоциалистические реформисты усвоили не только методологические посылки, но и основные выводы известной теории «плюральной демократии», используя ее для того, чтобы придать мифу о «надклассовости» капиталистического государства видимость научной убедительности. «Автономность», «нейтральность» государства они объясняют тем, что государство будто бы перестало быть орудием власти одного класса: с утратой капиталистами доминирующего положения в экономике произошло распыление политической власти, государственное регулирование превратило их «в условных собственников».

Реформисты при этом нередко даже не отрицают власти монополий в современном, «еще до / конца не реформированном» капиталистическом обществе. Они только объявляют, что власть эта перестала быть монопольной, ибо она уравнивается-де множеством других социальных сил. Поэтому-то и государство «перестало быть исполнительным органом класса капиталистов» (Кросслэнд), «государство в современных условиях не является монополией господствующего класса, который использует его для эксплуатации пролетариата» (П. Боннель).

Например, Стрэчи выдвинул концепцию «диффузии власти» в обществе, распределения ее между различными общественными объединениями. Правда, охрану общих социальных интересов он возлагает все же на буржуазное государство, которое фигурирует у него, как и у других лейбористских идеологов, под рубрикой «государство всеобщего благоденствия». По мнению Стрэчи, диффузия политической власти ведет к экономической демократии — ликвидации господства монополий, к созданию экономики «демократического социализма»¹. Нетрудно заметить, что стрэчевская «диффузия власти» — это та же буржуазная «плюральная демократия».

Конечно, аргументация идеологов правосоциалистического реформизма, воспевающих надклассовость современного «неокапиталистического» государства, не одинакова у различных авторов. Встречаются некоторые вариации в попытках обосновать этот или аналогичный тезис. Однако различия между вариантами теоретических схем, защищающих идею плюралистической «диффузии власти» в обществе, по существу второстепенные. Например, среди социальных сил, между которыми распределена власть, у Кросслэнда фигурируют «старые капиталисты», новые управляющие, государственный аппарат, держатели акций, организованные рабочие². Стрэчи в качестве уравнивающих сил, между которыми произошла «диффузия власти», называет только монополии, с одной стороны, и тред-юнионы и фермерские организации — с другой³.

Общее же заключается в том, что все называемые реформистскими теоретиками «субъекты власти» рассматриваются как приблизительно одинаковые по своему весу и возможностям силы, составляющие социальный «баланс». Это якобы и приводит к ликвидации монопольной власти буржуазии.

¹ При этом Стрэчи конструировал свои идеи, с одной стороны, заимствуя выводы современных буржуазных ученых, а с другой — переиначивая на новый лад некоторые из тезисов К. Каутского (J. Strachey, *Contemporary Capitalism*, L., 1956; H. Lasky, *Democracy in Crisis*, L., 1933, p. 60—61, 200—201; A. Philip, *La gauche. Mythes et réalités*, Paris, 1964).

² A. Crossland, *The Future of Socialism*, L., p. 41.

³ J. Strachey, *The End of Empire*, L., 1959, p. 101—111.

Концепция «равновесия социальных сил», примененная к практической политике, означает по существу призыв к классовому сотрудничеству с политическими силами, выражающими непосредственные интересы крупных монополий.

Заимствуя готовые схемы буржуазной социологии и государствоведения, теоретики реформизма подменяют научный анализ современного империалистического государства апологией, основанной на отрицании классового характера буржуазного государства.

Теоретик правого крыла французских социалистов Ле Кор пытается опровергнуть положение марксизма-ленинизма о том, что государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм. С этой целью он заявляет, что при демократическом режиме различные политические, экономические и социальные силы свободно вступают в состязание на своего рода арене.

Самое парадоксальное состоит в том, что Ле Кор, предлагая реформистскую схему государства как автономной силы, возникающей из баланса множества социальных сил, вместе с тем признает, что любое государство есть классовое государство. Но, продолжает он, монополисты не представляют сами по себе всю буржуазию. Кроме того, между ними (т. е. монополистами) существуют глубокие противоречия. И демократическое государство обязывает всякий господствующий класс входить в сделку с другими классами, в особенности когда они устанавливают равновесие.

Действительно, монополисты — это еще не вся буржуазия. Но констатация этого факта ничего не меняет в характеристике классовой сущности империалистического государства. Подобно тому, как государственно-монополистический капитализм является, употребляя ленинский термин, «ступенью» в развитии монополистического капитализма, так и современное «государство Запада» остается политическим орудием господства именно монополистической буржуазии.

Что касается утверждения Ле Кора о свободном состязании политических, экономических и социальных сил, то оно представляет собой отражение все той же буржуазно-реформистской концепции «плюральной демократии», воспринятой в почти неизменном виде правосоциалистическими апологетами буржуазного го-

сударства. Несмотря на заклинания Ле Кора, Стрэчи, Кросслэнда и им подобных, политическая организация современного буржуазного общества, ее состав, характер и формы отражают непримиримые социально-экономические и политико-идеологические противоречия между буржуазией и трудящимися классами, прежде всего пролетариатом.

Конечно, все это прикрито институтами буржуазной демократии и внешними ее атрибутами, порождающими иллюзии «свободы». Нельзя, далее, не учитывать наличие средних слоев, организации которых зачастую занимают кажущееся «независимое» положение, существование отдельных государственных органов (обычно представительных учреждений), частично включающих в свой состав представителей трудящихся классов. Известно также, что монополистическая буржуазия, стремясь расширить социальную базу своего господства, привлекает на свою сторону отдельные слои трудящихся (рабочую аристократию, профсоюзную бюрократию, часть служащих и др.), оказывая через них определенное влияние на некоторые общественные организации трудящихся. Наконец, немало иллюзий относительно характера политического режима в буржуазных государствах порождается и тем, что ввиду внутренней неоднородности класса капиталистов образуются борющиеся между собой организации отдельных фракций буржуазии.

Эти и некоторые другие обстоятельства создают видимость диффузии политической власти, фикцию народовластия, порождают иллюзию надклассовости буржуазного государства, которую усердно поддерживают буржуазные, социал-реформистские и ревизионистские теоретики.

Но они не в состоянии опровергнуть ту истину, что в обществе, основанном на эксплуатации человека человеком и класса классом, политическая власть неизбежно принадлежит экономически господствующему классу собственников средств производства. При империализме и особенно с наступлением общего кризиса капитализма наблюдается процесс усиления могущества монополистической фракции буржуазии. Вместе с ним углубляется антагонизм между капиталистическим государством и трудящимися массами. Даже лидер Социалистической партии Австрии вынужден был признать:

«Внутри нашего государства всеобщего благоденствия возникли новые виды противоборства. Жители государства всеобщего благоденствия... вступают почти ежедневно в конфликт с органами государства всеобщего благоденствия и его администрацией»¹.

Подчинение основных рычагов классовой диктатуры буржуазии интересам и воле прежде всего крупного капитала на практике проявляется в превращении государственного аппарата, буржуазных политических партий, прочих буржуазных объединений в проводников решений, вырабатываемых ассоциациями монополистов и корпорациями-миллиардерами.

Монополия власти в капиталистическом обществе по-прежнему находится в руках империалистической буржуазии. И ее главным политическим орудием остается империалистическое государство. Этот бесспорный факт нисколько не устраняется тем обстоятельством, что в развитых капиталистических странах сохраняются всеобщее избирательное право и институты парламентарной демократии. Монополии, как и класс буржуазии в целом, научились приспосабливать к своим интересам самые разнообразные государственно-правовые установления. Благодаря изоциренно разработанному механизму избирательной системы и другим средствам сохраняется власть имущих. По мнению ряда буржуазных исследователей «избирателям на выборах просто продают позолоченный воздушный шарик»². Точно так же формальное сохранение конституционных гражданских прав и свобод не мешает подчинению граждан велениям государства³. Более того, демократические институты в условиях современного государственно-монополистического капитализма находятся под постоянной угрозой.

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий (1969 г.) Л. И. Брежнев говорил: «Громадная опасность для народов заключена и в присущей империализму тенденции к ликвидации демократических свобод, к фашизации общественно-политической жизни. Еще В. И. Ленин подчеркивал, что империализ-

¹ «Die Zukunft», 1972, N 1—2.

² N. Nicolson, *The System. The Misgovernment of Modern Britain*, L., 1967, p. 114.

³ См. F. Cook, *The Corrupted Land. The Social Morality of Modern America*, N.Y., 1967, p. 21.

му свойственна реакция по всей линии. В шестидесятые годы появилось много новых убедительных доказательств этого... Там, где эксплуататоры оказываются не в состоянии обеспечить нужный им «порядок» в рамках буржуазной демократии, власть передается в руки откровенно террористических режимов фашистского толка»¹.

Апология буржуазного государства есть та платформа, с которой идеологи правой социал-демократии пытаются обосновать основные положения своей проповеди об автоматическом вызревании социализма. При помощи доводов, производных от искаженного толкования воздействия империалистического государства на экономику, правосоциалистические авторы стремятся противодействовать развитию революционной энергии масс, разоружить рабочий класс. С этой целью учение о социализме объявляется надклассовой теорией, которая в равной степени удовлетворяет чаяния и надежды всех социальных групп и классов. А. Филип так и писал: «Социализм не является автоматическим выражением интересов какой-либо социальной группы: социализм — это политический выбор во имя всеобщего морального идеала, и искать его надлежит отнюдь не в анализе социальных факторов»². Соответственно и социалистический строй в писаниях реформистских теоретиков обрисован как нечто в классовом отношении индифферентное, в равной мере привлекательное для всех социальных групп. Х. Гейтскелл говорил: «Идеалы демократического социализма, которые мы выдвигаем суммарно, означают, если угодно, идеалы свободы и справедливого дележа». В одном из документов СДПГ отмечается: «Мы больше не являемся просто борющейся партией «рабочего класса», мы ведем борьбу ради всего немецкого народа»³.

Собственно говоря, реформисты стараются разработать своего рода «беспартийный» социализм, подходящий как для буржуазии, так и для пролетариата. В

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», стр. 46—47.

² A. Philip, *Le socialisme trahi*, Paris, 1967, p. 43.

³ «Socialist International Information», vol. XVI, 1966, N 11, p. 118.

результате интересы рабочих приносятся в жертву требованиям капиталистов, так как достижение подлинного социализма подменяется «совершенствованием» капитализма при посредстве государственных мер.

Развитие государственно-монополистического капитализма реформисты пытаются изобразить как движение к социализму, тогда как к подлинно социалистическим порядкам и отношениям приклеивается ярлык «государственного капитализма».

У теоретиков социал-демократии, строго говоря, нег сколько-нибудь точного научного понятия социализма. Так, лидер шведских социал-демократов У. Пальме заявлял: «Имеется 71 определение социализма. Если я дам 72-е, от этого легче не станет»¹.

Отрицание классовой природы современного буржуазного государства, изображение его в качестве инструмента «построения социализма» в конечном счете направлены на то, чтобы опровергнуть лозунг о необходимости ликвидации буржуазного государства и завоевания пролетариатом политической власти.

Долгие годы апологеты капитализма боялись самого слова «революция». Но затем успехи социализма заставили идеологов старого мира изменить тактику. Они взяли на вооружение слово «революция», выхолостив, однако, из него настоящий смысл.

Реформисты отрицают историческую необходимость и правомерность подлинно социалистической революции. Отрекаясь от идеи пролетарской революции, они хотят заменить ее модной буржуазной теорией «бескровной революции», намеренно отождествляют социалистическую революцию с «кровавой революцией». Играя на чувствах обывателя и несознательных групп трудящихся, ренегаты марксизма обвиняют коммунистов в приверженности к кровопролитию и насилию, а себя выдают за сторонников «плавной революции».

Анализ понятия «плавная революция» убеждает в том, что такая «революция» по существу отождествляется с комплексом социальных мероприятий империалистического государства, переименованного в «социальное государство» (имеются в виду пособия по без-

¹ K. Link, Taking Part. The Power and the People in Sweden, Stockholm, 1973, p. 64.

работице, государственное медицинское обслуживание, законодательное ограничение рабочей недели¹). Все это — вынужденные уступки со стороны класса буржуазии, и никакой революции в этом, конечно, нет.

Правые социалисты не гнушаются и доводами из арсенала антикоммунизма, например, заявляя, что частная собственность является-де основой демократизма, а ликвидация ее приводит к «деспотизму государства»². Такого рода доводами подкрепляют идеологи реформизма идею необходимости «смешанной экономики» и «государства всеобщего благоденствия».

Идеологи реформизма претендуют на единственно объективное современное исследование сущности буржуазного государства. В действительности же вместо научно-объективного анализа мы имеем дело с метафизической односторонностью. Метафизичность правосоциалистических концепций о государстве выражается прежде всего в одностороннем рассмотрении процессов, происходящих в государственно-правовой надстройке капитализма, в выхватывании отдельных явлений из всей совокупности деятельности буржуазного государства и в их абсолютизировании. Такой метод неизбежно искажает перспективу развития государственно-монополистических тенденций.

Убедительным доказательством несостоятельности и в конечном счете бесперспективности правосоциалистических концепций служат пессимистические признания отдельных лидеров социал-демократии, которые время от времени проскальзывают в печати. Один из лидеров лейбористской партии Австралии заметил как-то: «Задача Социалистической партии никогда не предстанет как выполненная. Наша работа далека от завершения. Это демократическая проблема, содержащая вызов...»³.

Марксистский анализ экономической деятельности империалистического государства показывает, что, как бы ни возрастало государственное воздействие на капиталистическую экономику, государство не в состоянии

¹ Sweet-Escott, *The Bloodless Revolution*, L., 1957, p. 5, 45—59.

² «Socialist International Information», vol. XVI, 1966, N 14—15, p. 158.

³ «Socialist International Information», vol. XVI, 1966, N 2, p. 20.

устранить действия внутренних факторов капиталистического производства.

Развитие государственно-монополистического капитализма выражает стремление монополистической буржуазии укрепить при помощи государственного воздействия капиталистическую систему. Однако диалектика жизни такова, что тем самым в действительности подготавливается крушение этой системы. Государственно-монополистический капитализм доводит до предела все противоречия империализма, что создает объективные предпосылки к замене капиталистической системы социалистической.

Государственно-монополистический капитализм обостряет процесс загнивания капитализма. Монополисты используют милитаризацию экономики как основное средство, при помощи которого они надеются противодействовать и преодолеть тенденцию загнивания экономики. Но результатом этого является обратный процесс: все большее превращение производительных сил в свою противоположность — в силу уничтожения и разрушения.

Развитие государственно-монополистического капитализма свидетельствует о непосредственной близости и реальности социалистической революции. В. И. Ленин подчеркивал мысль о том, что превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм необычайно приблизило человечество к социализму¹. Опыт истории целиком подтвердил марксистско-ленинское учение о том, что добиться победы социализма можно только при условии установления мирным или немирным путем диктатуры пролетариата. Без взятия власти рабочим классом в свои руки социализм не может быть построен, а буржуазное государство не может быть заменено государством социалистическим, государством рабочего класса, всех трудящихся.

Правые социалисты были и остаются противниками социалистического народовластия, диктатуры пролетариата. Именно власть рабочего класса — одна из главных мишеней критики со стороны теоретиков и лидеров социал-демократии. Еще в брошюре Карла

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

Каутского, изданной в 1918 году, диктатура пролетариата объявлялась: а) случайным словечком, «один раз использованным Марксом в письме 1875 года»; б) понятием, полностью противоположным демократии (или «чистой демократии») и несовместимым с нею¹.

Эти тезисы, особенно последний, назойливо повторяют и руководители современной социал-демократии. Так, противопоставление диктатуры класса — демократии, пролетарской диктатуры — народовластию можно встретить в книге Ги Молле, опубликованной ровно через 50 лет после издания брошюры Каутского².

История показала, что диктатура пролетариата, идея которой есть итог, по выражению Ленина, многократных, на протяжении десятков лет систематически имевших место различных Марксовых суждений³, — единственный путь, идя по которому человечество может избавиться от эксплуатации и угнетения, шагнуть в «царство свободы». Но что до этого реформистским идеологам?! Как некогда диктатура рабочего класса, так и современный политический строй в СССР, общенародное государство трудящихся подвергаются нападкам с их стороны⁴.

Эксперименты с пресловутым «демократическим социализмом», который является символом веры партий Социалистического интернационала, несколько не поколебали устоев капитализма и власти монополий ни в одной из стран, где они (эксперименты) многократно ставились, будь то Швеция, Англия, Норвегия, Бельгия, ФРГ, Голландия, Италия и т. д.

Вместе с тем нельзя вульгаризаторски отметить всякое значение тех социальных реформ, которые были проведены социал-демократическими правительствами ряда стран. Так или иначе, но они содействовали улучшению условий жизни значительных слоев населения. Иное дело, что пропагандистское сопровождение мало имеет общего с действительным их значением.

Состояние идейно-политической платформы социал-демократии — величина переменная. В последние годы

¹ K. Kautsky, *Die Diktatur des Proletariats*, Wien, 1918.

² См. G. Mollet, *Les chances du socialisme*, Paris, 1968, p. 89.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 241—242.

⁴ См., например, «*Arbeiterzeitung*», January 7, 1973.

заметен сдвиг в отношении руководства ряда партий к проблемам единства рабочего класса, соглашений с коммунистическими партиями и особенно по вопросам внешней политики и международного сотрудничества с социалистическими государствами. Отдавая должное целому ряду такого рода реалистических сдвигов в позиции* и политике социал-демократии, следует тем не менее помнить о сохраняющихся глубоких идейных расхождениях по принципиальным программным вопросам.

За последние годы руководством социалистических партий приняты меры к активизации теоретико-идеологической работы, к своего рода «реидеологизации» своих рядов. Были выдвинуты лозунги и программы борьбы за «качество жизни»¹. Попытки «конструктивной» идеологической работы сопровождаются резкими негативными выступлениями в адрес коммунистического движения, марксизма-ленинизма. Словом, идеологическая борьба продолжается в полном объеме, в некоторых отношениях она становится более сложной и напряженной.

В одном из документов СДПГ подчеркивается: «Договор между ФРГ и СССР — это договор между государствами, а не соглашение между двумя различными мировоззрениями»². А лидер СПА выразился еще определеннее, подчеркнув, что противопоставление социал-демократии коммунистам «становится еще яснее и принципиальнее, чем прежде»³.

Ставя перед собой задачу последовательного разоблачения разного рода антимарксистских концепций государства и демократии, нельзя пройти мимо получивших довольно широкое распространение ревизионистских воззрений, тесно связанных по многим позициям и переплетающихся с буржуазной идеологией. «Прикрывая свое отступничество от марксизма рассуждениями о необходимости учитывать новейшие условия развития общества и классовой борьбы, ревизионисты выполняют на деле роль разносчиков буржуазно-реформи-

¹ См. W. Brandt, Die Qualität des Lebens, «Neue Gesellschaft», 1972, N 10. Подробнее см. И. Шлайфтайн, Кому служит концепция «качества жизни», «Проблемы мира и социализма» 1974 г. № 7.

² «Ost-und Deutschlandpolitik», Bonn, 1970, S. 13.

³ См. «Neue Gesellschaft», 1970, N 3.

стской идеологии в коммунистическом движении, — говорится в Программе КПСС. — Они стремятся вытравить из марксизма-ленинизма его революционную душу, подорвать веру рабочего класса, трудового народа в социализм, разоружить и демобилизовать рабочих, трудящихся в их борьбе против империализма»¹. Опыт международного коммунистического и рабочего движения в 60—70-е годы полностью подтверждает справедливость этой характеристики. Последовательная, бескомпромиссная борьба против ревизионизма была и остается первейшей обязанностью, можно сказать, классовым долгом всех марксистов.

Не ставя перед собой специальной задачи исследования корней современного ревизионизма, характеристики его основных направлений (критический анализ наиболее главных из них будет даваться предметно в соответствующих главах), хотелось бы высказать в то же время несколько общих положений, проливающих свет на проблему в целом².

Было бы ошибочно рассматривать сложную и многоаспектную проблему ревизионизма и его корней лишь как результат разлагающего влияния «рабочей аристократии» на лиц наемного труда или вовлечения в рабочее движение тех или иных мелкобуржуазных групп. Конечно, оба эти обстоятельства имеют немаловажное значение, но дело не может быть сведено только к ним.

Для правильного понимания природы современного оппортунизма необходимо исходить из ленинского анализа истоков разного рода искажений марксизма, содержащегося в его работах «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении», «Империализм и раскол социализма» и др. Внимательное ознакомление с произведениями В. И. Ленина, восприятие и применение его методологии позволяют выделить целый комплекс причин и источников современного оппортунизма, коренящихся в различных сферах общественной жизни: в экономике, политике, идеологии.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 42—43.

² Подробнее см. «Современный правый ревизионизм. Критический анализ», «Мысль», 1973; В. Т о р о н и н, Е. М а с х у л с к ы, *Socialism and Democracy. Reply to Opportunists*, Moscow, Progress Publishers, 1974.

Такие явления, как технизация производственных процессов и интернационализация капитала, определенные структурные сдвиги в сфере занятости, заработной платы (несмотря на сохранение основных законов и основных противоречий капитализма), порождают нередко ложное сознание, создают иллюзию заботы предпринимателей о нуждах рабочих, что в известной мере не может не оказывать влияния на массы, в том числе и в отношении перспектив их социального освобождения без революционной борьбы.

В сознание определенной части рабочего класса проникают (и активно внедряются буржуазной пропагандой) фальшивые представления о затухании борьбы между социализмом и капитализмом, возникающие под воздействием процессов, как протекающих внутри системы государственно-монополистического капитализма, так и происходящих на международной арене. Немало искажений порождено некоторыми шагами в направлении частичной демократизации избирательных систем, законодательства, социально-экономической сферы и т. п., предпринятыми буржуазией под давлением со стороны трудящихся масс. Стремление капитализма приспособиться к новой обстановке, временное, частичное смягчение тех или иных социально-экономических или даже политических проблем, своеобразное «умерение противоречий» в рамках капитализма порождают иллюзии в отношении его природы в современных условиях, в отношении его возможностей и перспектив. С другой стороны, нельзя не учитывать известных трудностей в строительстве социализма, на чем также пытается паразитировать ревизионизм, сея сомнения в превосходстве социализма над капитализмом.

Наконец, следует в полной мере учитывать и непосредственное влияние идеологического фактора. Аполотеты империализма всячески стремятся исказить действительное положение вещей в социалистическом мире, затормозить развитие революционного пролетарского сознания в капиталистических странах. На это нацелен весь пропагандистский аппарат, гигантская машина массовой информации. Естественно, что такое постоянное давление в какой-то мере создает своего рода психологическую почву для оппортунизма.

Ревизионистские тенденции, возникающие время от времени в рабочем движении и проявляющиеся в раз-

личных вариантах, тормозят развитие революционных процессов. Значение постоянной, настойчивой борьбы против них трудно переоценить. В. И. Ленин указывал, что «без решительной, беспощадной борьбы по всей линии» против оппортунистов «не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении»¹.

Правый ревизионизм характеризуется сегодня преувеличением роли частичных реформ, выдвижением на первый план в качестве гегемона общественного развития технократии, абсолютизацией мирного пути социалистической революции. Э. Фишер, Ф. Марек и другие ревизионисты фальсифицируют, например, одну из основополагающих идей научного коммунизма — диктатуру пролетариата, подменяя саму мысль о революционном переустройстве общества задачей достижения высокого уровня материальной зрелости и совершенствования некоей аморфной «революционной демократии»².

Предметом идеологических и политических спекуляций было и остается содержание социализма, его основные принципы, причем нередко правые ревизионисты идут здесь по проторенной дорожке так называемого «демократического социализма», известного из программ правых социал-демократических партий. Особенно «преуспели» на поприще моделетворчества «социализма» чехословацкие правые, пытавшиеся проводить в период событий 1968—1969 гг. свои коварные замыслы в жизнь, а также Р. Гароди³ и др.

Современный правый ревизионизм в «лучших традициях» «классического» ревизионизма прикрывается фразами о творческом развитии марксизма, о пересмотре его идей в духе времени и т. п., хотя и сегодня он есть не что иное, как, говоря словами В. И. Ленина, попытка «буржуазного оскотления марксистских истин»⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 177.

² См. А. Козинг, Эрнст Фишер — современный марксист?, «Прогресс», 1971; «Политико-правовые доктрины современного империализма», «Юридическая литература», 1974.

³ См. И. Бауэр, А. Липерт, Коварная проповедь ренегата или крутой поворот Р. Гароди, «Прогресс», 1973.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 69.

Серьезную опасность таит в себе «левый» ревизионизм, представленный в первую очередь маоистским руководством компартии Китая. Теоретические изыскания Мао Цзэ-дуна и его приспешников, равно как и практика государственно-политического развития КНР на современном этапе, есть полный разрыв с марксизмом-ленинизмом, прямая измена делу социализма, демократии, социального прогресса.

Маоизм, его доктрина и практика начисто порывают с принципами социалистического народовластия, демократического централизма, руководящей роли марксистско-ленинской партии, исторической миссии рабочего класса как руководителя и союзника трудящегося крестьянства, с правом наций на самоопределение, словом, со всеми без исключения устоями, традициями и идеалами научного коммунизма, международного революционного движения.

Идеологические установки Пекина, его внутренняя и внешняя политика представляют, в силу этого, своеобразную неоценимую услугу всем силам реакции, антикоммунизма и антимарксизма.

Лозунги и практика «больших скачков», опора на вооруженные силы, фактический отказ от представительной системы государственной власти, равно как и «державный подход» к мировой политике, проповедь неизбежности мировой ракетно-ядерной войны, наконец, расколывающая линия в мировом коммунистическом движении и международных демократических организациях—все это не что иное, как компрометация идей социализма, социалистического гуманизма и демократии.

Материалы X съезда КПК, сессии Всекитайского собрания народных представителей 1975 года, новая конституция КНР неопровержимо свидетельствуют об антисоциалистической, антинародной и антидемократической деформации всей политической системы современного Китая¹.

Рабочий класс страны деморализован, дезориентирован, лишен своей ведущей роли в социально-политической структуре китайского общества. Народные мас-

¹ См. Л. М. Гудощников, Политический механизм КНР, «Наука», 1974.

сы стали объектом эксплуатации, имеющей целью создание непосильного для страны военного потенциала—фундамента непомерных внешнеполитических амбиций руководителей КНР. Фактически не функционируют институты народного представительства, отменены или серьезно ограничены социальные и трудовые права трудящихся, личные права и свободы граждан, процессуальные и материальные гарантии неприкосновенности личности, словом, упразднен режим социалистической законности. Национальные меньшинства страны существенно ограничены в правах и свободах, возможностях развития национальной культуры, языка, традиций.

Из демократически организованного добровольного союза единомышленников-марксистов компартия Китая превращена в слепое, покорное орудие авторитарной власти политической верхушки, опирающейся на военно-бюрократический механизм.

Роль «социальной базы» маоистского режима попеременно или в различных комбинациях выполняют те или иные слои молодежи, политически несознательная и пока еще преданная Мао армия, а также достаточно многочисленный отряд новой бюрократии, выплеснутый на поверхность общественной жизни в результате массовых «чисток» испытанных партийных, хозяйственных, государственных кадров.

В ходе периодически инспирируемых политических кампаний неудовлетворенность масс направляется против тех или иных неудобных режиму лиц или групп. Вместе с тем эти манипулируемые движения выдаются за «подлинную массовую демократию», за способ преодоления «буржуазно-ревизионистских» институтов—избирательной системы, народного представительства, конституционных прав и свобод.

Политико-правовая система Китая сегодня—не более чем злобная карикатура на социалистическую демократию, ее принципы и традиции, подобно тому как маоизм—это карикатура на творческий марксизм¹.

Надо заметить, что «левый» ревизионизм сегодня представлен отнюдь не только маоизмом; жив еще троцкизм и иные левацкие подделки под марксистскую

¹ Подробнее см. «Маоизм—идейный и политический противник марксизма-ленинизма», «Правда», 1974.

теорию. Но маоизм, бесспорно, главнейший и, если можно так выразиться, наиболее последовательный, завершённый тип этой фальшивой «левизны».

Кроме того, именно маоизм вышел далеко за рамки просто идеи и даже политического движения, поскольку он насильственно воплощён в практику государственного строительства в КНР. Эта «материализация» не могла не причинить ущерба делу социализма, но она же и даёт ни с чем не сравнимый по своей назидательности и поучительности урок для всех и всяких псевдореволюционных «леваков».

И значение этого урока особенно велико в нашу эпоху революционного перехода к социализму. Революции смотрят друг на друга и учатся одна у другой. Учатся не только на успехах, но и на временных неудачах, потерях, ошибках и утратах.

Придет время, когда и китайский народ сможет оглянуться, чтобы критически обозреть крутой и тягостный зигзаг на его революционном пути поступательного движения к социализму.

ГЛАВА II

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Современные антимарксистские концепции политической организации общества весьма многообразны. Вместе с тем в них не трудно увидеть некоторые основные направления. Два из них особенно значительны: элитарное и эгалитарное¹. Первое сводится к обоснованию антидемократических политических систем, оправданию власти лидеров, господства элиты. Второе выступает с более привлекательными лозунгами «демократического плюрализма». Есть и «смешанные формы» типа «демократического элитаризма», «организованной» демократии, «демократического лидерства» и т. п.

В трактовке политической организации буржуазного общества эти направления политически неравнозначны: идеи плюрализма в общем выглядят «левее», нежели идеи элитарные (тем более автократические, весьма близкие к фашистским и неофашистским идеям). Но в трактовке социалистической политической организации общества вышеуказанные воззрения выглядят отчетливо реакционно и ненаучно. Анализ литературы показывает, что учения о политической организации капитализма наиболее разработаны и концептуально оформлены. Напротив, взгляды на социалистическую политическую организацию общества вырабатываются скорее как пропагандистские штампы, они менее наукообразны.

Так или иначе, но критика всех этих идей требует освещения подлинной картины реальной политической

¹ Термин «эгалитарное» применен здесь несколько в ином смысле, нежели он употребляется для характеристики идей утопического социализма.

структуры как современного капитализма, так и современного социализма.

В данной книге внимание сосредоточивается в основном на критическом анализе идей «демократического плюрализма». И вот почему. Во-первых, они более популярны и распространены в странах Запада. Во-вторых, в последние годы они стали излюбленным аргументом «критиков» социализма (а в ЧССР в 1968—1969 гг. антисоциалистические силы пытались реализовать эти идеи на практике). Отсюда — их особая политическая злободневность.

Идеи социального плюрализма в трактовке политической системы капитализма, как уже говорилось, можно отнести к «центру» и отчасти к левому крылу буржуазной науки. Однозначная оценка здесь вряд ли уместна, так как различные социальные группы по-разному воспринимают экономические, социальные, политические и правовые идеалы плюрализма.

Основная идея социального плюрализма — «дробление» власти между различными, более или менее многочисленными «общественными группами» и их организациями — привлекает симпатии либерально-демократической интеллигенции, которая видит в этой конструкции модель «плюральной демократии», якобы вытесняющей господство крупной буржуазии.

Социал-реформистские теоретики полагают, что демократический плюрализм в политике способствует трансформации экономической структуры, замене капиталистического хозяйства «социалистической смешанной экономикой». В подобном, достаточно иллюзорном, но внешне привлекательном истолковании идеи плюрализма представляются демократическими, будучи своеобразным обоснованием правомерности существования массовых общественных объединений и их влияния на государственную политику.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что теория «плюрального демократизма» вполне устраивает власть имущих, по крайней мере значительную часть господствующего класса, включая те монополистические группы, которые не склонны расставаться с псевдодемократическими формами своей диктатуры и сумели приспособить институты буржуазной демократии, а равно теории, их апологетизирующие, к своим потребностям. В этом, и притом главном, своем аспекте теория

«плюрального демократизма» выполняет функции, во-первых, маскировки господства монополий и, во-вторых, своеобразного теоретического руководства к функционированию механизма этой власти.

Что же вызвало к жизни теорию «плюральной демократии»? Среди причин ее появления — факторы социально-политического порядка и вытекающие из них изменения в политико-правовой идеологии. Остановимся на первых. XX век стал временем значительного усложнения политической организации (политической структуры) капиталистического общества¹. В период домонополистического развития политические партии переживали пору становления, ассоциации капиталистов и профессиональные союзы рабочих в одних странах еще не появились, в других — лишь выходили на арену общественной жизни. И только в последующий период эти организации заняли прочное место в политической надстройке буржуазного общества. Вновь возросла роль церкви. Усложнялся механизм диктатуры монополий, основным звеном которой было государство. С другой стороны, укреплялась организация рабочего класса и всех слоев трудящихся, возрастала их общественно-политическая активность.

Несколько упрощая и схематизируя сложную социальную действительность, можно сказать, что если в домонополистический период гражданин выступал по отношению к государству преимущественно как обо-

¹ Термин «организация» употребляется в данном случае как идентичный термину «структура» или «внутренняя форма». Иначе говоря, организация здесь не означает, что все ее элементы в равной мере упорядочивают, стабилизируют буржуазное общество. Напротив, объединения трудящихся, ведущие борьбу против существующего строя, организуют лишь антикапиталистические социальные группы и тем самым по-своему дезорганизуют «нормальные» процессы жизни капиталистического общества (эксплуатацию, подавление трудящихся и т. п.).

Но вся система пусть и взаимопротиворечивых объединений объективно составляет способ построения и функционирования политической жизни — ее политическую организацию (структуру), подобно тому как совокупность внутренне антагонистических (основанных на эксплуатации) производственных отношений капитализма составляет его экономическую организацию (или экономическую структуру). Например, В. И. Ленин подчеркивал, что и товарному хозяйству присуща определенная внутренняя организация (см. Ленинский сборник XI, стр. 349).

собленный индивидуум, то при империализме линия «гражданин — государство» пополнилась еще одним элементом и приобрела такой вид: «гражданин — объединение — государство».

На базе происходящих в реальной действительности метаморфоз изменяется политическая идеология основных классов и социальных групп, каждая из которых по-разному воспринимает, объясняет и соответственно по-своему воздействует на политическую сферу общественной жизни.

Отсюда и появление теории «плюральной демократии». Согласно этой теории капиталистическое общество периода империализма представляет собой совокупность социальных «страт» («прослоек»), объединяющих индивидов по признаку сходства их материального положения, профессии, рода занятий, возраста, религиозных убеждений, места жительства и т. д. Интересы каждой из этих групп, как правило, противоречат интересам других «страт».

Не нужно, однако, заблуждаться насчет буржуазного понимания сущности и характера этих противоречий. Теоретики «плюральной демократии» считают, что все или почти все основные социально-экономические, общественно-политические и культурно-этические противоречия «современного западного общества» не только не антагонистичны, но объективно вполне примиримы; что именно в результате столкновения, а затем примирения различных интересов достигается «общественное благоденствие», соблюдается «общественный интерес».

В целях формирования, выражения и охраны социально-групповых интересов, как это изображается рассматриваемой теорией, создаются многочисленные общественные объединения («группы давления», «группы интересов», или «заинтересованные группы»).

Среди теоретиков «плюральной демократии» нет полного единства в понимании признаков «заинтересованной группы» и, следовательно, в вопросе о круге тех объединений граждан, которые отвечают этим признакам. Критерием здесь служат социологические воззрения различных авторов. Те, кто стоят на позициях «социальной стратификации», называют в качестве «заинтересованных групп» или «групп давления» большое число различных объединений. Другие авторы,

придерживающиеся концепции «социальных классов-партнеров», останавливаются на более кратком перечне организаций¹.

Каковы бы ни были расхождения точек зрения, они касаются преимущественно деталей и тем самым лишь подчеркивают идентичность основных взглядов в главном пункте, а именно в оценке той роли, какую играют «заинтересованные группы». В деятельности «групп давления» обычно усматривают решающий фактор общественно-политической жизни «западного мира». В современной буржуазной политической науке принято считать, что «заинтересованные группы» добиваются своих целей путем активной деятельности, протекающей в двух основных направлениях—внутреннем и внешнем.

Мероприятиями внутренними, считают буржуазные ученые, разрешаются проблемы, специфические для каждого объединения: сбор средств в виде членских взносов (в профсоюзах) или пожертвований (в религиозных объединениях), проведение собраний и конференций, организация увеселительных мероприятий (в культурно-просветительных обществах). Внутренняя деятельность ряда организаций имеет второстепенное значение и, более того, во многом составляет лишь условие внешней деятельности. Такие внешние задачи состоят, например, для профсоюзов в защите интересов рабочих перед администрацией и предпринимателем; для организаций предпринимателей — в отстаивании своих позиций от «неумеренных» требований рабочих и т. п.².

Понятно, что первостепенное значение имеют взгляды буржуазных авторов именно на внешнюю деятельность «заинтересованных групп», на формы и методы

¹ Критический анализ соответствующей буржуазной литературы 40—60-х годов см. в кн. «Современное империалистическое государство. Вопросы теории», «Международные отношения», 1973.

² Принято различать «группы давления» («заинтересованные группы») и организации, влияющие на политику. По объему эти понятия не вполне совпадают, ибо несколько организаций могут представлять одну заинтересованную группу (населения) и входить в нее, или, наоборот, несколько групп могут поддерживать или объединяться в единую организацию.

достижения главных, т. е. внешних задач, ради которых люди со сходными социальными, профессиональными или иными интересами объединяются в «группы давления». Апологеты теории «плюральной демократии» делают упор преимущественно на такой форме деятельности «заинтересованных групп», как достижение определенных целей путем воздействия на различные звенья государственного аппарата, главным образом на парламент и правительство. «Заинтересованные группы» могут осуществлять деятельность вне и помимо госаппарата, путем переполюсов с «группами-конкурентами» или методом давления на последние. Государство согласно вышеуказанной концепции выступает лишь в качестве арбитра в случаях особо острых конфликтов между «группами», представляющими социальные общности с взаимно противоположными интересами.

Причины появления этих двух основных направлений излагаемой теории (среди которых преобладает первое направление), как представляется, связаны с различием в оценке буржуазными авторами главных форм деятельности «заинтересованных групп», которое, естественно, вытекает из различий во взглядах на роль современного империалистического государства, его государственного аппарата.

Одни авторы, выступающие за усиление государственного вмешательства в сферу социально-экономических и политических отношений и оправдывающие это вмешательство, т. е. придерживающиеся концепции «максимального государства», видят ключ к успеху той или иной «группы давления» в ее воздействии преимущественно на соответствующие органы государства. Другие авторы, придерживающиеся «неолиберальных» направлений, т. е. требующие большего или меньшего ограничения государственных полномочий в общественной жизни, уповают в основном на самостоятельную активность «заинтересованных групп». Им, однако, не чужды призывы к вмешательству государства в общественные отношения для борьбы с «подрывной деятельностью» прогрессивных организаций.

Рассматривая, если можно так выразиться, «государственное» направление теории «групп давления», важно отметить, что его сторонники видят две основные формы воздействия на государственный механизм

с целью добиться от него проведения удобных определенной «группе» мероприятий. Это — косвенное давление на правительственные и иные государственные учреждения с помощью мобилизации общественного мнения в пользу (или против) какого-либо мероприятия либо прямое воздействие данной организации на соответствующий орган. Косвенное давление оказывается как открыто (с помощью радио- и телевыступлений, публикаций в периодической печати, рекламы, посредством выпуска книг, обучения и воспитания молодежи в определенном духе), так и завуалированно (анонимные, без указания соответствующей организации, выступления в печати).

Прямое воздействие также может быть открытым (путем формулирования определенных требований в партийной платформе, участия в голосовании, воздействия на комиссии законодательных органов, влияния на управленческий аппарат) или закулисным («светские» встречи с «нужными людьми», протаскивание требуемых законов и решений через «своих людей» в государственном аппарате)¹.

Влияние на парламент оказывается преимущественно через депутатов, выражающих интересы тех или иных групп. По некоторым свидетельствам, в палате общин английского парламента представлены свыше 100 различных организаций, объединенных в несколько основных «групп давления».

В понятие внепарламентского воздействия на государственный аппарат со стороны «групп давления» принято включать выступления в печати, политические кампании, митинги, петиции, переговоры и консультации с высокопоставленными чиновниками, в том числе с руководителями ведомств и их заместителями и т. п.

Теория «заинтересованных групп» уделяет внимание и внегосударственной деятельности различных объединений, включая выработку профсоюзами коллективных договоров с предпринимателями, проведение переговоров между профсоюзами и федерациями промышленников, а также выступления в печати, направленные против конкурирующей группы, и т. д. В этом случае

¹ В этом плане «группами давления» именуют подчас даже некоторые государственные учреждения (например, Пентагон).

обычно считают, что государство может выступать в области отношений между «группами» лишь в двух качествах: либо как арбитр, согласующий и примиряющий интересы и требования противостоящих друг другу общественных организаций, либо как орган поддержания общественного порядка и безопасности, т. е. охраны «интересов общества в целом».

Сторонники политического плюрализма утверждают, что в буржуазном обществе ввиду активности самостоятельных и независимых от государства заинтересованных групп политическая власть как бы расслаивается: демократия, народовластие осуществляются как государством, так и негосударственными объединениями граждан. Отсюда, собственно, и термин «плюральная демократия». Прямо или косвенно сторонники такого воззрения утверждают, что в силу преодоления классовых антагонизмов и нивелировки социального положения различных групп населения государственный суверенитет как бы дробится, осуществление властных полномочий в стране становится уделом всех крупных общественных организаций, а государство выступает лишь как первый среди равных выразитель «всеобщей воли».

Общий же смысл теории «плюральной демократии» состоит в стремлении представить государственную власть класса капиталистов в виде коллективного властвования различных общественных объединений, убедить активизирующееся рабочее движение в том, что его организации уже принимают участие в управлении делами общества и что, следовательно, в принципе их цель уже достигнута, а речь идет теперь лишь о правильной координации усилий всех общественных объединений, налаживании их сотрудничества, но отнюдь не о борьбе и столкновениях рабочих организаций с объединениями капиталистов и их государством. Иными словами, господствующий класс пытается интегрировать рабочее движение в буржуазную политическую систему¹.

Теория «плюральной демократии» возникла в период перехода капитализма в империалистическую

¹ Понятие буржуазной политической системы представляется тождественным понятию системы диктатуры буржуазии.

стадию развития. Одну из идеологических причин появления этой теории составил кризис классической буржуазной доктрины разделения властей. При всей своей относительности и условности она была на определенном историческом этапе своего рода теоретическим руководством в создании системы государственных органов и ряда буржуазно-демократических институтов.

Перед новыми явлениями, возникшими в общественной жизни с формированием монополистического и государственно-монополистического капитализма, идеи Локка, Монтескье, их последователей в США в лице «отцов американской конституции» оказались во многом бесполезными и даже кое в чем вредными для империалистической буржуазии.

В числе этих новых явлений—прежде всего упадок парламентаризма и невиданное ранее расширение полномочий высших органов исполнительной власти. Равновесие было столь явно нарушено, что разделение властей зримо превратилось в фикцию. Оно было сведено на нет и другими, не менее радикальными сдвигами во всей политической организации капиталистического общества, в частности происшедшими вне государственного механизма. Традиционные представления о государстве как правовом явлении, не связанном с классами и их борьбой, потерпели крах при столкновении с острыми конфликтами между противостоящими друг другу буржуазией и пролетариатом. Борющиеся классы к концу XIX — началу XX века создали во всех цивилизованных странах мощные организации. Причем если рабочим пришлось многолетней борьбой отстаивать свое право на объединения, то правящему классу стоило лишь пожелать их создать.

Догматы разделения властей, как и юристско-политивистский подход к государству, не вмещали новых представлений о социальных силах, воздействующих на политическую власть. Выдвигается новое направление, которое пытается дополнить и скорректировать традиционные понятия о соотношении различных властей в государстве решением нового вопроса—о взаимодействии государственных и негосударственных (общественных) объединений в политической структуре временного капитализма.

Теория «плюральной демократии», согласно кото-

рой ныне нет монополии власти в руках буржуазии и ее государства, имеет целью привлечь на сторону буржуазии средние слои трудящихся и тем самым укрепить ее классовое господство. Как и многие иные апологетические учения, теория «плюральной демократии» — не пустая выдумка, лишенная реального содержания. Это — идеологизированное и извращенное, в соответствии с интересами буржуазии, выражение реальных процессов¹, происходящих в политической жизни современного капиталистического общества. Поэтому и критика ее сопряжена с анализом политической организации капитализма в целом, и прежде всего ее сердцевины, которую представляет собой система диктатуры монополистической буржуазии.

Политическая организация современного капиталистического общества, с одной стороны, — продукт известных материальных условий, экономического базиса империализма и присущих последнему классовых противоречий, а с другой — результат длительного развития эксплуататорского общества вообще, капиталистической формации и ее политических институтов в частности.

Политическая организация капитализма составляет последний и наиболее развитый исторический тип политической организации эксплуататорского общества. Классовые противоречия, освобожденные от сословно-кастовых проявлений, выступают здесь в наиболее зрелом, отчетливом виде. Политическое сознание постепенно становится господствующей формой общественного сознания. Организационные ячейки политической организации капиталистического общества приобретают ярко выраженный политический характер (особенно партии), в то время как раньше политические функции выполнялись в большей мере собственно неполитическими объединениями (цехи, гильдии, монашеские и рыцарские ордена, секты и т. д.). При капитализме «политизируются» и объединения, внешне далекие от политики.

Политическая жизнь, в том числе и политическая

¹ См. Т. И. Ойзерман, Ленинские принципы научной критики идеализма, «Вопросы философии» 1970 г. № 2, стр. 10.

организация общества, централизуется в национальных масштабах¹ и интернационализируется в мировых масштабах. Деятельность объединений власть имущих и организаций подвластных выходит за рамки того или иного буржуазного государства; наряду с национальными ассоциациями различных классов создаются более или менее оформленные организации, представляющие интересы международной буржуазии и международного рабочего класса.

Буржуазия не могла прийти к власти, не провозгласив демократию принципом политической жизни. Она не может упрочить свое господство, не ограничивая демократию, не препятствуя участию трудящихся в политической деятельности, в управлении обществом и государством.

Но рабочий класс в свою очередь не может ни проявлять себя как активный участник политической жизни², ни бороться за власть, ни подойти сам и подвести своих союзников к революции, если не выступит несравненно более последовательной, чем буржуазия, демократической силой. Он не просто отстаивает демократические традиции и идеи от реакционных популяризаторов буржуазии, но и провозглашает свои демократические идеалы. Он не только защищает буржуазно-демократические институты, но и борется за радикальное обновление и расширение демократии. Он, наконец, уже при капитализме создает свои, пролетарские демократические объединения, делом доказывая свою приверженность к принципу подлинного народовластия.

Демократия, хотя и по-разному понимаемая, обычно прокламируется буржуазией в качестве основного принципа политической жизни капиталистического общества. Буржуазия ее приемлет сначала как формальную, а затем как излишнюю, хотя и вынужденную. Рабочий класс, разоблачая преимущественно формальный характер демократии при капитализме, стремится к ее революционному превращению в подлинный,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 428.

² Самостоятельное место в политической организации общества объединения рабочих завоевывают по мере выхода пролетариата на арену классовой борьбы под собственными знаменами и с классовыми лозунгами.

реальный принцип политической действительности, но уже нового, социалистического общества.

Политическая организация капиталистического общества—многогранное и многозвенное социальное явление, усложняющееся по мере развития государственно-монополистического капитализма, обострения классовой борьбы¹. Империализм в сфере политической претерпевает не меньшие изменения по сравнению с промышленным капитализмом, чем в сфере экономической.

Со времени возникновения социалистической системы и особенно с превращением ее в решающую силу развития человечества политическая организация капитализма все более испытывает воздействие всех основных факторов, присущих современной исторической эпохе в целом. К факторам, воздействующим на политическую организацию империализма, относятся:

а) рост могущества и влияния мировой социалистической системы, успехи стран социализма в экономической, социальной и культурной областях, в развитии демократии, в борьбе за мир, против империализма и колониализма;

б) экономические процессы развития империализма, рост противоречий между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения; развитие государственно-монополистического капитализма, усугубление эксплуататорской роли буржуазного государства, соединение силы государства с силой монополий;

в) обострение классового антагонизма и борьбы между пролетариатом и буржуазией, между монополиями и трудящимися;

г) усиление расслоения буржуазии, обострение ее внутриклассовых противоречий, рост конкурентной борьбы между союзами монополистов при одновременном подчинении или удушении мелких и средних пред-

¹ Основой двойственного, противоречивого характера политической организации капитализма и в современных условиях является внутренне антагонистическая природа буржуазного способа производства, капиталистических производственных отношений (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7—8) и обусловленная этим противоположность классовых интересов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394).

принимателей, сужение социальной базы империалистического государства;

д) всеобщий подъем и успехи движения за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

Эти и ряд других обстоятельств привели в странах империализма к бурному, особенно в послевоенные десятилетия, развитию и усложнению политических и вообще общественных организаций противостоящих классов — пролетариата и буржуазии, а также средних слоев.

В политической жизни капиталистического общества участвуют и в его политической организации различаются прежде всего объединения двух родов. Объединения (государственные и общественные) первого рода составляют систему диктатуры господствующего класса, т. е. в современных условиях систему диктатуры монополистического капитала. Объединения второго рода образуют систему классового сопротивления рабочего класса и его союзников господству финансовой олигархии. Политическая власть принадлежит экономически господствующему классу буржуазии в лице государства, поддерживаемого буржуазными и псевдопролетарскими организациями.

Среди организаций капиталистов следует прежде всего выделить ассоциации промышленников, а также корпорации-миллиардеры. Пожалуй, именно эти ассоциации в наибольшей степени воздействуют на осуществление политической власти. Такова роль в США Национальной ассоциации промышленников (НАП) и Американской торговой палаты, а также нескольких десятков крупнейших монополий, которые пользуются огромным влиянием на политику правительства (как через посредство предпринимательских союзов, так и самостоятельно):

В Англии ведущая роль в системе государственно-монополистического капитализма принадлежит так называемой Группе промышленной политики (создана в 1967 году), в состав которой входят руководители Конфедерации британской промышленности, Ассоциации британских торговых палат, Института директоров и Института банкиров, а также владельцы крупнейших фирм, частных банков, страховых компаний. В ФРГ пружинной системы властвования государственно-моно-

полистического капитализма является Всеобщий комитет германского хозяйства, включающий Федеральный союз германской промышленности, Федеральное объединение немецких работодателей, Немецкий промышленно-торговый конгресс и 12 других менее влиятельных ассоциаций.

Во Франции существует Национальный совет французских предпринимателей (так называемый «патриот»), объединяющий Федерацию региональных ассоциаций и 4 других объединения. В Италии функционирует Конфедерация промышленности; в Японии — Федерация экономических организаций, Союз организаций японских предпринимателей и ряд других влиятельных союзов.

Эти ассоциации направляют деятельность государственного аппарата в своих странах как через буржуазные политические партии, так и непосредственно через своих представителей в аппарате, через лоббистов и другими путями. Разумеется, свои каналы непосредственного воздействия на госаппарат используют и крупнейшие компании этих стран, а также конгломераты и «финансовые империи» (внутри которых, конечно, есть «ведущие» и «ведомые» группировки). Растущее влияние на политический курс капиталистических государств оказывают транснациональные монополии (и их консорциумы) и конкурентная борьба между ними. Этот фактор существенно усложняет механизм «перехода» экономического господства монополистического капитала в господство политическое, опосредованное партиями и государством.

Само собой разумеется, что никакая иная «группа давления» не может сравниться с могуществом и всевластием союзов капиталистов, монополистических группировок.

Их деятельность отнюдь не состоит только в «давлении». Этот термин в изрядной степени лицемерен, если речь идет о связях организаций капиталистов с правительственной машиной. Дело в том, что последняя сама создает различные консультативные (да и решающие, если говорить о правлениях национализированных отраслей хозяйства) органы, куда на паритетных началах включены государственные чиновники и капитаны индустрии. Кроме того, союзы предпринимателей имеют десятки комитетов по политическим,

экономическим, социальным и другим вопросам, в которых вырабатываются проекты законов и требования к правительству, обычно принимаемые и рассматриваемые последним с позиций «максимального благоприствования». Таким образом, каналы для влияния бизнеса на госаппарат прокладываются с обеих сторон. Объединения крупного бизнеса имеют специальный штат служащих, поддерживающих связи с правительственным аппаратом; они детально осведомлены обо всех событиях внутри страны и за рубежом и не пренебрегают никакими методами, включая шантаж, подкуп и т. п., для достижения своих корыстных целей. Велико их влияние на политические буржуазные организации, на руководство правых профсоюзов и различных массовых объединений.

Конечно, основные политические партии буржуазии испытывают воздействие многих организаций, представляющих разные слои населения, особенно в период избирательной кампании. Находясь в зависимости от избирателей, буржуазные партийные лидеры и функционеры (а также и руководство правосоциалистических партий) заигрывают с трудящимися, щедро раздают предвыборные обещания. Но подлинно определяющее воздействие на политику этих партий оказывает господствующий класс, и в первую очередь его верхушка, представляемая руководящими комитетами национальных ассоциаций промышленников.

Партии, с их широковещательными демагогическими лозунгами, привлекающими избирателей, с их внутренней дисциплиной, обязательной и для депутатов, голосующих в парламенте, служат важным и удобным орудием в руках буржуазии. Поэтому, хотя буржуазные партии выражают групповые интересы различных фракций класса капиталистов, для пролетариата, всех трудящихся они, как правило, представляют враждебную силу. Специфична роль правосоциалистических партий, которая состоит в том, чтобы участвовать в проведении буржуазной по существу политики (хотя и не без существенных особенностей, отсутствие которых лишило бы социал-демократическое движение массовой базы).

Весьма противоречиво положение правых профсоюзов. С одной стороны, под руководством своих лидеров они проводят пробуржуазную политику в рабочем дви-

жении, с другой — объективный ход событий не может не толкать даже самые правые из них на экономическую борьбу с капиталом. Поскольку политически правые профсоюзы представляют собой в основном про-буржуазные организации, постольку они являются как бы косвенным орудием капиталистов и их государства. В этом смысле были правы исследователи тред-юнионистского движения Сидней и Беатриса Вебб, называвшие желтые профсоюзы «частью социальной машины» буржуазии.

Когда эти профсоюзные объединения организуют забастовки, пикетирование предприятий, требуют улучшения условий труда и т. д., тогда они объективно, хотя и в урезанном виде, выражают интересы пролетариата. События показывают, что идет процесс высвобождения пролетариата из-под воздействия рабочей аристократии и правых профсоюзных лидеров, а это вызывает страх у капиталистов, которые в ответ добиваются принятия антипрофсоюзных законов, усиливают легальные и нелегальные репрессии в отношении левых профсоюзных организаций, выступающих против засилья монополистического капитала и произвола империалистического государства.

Усиление экономической борьбы профсоюзов вызывает протесты предпринимателей и государственных деятелей против того, что профсоюзы требуют якобы «слишком быстро повышать зарплату».

При этом буржуазные экономисты и государственные деятели, включая и лидеров правой социал-демократии, ссылаются на необходимость покончить с инфляцией, активизировать внешнеторговый платежный баланс, повысить конкурентоспособность продукции национальной промышленности на мировом рынке, — словом, размахивают лозунгами «национального блага».

В отношении профсоюзов нет никаких оснований говорить, что они делят власть с буржуазным государством, обладают частью его суверенитета или даже оказывают на правительство, парламент и прочие звенья империалистического государственного аппарата такое же влияние, как ассоциации капиталистов. В действительности профсоюзы в буржуазном обществе являются в массе своей преследуемыми капиталистами и их государством организациями, которые бур-

жуазия вынуждена терпеть¹, хотя часть их она научилась использовать и направлять в соответствии со своими интересами.

Конечно, мощное движение рабочего класса, объединяемого профсоюзами, способно вырвать немало уступок у правящей буржуазии и ее государства, но эти уступки делаются вопреки существу и направленности политического и экономического господства капиталистов и отнюдь не означают какого бы то ни было «участия» пролетариата в осуществлении государственной власти².

Если так обстоит дело с «властвованием» профсоюзов, то еще менее убедительно выглядят рассуждения о «силе» кооперативных объединений, о «разделе суверенитета» между государством и фермерскими организациями и тем более культурно-просветительными обществами и т. п. Все эти общественные объединения в конечном счете либо представляют собой вспомогательные рычаги диктатуры буржуазии, либо примыкают к рабочему и демократическому движению, а потому становятся объектом для нападков со стороны официальных властей и разного рода реакционных негосударственных организаций.

Наиболее мощным и действенным орудием классового господства в руках властвующей буржуазии остается капиталистическое государство, роль которого в механизме буржуазной диктатуры не только не уменьшается, как пытаются доказать некоторые сторонники «плюральной демократии», но, напротив, возрастает. Ряд обстоятельств обуславливает это явление. Во-первых, развитие государственно-монополистического капитализма — процесс, наблюдаемый во всех странах империализма. Во-вторых, вызванное обострением классовой борьбы в капиталистическом мире усиление активности империалистического государства в области

¹ Факты систематических посягательств на права профсоюзов в условиях капитализма вынуждены признать даже сами буржуазные авторы. Так, например, Дж. Гэлбрейт писал: «На протяжении почти всей своей короткой истории профсоюзы в Соединенных Штатах подвергались нападкам. Предпринимателям обычно хотелось, чтобы их не было» (Дж. Гэлбрейт, Новое индустриальное общество, «Прогресс», 1969, стр. 313).

² См. М. Лапицкий, Американские профсоюзы и политика, «Мировая экономика и международные отношения» 1969 г. № 12.

политико-идеологической, где это государство выступает орудием подавления и обмана трудящихся. В-третьих, изменения, происходящие в самой природе государства и его назначении.

В домонополистическом буржуазном государстве у кормила власти всегда находились сменяющие одна другую те или иные фракции класса капиталистов. В период империализма положение, так сказать, стабилизировалось: прочно главенствуют монополистические объединения, прямо или косвенно доминирующие в буржуазном госаппарате. При этом, однако, нельзя забывать, что современное буржуазное государство продолжает оставаться орудием, принципиально враждебным именно рабочему классу и всем трудящимся, что в целом государственный аппарат состоит из представителей всех прослоек буржуазии, хотя ключевые посты правительственного аппарата заняты монополистами или их ставленниками.

Следует подчеркнуть, что возрастание роли современного империалистического государства в жизни капиталистического общества, своеобразная «этатизация» последнего протекают в двух направлениях: а) по линии подавления демократических организаций и движений, б) по линии усиления «координаторской» деятельности государства в механизме буржуазной диктатуры. Подвергаясь воздействию со стороны буржуазных негосударственных объединений, госаппарат сам активно влияет на них, ограничивая активность отдельных ассоциаций, действующих подчас вразрез с интересами господствующего монополистического капитала.

Империалистическое государство в полную противоположность буржуазным теориям, взглядам социал-реформистов и ревизионистов, оценивающих это государство как «надклассовую» организацию, проявляющую заботу «в равной степени» об интересах всех классов и социальных групп капиталистического общества, на деле есть организация капиталистов. Как таковая, она действует в интересах монополистического капитала, а потому в корне враждебна рабочему классу и всем трудящимся.

Социально-экономическая деятельность этого государства осуществляется вовсе не в интересах всего общества и тем более не в интересах эксплуатируемых классов. Она в принципе сводится к распределению на-

ционального дохода в ущерб трудящимся, в пользу класса капиталистов, а внутри последнего — в первую очередь в пользу крупного монополистического капитала. Сращивание империалистического государственного аппарата с монополиями усугубляет буржуазную сущность и антипролетарскую направленность деятельности государства.

Рост аппарата, функций и влияния империалистического государства нельзя трактовать как полное поглощение им всех негосударственных объединений буржуазии. В какой-то мере это справедливо лишь в отношении фашистско-корпоративных государств, но не подтверждается действительностью буржуазной демократии. Напротив, интересы финансовой олигархии и класса капиталистов в целом пока еще, как правило, требуют определенной автономии негосударственных компонентов в системе диктатуры буржуазии. Независимо от того, какая буржуазная партия находится у кормила власти, государство остается органом буржуазии и проводит везде и всюду интересы этого класса, хотя формы такого проведения интересов не неизменны.

Таким образом, совершенно несостоятельной выглядит идея «плюральной демократии» о якобы происходящем разделе власти, суверенитета между империалистическим государством и различными «заинтересованными группами». Если государственные органы и уступают часть своей компетенции, то лишь в пользу капиталистов, которые на своих предприятиях осуществляют хозяйскую власть над рабочими, заводят порой частную полицию, пользуются частными сыскными агентствами и прочими неофициальными инструментами власти. Французский социолог Ж. Гурвич, рассматривая в связи с этим утверждение авторитарной власти хозяев и директоров заводов внутри капиталистических предприятий, приходит к выводу, что рабочий, который, с точки зрения политической демократии, признается свободным гражданином, находится в то же время под абсолютной властью в стенах завода¹. Аналогичной точки зрения придерживается Дж. Гэлбрейт. Он писал:

¹ См. Ж. Гурвич, Будущее современных социальных структур, в сб. «Какое будущее ожидает человечество? Международные дискуссии марксистов», Прага, 1964, стр. 213.

«Рабочий класс завоевал ограниченный контроль над заработной платой и условиями труда, но не приобрел никакой власти над предприятием»¹.

Ни о каких добровольных уступках части властных полномочий буржуазного государства действительно демократическим организациям не может быть и речи. Профсоюзы и другие организации трудящихся могут вырвать у капитала и его государства в виде расширения политических прав или улучшения материальных условий жизни, но это не радикальное решение вопроса о власти и, конечно, не пресловутое «перераспределение суверенитета». Вместе с тем рабочий класс и его классовые союзники в состоянии насильственно обуздать всевластие буржуазии и в качестве революционной меры, в этом смысле, захватить определенную «долю власти»².

«Демократический плюрализм» выполняет не только пропагандистские функции (камуфлируя угнетательскую, антинародную природу буржуазной политической организации общества и капиталистического государства), но и своего рода практические, прикладные функции. Речь идет о комплексе идей из арсенала «плюральной демократии», составляющих «теорию» и тактику буржуазного лоббизма, рассматриваемого как отражение и практическое воплощение распределения полномочий между основными организациями, входящими в систему диктатуры буржуазии. Следует отвергнуть идею «диффузии власти», т. е. рассредоточения власти в равной степени между всеми общественными организациями независимо от их социальной природы. С другой стороны, несомненно, существует известное распределение полномочий между различными организациями господствующего класса.

Политическое господство класса капиталистов, ныне воплощенное в диктатуре монополистической буржуазии, осуществляется разными методами, по различным каналам. Прежде всего это государственная власть, т. е. власть империалистического государства. Затем — воздействие буржуазных политических партий, церкви и

¹ Дж. Гэлбрейт, Новое индустриальное общество, «Прогресс», 1969, стр. 98.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 266.

религиозных объединений, различных союзов, молодежных и женских ассоциаций и, конечно, ассоциаций промышленников и финансистов. Последние в большинстве случаев не стремились создать новую, свою политическую партию, а сумели подчинить себе старые буржуазные и мелкобуржуазные партии, которые и использовали вместе с другими каналами, для того чтобы наложить руку на правительственную машину.

Но при двух- или многопартийной системе в условиях обостряющейся борьбы классов трудно сохранить стабильным руководство всей политической системой власти, когда государственный аппарат оказывается в руках то одной, то другой партии. Ведь каждая из партий объединяет разные круги населения и к тому же представляет враждующие группировки самого господствующего класса. Поэтому «большой бизнес» (точнее, некий его объединенный негласный руководящий орган, создаваемый крупнейшими союзами монополистов) присваивает себе функции «мозгового треста» и верховного координатора деятельности всей системы диктатуры буржуазии. Таким органом, например, в США является Особый совещательный комитет (состоящий из лидеров 12 крупнейших корпораций-миллиардеров), стоящий *вне* и *над* руководством Национальной ассоциации промышленников и Торговой палаты.

В западной литературе можно встретить и такого рода признания: «Экономический директорииум ведущих могущественных групп уже сегодня грозит парализовать свободу действий любого правительства»¹. При этом, понятно, не остаются забытыми узкие интересы финансовой олигархии. Преследуя их, такие, например, организации, как НАП и Торговая палата США, не только ведут борьбу против рабочих организаций, но и ущемляют интересы объединений средних и мелких предпринимателей.

Представления о равенстве возможностей не только всех «заинтересованных групп» (предпринимателей и рабочих, торговцев-оптовиков и фермеров), но даже групп самой буржуазии не отражают действительности. В конце XIX — начале XX века средние и мелкие предприниматели добились принятия антитрестовского зако-

¹ «Вопросы философии» 1970 г. № 3, стр. 103.

нодательства (законы Шермана и Клейтона), но в конечном счете потерпели поражение. Победил монополистический капитал, и свидетельство фактической его власти — ставшие системой нарушения антитрестовских законов.

Конечно, ассоциации мелких и средних предпринимателей (как и другие организации, представляющие их интересы) со счетов целиком сбрасывать нельзя. Как справедливо отмечал еще Райт Миллс, на местах (в округе, графстве, общине) или по сугубо частным вопросам они еще способны отстаивать свои интересы. Но основные вопросы государственной политики решает властвующая элита — финансовая олигархия. Правда, она предпочитает вершить свои дела за кулисами. И все же со временем лоббизм перестал быть тайной, сведения о его зачастую скандальной практике просочились в печать. Под давлением общественного мнения в некоторых буржуазных странах были приняты законы о регулировании лоббистской деятельности. Например, в США согласно Закону о лоббизме 1946 года каждое лицо, стремящееся «протолкнуть» или провалить какой-либо законопроект в конгрессе, обязано регулярно сообщать о своих доходах и их источниках.

Однако зарегистрировано только около 500 отдельных лиц и групп из почти 4 тыс. организаций (по неофициальным сведениям), оказывающих давление на американских законодателей. Количество лоббистов, влияющих на административный аппарат, вообще не поддается учету, равно как и расходуемые ими суммы. Ни проверка отчетов лоббистов, ни ответственность за уклонение от регистрации законом не предусмотрены.

Теоретики лоббизма, критикуя его «частные пороки» и «злоупотребления», в целом апологетизируют этот институт. В США его именуют «третьей палатой» конгресса. Здесь принято считать, что лобби, будучи функциональным представительством определенных (экономических, политических и иных) интересов, восполняет недостатки представительства географического, на основе которого формируются сенат и палата представителей.

Это утверждение и в самом деле не лишено здравого смысла. Однако оно начисто абстрагируется от ряда существенных моментов. Во-первых, сенаторы и конгрессмены представляют не просто некие территориальные

единицы и их население, а весьма определенные интересы социальных групп. Во-вторых, так называемые географическое и функциональное представительства осуществляются далеко не от каждой социальной группы, как и не от каждой организации. В-третьих, о профессиональных лоббистах можно говорить, как о представителях тех или иных организаций лишь господствующего класса и примыкающих к нему социальных групп имущего населения. В-четвертых, решающая роль в лоббистской деятельности принадлежит ставленникам крупнейших корпораций, ассоциаций «большого бизнеса», политических группировок правой или по меньшей мере консервативной ориентации.

Следует отметить, что кроме концепции «плюральной демократии» существуют и другие варианты политико-юридического плюрализма. И, конечно, можно уловить определенные нюансы, которыми отличаются одни варианты от других¹.

Например, сторонники «плюральной демократии» доказывают, как правило, что в «современном демократическом» (т. е. в буржуазно-демократическом) государстве ни один класс или группа населения не обладает монополией политической власти. Следовательно, и соответствующие объединения, выражающие интересы определенных общественных слоев, в равной или приблизительно равной степени выступают лишь как группы давления на внеклассовый государственный механизм и его органы.— правительство, парламент, муниципалитеты.

В то же время авторы, разделяющие концепцию «социальной стратификации», напротив, усматривают политико-юридические выводы из нее как раз в том, что та или иная социальная «страта» (общественная группа) непременно владеет в каждый данный момент рычагами государственной власти (через посредство соответствующей организации). Это различие между двумя популярными в современной буржуазной социологической и политической науке направлениями усиленно подчеркивают некоторые буржуазные исследователи.

¹ См. Б. А. Ш а б а д, Политическая философия современного империализма. Критика основных антикоммунистических концепций, «Международные отношения», 1966, стр. 191 и след.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что различие это далеко не первостепенно. Идеи стратификации дополняются обычно концепцией социальной «мобильности», доказывающей, что каждый индивид в современном буржуазном обществе легко переходит из одной «страты» в другую. Влияние этих «страт» на государственную политику также признается изменчивым: они якобы сменяют друг друга у руля государственной власти. С другой стороны, и теория «плюральной демократии» признает возможность временного доминирования той или иной организации (соответственно той или иной социальной группы) в обществе и государстве. Но это доминирование смягчается-де постоянным влиянием на доминирующую организацию со стороны других «групп давления»¹.

Следовательно, как теория «социальной стратификации», так и теория «плюральной демократии» конструируют одну и ту же модель «надклассового», «демократического» государства и правопорядка. О подобных расхождении в антимарксистских теориях и разногласиях их проповедников В. И. Ленин (применительно к идеалистическим философским школам) говорил: «...это будет спор между человеком, верящим в желтого черта, и человеком, верящим в зеленого черта. Ибо важны не различия... а то, что у них есть общего...»². Существенно общее же в обеих теориях — сокрытие, маскировка подлинно классовой, эксплуататорской природы капиталистического государства, неправильное изображение политической организации буржуазного общества.

Отвергая иллюзорную идею «автодемократизации» буржуазной политической системы, иначе говоря, миф о переходе от монопольного властвования господствующего класса к «плюральной демократии» всех организаций и всех классов, не следует, однако, игнорировать известный либерально-демократический аспект данных представлений. Конечно, буржуазная «плюральная де-

¹ О соотношении теории «заинтересованных групп», так называемых плюралистических концепций элиты и иных родственных воззрений см. В. Г. Каленский, Политическая наука в США, «Юридическая литература», 1969, стр. 29—50; Г. К. Ашин, Доктрина массового общества, Политиздат, 1972; Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин, Социология. Политика. Международные отношения, «Международные отношения», 1974, стр. 51—67, 123—171.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 288—289.

мократия» не распаивает настежь двери для участия трудящихся классов, их объединений в государственной деятельности.

Но вместе с тем, как говорилось выше, эта доктрина (и известная практика самодеятельной активности населения), хотя и помимо воли господствующих кругов, объективно не может откровенно и наглухо закрыть доступ организациям трудящихся к политической жизни общества. В этом смысле, несмотря на ее двуличие и лицемерие, «плюральная демократия» представляет, несомненно, более благоприятные возможности для политической активности трудящихся, нежели любая форма открытого авторитарного властвования буржуазии, будь-то старый или «новый» фашизм, диктатура военной хунты или иная разновидность террористического режима.

Провозглашение идеи «плюральной демократии» и осуществление определенной практики функционирования множества буржуазных и пробуржуазных ассоциаций предполагают декларирование известной свободы объединений «для всех». Поддержание, таким образом, в данной сфере некоей «конституционной почвы»¹ затрудняет для господствующего класса введение ограничений права на объединение трудящихся. Понятно, что «плюральная демократия», как и любая иная буржуазная демократия, подчинена и приспособлена к интересам власти имущих. Но одновременно и механизм этого приспособления, т. е. система мер, затрудняющих политическую активность трудящихся, поневоле должен быть более тонким, более сложным и в большей мере юридически оформленным, нежели открыто террористическая система подавления, сформированная в военно-полицейских государствах.

Отсюда большие возможности рабочего класса, всех

¹ Одна из основных идей концепции «плюральной демократии» — множественность политических объединений и их равноправие в политической жизни — отражена в ряде действующих буржуазных конституций (например, в ст. 18 Конституции Итальянской Республики, принятой 22 декабря 1947 г.; ст. 9 Основного закона ФРГ, принятого 23 мая 1949 г.; ст. 4 Конституции Французской Республики, принятой 4 октября 1958 г., и др.). См. «Конституции буржуазных стран», «Юридическая литература», 1968, стр. 39, 66, 103.

трудящихся для активной политической деятельности, для воздействия на буржуазный парламент, правительство, другие звенья государственной машины в целях отстаивания своих повседневных требований. Отсюда также сравнительно более благоприятные возможности для политического самовоспитания авангарда рабочего класса и подготовки армии социалистического преобразования общества. Отсюда, наконец, и критика справа, которой подвергается рассматриваемая доктрина, и стремление вытеснить ее, заменив идеями «боевой демократии» либо теорией «оформленного» (или сформировавшегося) общества и т. п.

* * *

В начале главы уже отмечалось, что концепция «плюральной демократии» активно используется буржуазными идеологами в целях «критики» социалистической политической организации общества в целом и отдельных ее звеньев, особенно марксистско-ленинской партии. Клеветнически утверждается, что КПСС и братские партии зарубежных социалистических стран, используя-де как «слепое орудие» аппарат государства, «подавляют» всякую самостоятельность и политическую активность граждан и их объединений, в результате чего в устройстве и функционировании политической системы социализма якобы нет демократии.

В действительности социалистическая политическая организация общества как в условиях диктатуры пролетариата, так и при общенародной власти представляет собой политическую организацию принципиально нового, высшего исторического типа. Ей свойственно открытое подчинение политики решению созидательных (экономических, культурных и социальных) задач, выдвижение на передний план экономической политики, постепенное формирование условий будущего отмирания политики и всех ее организационных и идеологических форм.

Особенность и историческое преимущество социалистической политической организации общества по сравнению со всеми типами политической организации эксплуататорских социально-экономических формаций состоит в том, что безраздельно главенствующее положение (а затем и исключительное положение) в систе-

ме этой организации занимают государственные и негосударственные (общественные) организации трудящихся — производителей материальных и культурных благ.

Социалистическая политическая организация общества возникает как революционное отрицание капитализма (или феодально-буржуазной системы — в сравнительно отсталых странах) в области политической. Иначе говоря, она носит последовательно антиэксплуататорский, антиугнетательский характер и является воплощением политических интересов и воли трудящихся. Вместе с тем социалистическая политическая организация общества приемлет все лучшее, революционное, порожденное творчеством народных масс, в первую очередь пролетариатом, еще в условиях старого общества. Так, основу социалистической политической организации общества составляют возникшие еще в условиях капитализма революционная политическая партия рабочего класса, руководимые ею профессиональные, молодежные и другие демократические объединения трудящихся¹.

Принципиальное отличие социалистической политической организации общества от политической организации эксплуататорского общества состоит также в том, что она формируется и совершенствуется на базе последовательного применения достижений передовой научной теории — марксизма-ленинизма.

Будучи организационным оформлением политической надстройки, социалистическая политическая организация проходит в своем развитии тот же исторический путь, что и общество в целом. Следовательно, речь идет о политической организации общества переходного от капитализма к социализму периода (переходного общества), далее — о политической организации социализма, построенного в основном, наконец, о политической организации развитого (зрелого) социалистического об-

¹ О становлении социалистической политической организации общества см. А. И. Денисов, Социалистическая революция и политическая организация общества, изд-во МГУ, 1971; Б. Н. Топорнин, Политическая система социализма, «Международные отношения», 1972; Т. Ж. Жангельдин, Диктатура пролетариата и становление социалистических общественных отношений, Алмата, 1973; Г. Н. Манов, Государство и политическая организация общества, «Наука», 1974, и др.

щества, которая, совершенствуясь, постепенно перерастает в коммунистическое общественное самоуправление.

На первом этапе развития (в переходный период) политическая организация общества не вполне однородна в социально-классовом и идейном отношении. Ее основу составляет система (механизм) диктатуры пролетариата. Вместе с тем в составе политической организации заметны также две другие части: политические объединения свергнутых, но еще не ликвидированных классов, а также (в некоторых странах) организации средних слоев, в целом стоящие на демократических позициях, но не участвующие непосредственно в осуществлении политической власти (это относится к переходному периоду в социалистических странах с многопартийной системой).

Что касается партий и других объединений эксплуататорских классов, то они в переходный период могут существовать легально или нелегально (в случае их откровенно контрреволюционного характера), но так или иначе они составляют антипод социализма и представляют классово враждебные трудящемуся народу силы. Объединения средних слоев обычно привлекаются к участию в политической жизни, но при контроле со стороны государственной власти и всей системы диктатуры пролетариата.

С построением социализма и ликвидацией эксплуататорских классов политическая организация общества утрачивает классово-противоречивый характер, превращаясь в единую систему социалистического народовластия. Это единство упрочивается с достижением зрелого социализма.

В состав социалистической политической организации общества входят многочисленные объединения, которые прямо или косвенно принимают участие в политической жизни¹. Это прежде всего марксистско-ленинская партия, являющаяся ядром политической системы социализма, государство, массовые общественные организации, органы общественной самодеятельности населения.

¹ Более узкое представление сводится к трактовке политической организации общества как системы организаций, осуществляющих государственную власть (см. «Политическая организация советского общества», «Наука», 1967, стр. 5).

Политическая организация общества включает не только политические институты, но и отношения между ними¹. Не вдаваясь в детали, характеризующие обстоятельно специфику отношений между субъектами социалистической политической организации общества², отметим их две главные черты. Первая состоит в глубоком внутреннем единстве, целостности системы социалистической политической организации общества³. Эта целостность вытекает из общности основных исторических задач всех объединений трудящихся, социально-классового и идейного родства членов общества, наличия единого для всей системы руководящего центра в лице марксистско-ленинской партии. Вторая характерная черта — демократизм взаимоотношений между объединениями, каждое из которых в свою очередь также демократично по своей организации и функциям⁴.

Социалистическое государство составляет основу всей политической организации общества.

Ряд социальных факторов обуславливает то незыблемое марксистско-ленинское положение, что именно социалистическое государство является основным орудием революционного преобразования общества, т. е. построения социализма⁵, а затем достижения полного коммунизма⁶.

Во-первых, государство выражает общие интересы всех трудящихся и в первую очередь их авангарда и руководителя в лице рабочего класса. Во-вторых, государ-

¹ О характере и классификации этих отношений см. В. Е. Чиркин, О системном анализе политической организации общества, в сб. «Некоторые вопросы социологии и права», Иркутск, 1967.

² Это могут быть отношения сотрудничества, руководства, координации и др.

³ См. В. Платковский, Политическая организация общества при переходе к коммунизму, Госполитиздат, 1962, стр. 69.

⁴ См. А. И. Денисов, Народовластие и коммунизм, «Знание», 1965, стр. 15—16.

⁵ В странах с сохранившимися пережитками феодальных отношений социалистическая революция и ее инструмент — социалистическое государство наряду с антикапиталистическим переворотом попутно решают задачи буржуазно-демократической революции (ликвидируют помещичье землевладение и т. д.).

⁶ В. И. Ленин подчеркивал, что политическое господство трудящихся во главе с пролетариатом составляет «базу социалистического переустройства общества» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 119).

ство, его аппарат, основу которого составляют полновластные представительные учреждения, объединяет всех трудящихся граждан и, следовательно, является организацией всего трудового народа (в переходный период), а затем и всего общества. В-третьих, социалистическое государство выступает как субъект собственности на основные средства расширенного общественного воспроизводства. В-четвертых, будучи не только официальным, но и подлинным представителем общества, социалистическое государство воплощает суверенную власть, располагает средствами принуждения и охраны страны. В-пятых, социалистическое государство составляет наиболее развитый и эффективный аппарат (направляемый марксистско-ленинской партией — руководителем всех государственных и общественных организаций) в руках всего трудящегося народа, аппарат управления общественными делами, регламентирования общественных отношений, регулирования социальных процессов; в-шестых, в силу этого именно социалистическому государству в основном принадлежит правотворческая, правоохранительная и правоприменительная деятельность.

Сказанное не следует понимать как провозглашение абсолютной монополии социалистической государственной власти во всех без исключения областях общественной жизни или тем более как обоснование государственных правомочий на вмешательство в автономные сферы деятельности коллективов и отдельной личности (гражданина). Именно на таком, глубоко ошибочном тезисе основаны всевозможные обвинения буржуазных советологов, усматривающих черты «тоталитаризма» в социалистическом государстве.

Если не считать заявлений заведомых антикоммунистов, то подобные заявления иных буржуазных и социал-реформистских идеологов можно объяснить полным непониманием принципов организации и функционирования как социалистического государства, так и социалистической политической системы в целом, и прежде всего принципа демократического централизма.

Его суть в данной области состоит в координации усилий всех институтов, составляющих политическую организацию общества, где каждая ассоциация (государственная и общественная) действует присущими ей методами, выполняет специфические задачи и функции

в целях достижения всеобщего социального идеала трудящихся — зрелого коммунизма.

Государство не управляет общественными организациями, а содействует их деятельности, строго охраняя их автономию во внутриорганизационной работе, в решении собственных дел. Государство вместе с тем несет основное бремя социального управления, ибо располагает большими материальными ресурсами, нежели общественные организации.

С другой стороны, существуют задачи, которые наилучшим образом могут выполнять лишь общественные организации — профсоюзы, комсомол, кооперация, творческие союзы, добровольные общества и т. д. Эти организации также участвуют в выполнении общих функций социалистической политической организации общества, но в меру своих сил и присущими лишь им методами. Таким образом, функции социалистической политической организации общества и функции каждого из ее звеньев соотносятся как общее и отдельное. Эта планомерная координация разнообразной и специфической деятельности отражается в правовой сфере. Здесь государство выступает главным образом гарантом правопорядка. Вместе с тем оно не диктует общественным организациям их внутриорганизационных норм и, более того, ряду организаций предоставляет правотворческие, правоприменительные и охранительные полномочия в определенных областях и в необходимой мере.

Со своей стороны, общественные организации участвуют в формировании государственных органов (путем выдвижения кандидатов, делегирования своих представителей и т. д.), оказывают существенное воздействие на законодательство и другие формы осуществления государственной власти.

Вся политическая система функционирует под руководством марксистско-ленинской партии. Именно партия, являясь главным выразителем интересов трудящихся, будучи свободной от какого бы то ни было ведомственного подхода, объединяет и направляет усилия всех государственных и общественных организаций, осуществляет контроль за их работой.

Что касается индивида (гражданина), то его интересы и воля реализуются по трем основным каналам: а) по линии государственной; б) через соответствующую общественную организацию; в) в сфере личной

жизни, охраняемой как государством и общественностью, так и широкими правомочиями гражданина, всеми гарантиями личной свободы.

Категория социалистического типа политической организации общества выражает те общие качества, принципы и свойства, которые присущи политической организации общества каждой социалистической страны.

Главное, что предопределяет отнесение политических организаций общества различных социалистических стран к единому типу, — это общность их классово-социальной сущности — власти трудящихся во главе с рабочим классом, сущности, вытекающей из исторически единого типа общественного производства, отношений собственности на средства производства.

Социалистическая политическая организация общества отличается последовательной прогрессивностью, она выражает объективные интересы поступательного развития общества. Это объясняется прежде всего тем, что социализм обеспечивает наилучшие условия для научно-технического прогресса, являясь высшей по сравнению с капитализмом экономической системой. Последняя основана на новом, антиэксплуататорском типе производственных отношений, на общественной собственности. Упразднение эксплуатации в экономической сфере есть основа отсутствия политического угнетения. Это в свою очередь предопределяет политические преимущества социалистического государства, права и всей системы социального управления высшего типа, последовательно демократического, последовательно народного, сильного сознательностью трудящихся масс.

Политическая и правовая системы социалистического типа создаются и функционируют, впервые в истории, на базе сознательного творчества большинства членов общества (в переходный период), а затем всего народа (в условиях развитого социализма).

Подвергая «критике» политическую систему социализма, наши идейные противники искажают марксистское положение о роли рабочего класса в современном обществе, о власти пролетариата. При этом разного рода концепции об «угасании» ведущей роли рабочего класса все чаще связываются в последнее время с процессами развертывания научно-технической революции.

Характерно, что во взглядах на место и роль рабоче-

го класса в обществе сближаются позиции всех «критиков» научного коммунизма. Многие из них прямо объявляют революционный пролетариат «исчезнувшим», а марксистское положение о его исторической миссии «утопическим». К ним относятся, например, буржуазные идеологи А. Тойнби, Р. Арон, правые и «левые» ревизионисты, один из идеологов «новых левых» Г. Маркузе и другие антимарксисты.

Г. Маркузе и его последователи отрицают революционную роль рабочего класса по трем причинам: 1) ввиду сокращения доли живого труда в производственном процессе и вытеснения «белыми воротничками» (категория инженерно-технических работников, полностью исключаемая Маркузе из понятия «рабочий класс») лиц, занятых физическим трудом; 2) вследствие якобы осуществившейся полной интеграции рабочего класса в капиталистическую систему; 3) как результат «поглощения» революционного сознания рабочих задачами удовлетворения своих возрастающих потребностей¹.

Кто же, по мнению современных антимарксистов, способен в современном обществе занять место ведущей прогрессивной социальной силы? Полного единства взглядов здесь нет. В то же время среди буржуазных идеологов и правых ревизионистов наиболее распространена точка зрения о том, что научно-техническая революция и развитие производительных сил выдвигают сегодня на первый план интеллигенцию. Французский социолог А. Турэн пишет в книге «Постиндустриальное общество»: «В обществе, которое основано главным образом на производительном труде, в первую очередь и непосредственно против капиталистов выступает квалифицированный рабочий... В современном динамическом обществе такой силой являются интеллигенция и студенчество, непосредственно выступающие против технократии».

Т. Петков утверждает, что в определенные периоды рабочий класс «имеет тенденцию превращения в консервативный фактор в социалистическом обществе», и считает, что «власть должна принадлежать не рабочему

¹ См. Н. Marcuse, *One Dimensional Man*, Boston, 1968, pp. 27, 32, 37.

классу, а интеллигенции в союзе с молодыми техниками и передовыми рабочими».

Широкое распространение, в первую очередь среди «левых» радикалов, получили в последнее время взгляды, возводящие в разряд высшей революционной силы различные оппозиционные группы, особенно из числа молодежи. Э. Морен утверждает, что, мол, «новые революционные потребности общества» способна выразить по-настоящему лишь «молодежная революция», что на смену классовой борьбе пришел «конфликт поколений». Г. Маркузе видит силу, подрывающую капиталистическую систему, в студенческой молодежи, в разнородных группах «дна» и «гетто», поскольку эти категории населения являются аутсайдерами, не участвующими в обществе потребления.

Значительная группа «левых» главного носителя революционной инициативы видит в крестьянстве, в «мировой деревне».

Широкое распространение подобных взглядов обусловлено не только стремлением многочисленных противников научного коммунизма исказить марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, попытаться дискредитировать его. Такой подход, уместный для объяснения позиций буржуазных идеологов, был бы далеко недостаточным, чтобы разобраться в конструкциях ревизионистов, хотя, как уже отмечалось, в конечном счете взгляды и тех и других во многом совпадают.

Вопрос о классах и социальных группах в современных условиях, о четких критериях для проведения границ между ними далеко не так прост, как это могло бы показаться на первый взгляд. Такое положение связано прежде всего со сложностью объекта познания, с большой социальной неоднородностью современного буржуазного общества и известной противоречивостью рабочего класса и интеллигенции, их положения в условиях государственно-монополистического капитализма.

Одним из таких вопросов, порождающих у оппортунистов немало спекуляций, является вопрос о самом понятии рабочего класса, о его составных частях. Методологическое значение для исследования классовой структуры капиталистического общества и для анализа конкретной характеристики состава пролетариата имеют некоторые оценки, содержащиеся в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Известно, в частнос-

ти, что К. Маркс относил конторских и торговых служащих к «лучше оплачиваемому классу наемных рабочих», пользовался терминами «торговые рабочие», «торговый пролетариат»¹. В. И. Ленин никогда не сводил рабочий класс только к фабрично-заводским рабочим, указывая, что это означало бы «до невозможности суживать идею Маркса»². Он отмечал, что на Западе растет «инженерный пролетариат»³.

Разумеется, вряд ли можно сегодня отождествлять с рабочим классом всех лиц наемного труда, поскольку многие из них по своей функциональной роли, по размерам доходов (менеджеры, чиновники, часть инженерно-технического персонала) занимают средние и высшие звенья в системе производства, осуществляют в той или иной степени административные функции и отделены от широкой массы «рабочих в собственном смысле слова».

В то же время низшая группа служащих, число которых постоянно растет, несомненно, обладает рядом признаков, сближающих ее с пролетариатом (единственный источник существования для них — заработная плата; осуществление преимущественно исполнительских функций; все они подвергаются эксплуатации). Это положение особенно важно иметь в виду в условиях роста промежуточных слоев работников наемного труда, что является характерной чертой государственно-монополистического капитализма, значительно усиливающего естественную тенденцию капитала превращать всякий труд в наемный.

Убедительным свидетельством несостоятельности утверждений о «депролетаризации» буржуазного общества является тот факт, что за последние десятилетия в капиталистических государствах число промышленных рабочих увеличилось в четыре раза. Постоянно возрастает доля лиц наемного труда. В развитых странах капитала она составляет сейчас почти 80% самодеятельного населения. Но это обстоятельство буржуазные и реформистские идеологи пытаются истолковать в свою пользу, оперируя, в частности, официальными данными, показывающими, что в социальной структуре об-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 1, стр. 317, 329, 330 и др.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 329.

³ Ленинский сборник XXXVII, стр. 213.

щества доля «белых воротничков» (инженерно-технический и административно-управленческий персонал, конторские служащие и т. п.) неуклонно растет, а доля «синих воротничков» (рабочие) сокращается. Однако в самой структуре группы «белых воротничков» доля низших конторских служащих, рядовых наемных специалистов несравненно выше доли, скажем, высших менеджеров. Интересно отметить в этой связи, что и среди буржуазных ученых встречаются признания того факта, что «наиболее скромные государственные служащие сегодня полностью схожи с наемными работниками торговли и промышленности»¹.

Ревизионисты, особенно Р. Гароди и Э. Фишер, пытаются спекулировать на использовании (разумеется, извращенно истолкованном) Марксова термина «совокупная рабочая сила», трактуя современный рабочий класс как «совокупность трудящихся физического и умственного труда», как лиц, получающих «заработную плату и жалование», и полностью игнорируя такой важный в современных условиях фактор классовой принадлежности, как отношение к средствам производства. «Тезис о том, что построение социализма — дело науки, предполагает, что политические руководители могут и обязаны сопоставлять познания, приобретенные специалистами, со своим собственным опытом и с опытом масс, — с заметным оттенком демагогии философствует Р. Гароди. — Отсюда следует, что эта «интеллектуальная» составляющая является неотъемлемой частью «совокупного рабочего» и, следовательно, на равных правах разделяет с ним его руководящую роль».

Необходимо иметь в виду, что К. Маркс не отождествлял понятие «совокупная рабочая сила» с понятием «пролетариат», говорил о «рабочем в собственном смысле слова»², в отличие от других производственных работников. Современный рабочий класс выступает в странах

¹ H. Déroche, *Les mythes administratifs*, Paris, 1966, p. 68.

Представляет интерес в то же время и рассуждение Дероша о том, что даже у низших государственных служащих проявляется «чиновническое» мышление, известное чувство превосходства, объясняемое «профессиональной деформацией» на основе рутины, привычки командовать и ощущения обеспеченности работой (там же).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. I, стр. 138.

капитала как класс наемных работников, лишенных средств производства, подвергающихся эксплуатации и выполняющих сугубо исполнительские функции в сферах производства, обращения, услуг и в какой-то мере управленческого (конторского) труда. Нетрудно видеть, что утверждения ревизионистов сродни буржуазным концепциям «депролетаризации».

Большое место в писаниях современных антимарксистов отводится искажению роли интеллигенции в социалистическом обществе, противопоставлению ее рабочему классу. Признавая важную роль интеллигенции, В. И. Ленин вместе с тем резко критиковал любые тенденции к отрицанию гегемонии рабочего класса, ведущие в конечном счете к ослаблению или отрицанию руководящей роли революционной партии как политического авангарда рабочего класса.

Неприязнь к организованности и дисциплине коренится в неверии в гегемонию рабочего класса, в иллюзиях о надклассовом положении интеллигенции как ведущей силы общества. Идея руководящей роли интеллигенции аргументируется тем, что научно-техническая революция и достижения цивилизации поставили человечество якобы в такие условия, когда оно может спасти лишь в том случае, если подчинится духовному господству интеллигенции, которая в настоящее время действует «независимо», в то время как «массы» легко поддаются манипулированию и могут служить пассивным объектом власти.

Известно между тем, что В. И. Ленин не применял термин «интеллигенция» как означающий нечто однородное: он различал роль интеллигенции в зависимости от того, с каким общественным классом она устанавливает отношения и чьи интересы она выражает. В. И. Ленин писал, что оппортунизм, исходящий из иллюзий о неклассовом положении интеллигенции, стремится скрыть классовые противоречия и поэтому неизбежно переходит в национализм и завершает сотрудничеством с буржуазией.

Необходимо отметить, что у самих ревизионистов нет единства в подходе к вопросу об интеллигенции в современных условиях. Некоторые из них (Э. Фишер, в частности) в своих умозрительных построениях заходят так далеко, что рассчитывают с помощью «духовных партизан», «свободно парящих интеллектуалов» совершить

переход к «единому человечеству». При этом именно интеллектуальная элита, являющаяся «соединительной тканью наций», может стать «соединительной тканью человечества»¹. Так извращается марксистско-ленинская теория классов, так совершается грубая подмена подлинного интернационализма космополитическим тезисом о «едином человечестве».

Против положения о ведущей роли рабочего класса, с клеветническими утверждениями о «борьбе классов» при социализме выступают теоретики крайне левого, гошистского толка, представители франкфуртской школы. Словом, все антимарксистские силы, начиная от открытых антикоммунистов и кончая тщательно маскирующимися под «творческий марксизм» ренегатами, спланиваются сегодня под знаменем борьбы против гегемонии пролетариата и руководства его политического авангарда — Коммунистической партии.

Концепция всемирно-исторической миссии рабочего класса остается правильной и в современную эпоху. Она отстаивается и последовательно проводится в жизнь всеми подлинными марксистами-ленинцами. В наши дни, как и много лет назад, положение рабочего класса, говоря словами Ф. Энгельса, «является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности»².

В то же время коммунистические и рабочие партии в разработке своих тактических и стратегических установок, в повседневной практической деятельности учитывают определенные изменения в социальной жизни, в положении рабочего класса и интеллигенции, вызванные научно-технической революцией. «По-новому встают сейчас многие вопросы работы с интеллигенцией, особенно с той ее частью, которая вместе с рабочим классом занята в промышленности и подвергается все большей эксплуатации, — подчеркивал на международном Совещании коммунистических и рабочих партий (1969 г.) Л. И. Брежнев. — Профессии, требующие умственного труда, становятся все более массовыми. Инженерно-техническая интеллигенция в капиталистических странах

¹ См. E. Fisher, *Kunst und Koexistenz*, Hamburg, 1966, S. 75—80.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 238.

формируется теперь из представителей не только буржуазии, но и средних слоев, а частично и из представителей трудящихся. Все это в значительной мере меняет отношение интеллигенции к капиталистическому строю, сближает ее интересы с интересами рабочего класса»¹.

Коммунистические и рабочие партии искренне заинтересованы в привлечении на свою сторону всех представителей интеллигенции — научных работников, врачей, техников, деятелей искусства и культуры и т. д. Это не временный, тактический интерес, а их неизменная политическая линия. Быстрое развитие современного общества ставит множество сложнейших вопросов, решить которые невозможно лишь на основе опыта эмпирического или массового сознания, без использования новейших достижений науки.

С вопросом о ведущих социальных силах, о руководстве обществом со стороны определенного класса тесно связан и вопрос о власти. В марксистско-ленинской теории пролетарской революции проблема диктатуры пролетариата и ее государственных форм всегда занимала видное место. Творчески развивая выводы К. Маркса и Ф. Энгельса о формах социалистической государственности, В. И. Ленин установил, что при одинаковой сущности власти, призванной обеспечить экономическое освобождение трудящихся и переход к социализму, формы и методы осуществления этой власти будут различными. «Переход от капитализма к коммунизму, — писал он, — конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»².

Диктатура пролетариата — это исторически необходимая система политического господства рабочего класса, направленная против угнетения народов и наций, на уничтожение всякой эксплуатации человека человеком. Она выражает интересы всего трудового народа, главное ее содержание — созидание нового, социалистического общества и защита его завоеваний. Именно поэто-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—7 июня 1969 г.», стр. 59.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

му вопрос о диктатуре пролетариата занимает центральное место в «критике» социально-политических отношений социализма нашими идейными противниками.

В современных условиях, как и во времена К. Каутского и II Интернационала, наступление на диктатуру пролетариата ведется с позиций противопоставления ее демократии, сопровождается обвинением рабочего класса в узурпации им власти, тотальном насилии, подавлении личности, ликвидации свободы. Мало изменились не только содержание и основные направления такой «критики», но даже и ее словесное обрамление. Как и много лет назад, в 70-е годы мы встречаемся с давно разоблаченными доводами, будто диктатура пролетариата отрицает демократию, с утверждениями о противоречивости и взаимоисключаемости этих понятий, о «манипулировании народом» в социалистических странах и т. п.

Основная задача буржуазных идеологов, а также социал-реформистских и праворевизионистских теоретиков сводится ныне к тому, чтобы доказать, что деление общества на классы, классовая борьба ушли в прошлое, а на смену им пришла «истинная демократия», якобы нивелирующая социальное неравенство и сводящая на нет все рассуждения о необходимости установления диктатуры пролетариата.

Немало измышлений связано с тем фактом, что после победы социалистической революции в России пролетариат составлял меньшинство населения. На этой основе построено клеветническое утверждение о том, что диктатура пролетариата предполагает-де обязательно подавление большинства меньшинством. При этом совершенно игнорируется то обстоятельство, что рабочий класс, выполняя свою историческую миссию, действует в тесном союзе с трудовым крестьянством, пользуется активной поддержкой со стороны интеллигенции и других социальных групп общества. Создаваемый в ходе социалистической революции, четко организованный и налаженный механизм пролетарской диктатуры успешно функционирует, опираясь на исключительно широкую социальную базу, пользуясь активнейшей поддержкой многочисленных народных масс. Именно благодаря этому диктатура пролетариата становится демократией высшего типа и является подлинным народовластием. В марксистском понимании диктатура пролетариата пред-

ставляет собой политическое господство большинства над эксплуататорским меньшинством.

Диктатура пролетариата ведет к сплочению различных социальных слоев, к единению социалистических наций, а не к разобщению их. «Диктатура пролетариата выражает интересы не только рабочего класса, но и всего трудового народа; главное ее содержание — не насилие, а созидание, строительство нового, социалистического общества, защита его завоеваний от врагов социализма»¹. В этом ключ к пониманию социалистической политической организации общества на определенном этапе развития, ее принципиального отличия от политической организации капиталистического общества.

При рассмотрении вопроса о системе диктатуры пролетариата необходимо исходить из ленинского анализа политической организации общества, помнить о его критике «левых» доктринеров по этому вопросу, которые сводили диктатуру пролетариата к государственному аппарату и доводы которых в той или иной степени используются современными антикоммунистами.

Диктатура пролетариата — это сложная, но внутренне единая, непрерывно развивающаяся система государственных и общественных организаций, выполняющая важнейшие задачи строительства и упрочения социализма. Такое единство вытекает из общности интересов всех трудящихся и надежно обеспечивается руководством марксистско-ленинской партии. Одно из главных направлений развития системы диктатуры пролетариата состоит в последовательном повышении роли и значения общественных организаций в этой системе, постоянной демократизации государственного строя в целом.

Диктатура пролетариата объективно необходима в обществе переходного от капитализма к социализму периода. С ликвидацией эксплуататорских классов и победой социализма начинается процесс перерастания системы диктатуры пролетариата в систему общенародной власти.

Идея установления диктатуры пролетариата в результате победы социалистической революции мирным или немирным путем высказывалась и теоретически

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, 1962, стр. 350.

обосновывалась К. Марксом и Ф. Энгельсом много раз еще задолго до Парижской Коммуны, ставшей первым историческим опытом политического господства пролетариата. Уже в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс применил и сам термин «диктатура рабочего класса»¹.

В. И. Ленин убедительно показал, что знаменитое марксово положение о диктатуре рабочего класса (пролетариата), сформулированное в работе «Критика Готской программы», закономерно подводило итог всему предшествующему развитию теории, давало «лишь более исторически-конкретное и научно точное изложение той задачи пролетариата», о которой основоположники научного коммунизма многократно писали в своих произведениях в течение сорока лет².

В искажении буржуазными идеологами сущности диктатуры пролетариата, как и по другим вопросам, легко усматриваются противоречивость и ненаучность. Так, одни из них считают «очевидным признаком конца марксизма-ленинизма как духовного движения тот факт, что марксизм-ленинизм развит дальше посредством досрочного окончания диктатуры пролетариата и введения понятия «народного государства»³. Другие же «атакуют» марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата с прямо противоположных позиций, заявляя, что ныне, как результат деятельности «марксистских теоретиков», «диктатура пролетариата превратилась из кратковременной переходной «стадии», предусматривавшейся Марксом и Энгельсом, в длительный переходный период, который может растянуться на десятилетия»⁴.

Эти утверждения не выдерживают критики. Диктатура пролетариата соответствует лишь переходному от капитализма к социализму периоду. Исторические границы существования этого периода определяются, в частности, экономическим уровнем стран, переходящих к социализму, прочностью их международного положе-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 31.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 242.

³ Н. K a l e r m a n n, Volkstaat. Marxismus am Ende?, «Die politische Meinung», 1965, N 104, S. 71.

⁴ W. L e o n h a r d, Diktatur des Proletariats in Sovjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine Vereleichende Enzyklopedie. Bd. 1, Freiburg—Basel—Wien, 1966, S. 1273.

ния, степенью сопротивления свергнутых, но еще не ликвидированных эксплуататорских классов и т. д. Чем надежнее, прочнее позиции диктатуры пролетариата внутри страны, чем активнее поддержка других социалистических стран, чем выше пролетарская солидарность, тем короче может быть переходный от капитализма к социализму период. Но при всех условиях, даже самых благоприятных, этот период составляет самостоятельный этап развития общества.

Буржуазные идеологи доходят до нелепых утверждений о том, что в социалистических странах не было и не могло быть диктатуры пролетариата, а была и остается ныне «диктатура партии»¹. Последний тезис муссируется на все лады и является предметом многих теоретических спекуляций. Его довольно широкое распространение объясняется стремлением, во-первых, опорочить во что бы ни стало Коммунистическую партию, во-вторых, исказить марксистско-ленинское учение о системе диктатуры пролетариата и месте Коммунистической партии в этой системе, в-третьих, посеять сомнения в возможности беспартийной массы оказывать активное влияние на ход общественного развития и принимать участие в управлении делами общества и государства.

«...Диктатура пролетариата, — указывал В. И. Ленин, — невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»². Без марксистской партии нельзя организовать рабочий класс как руководящую силу общества, обеспечить нерушимый союз рабочих и крестьян, последовательно решать вопросы государственного, национального, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Партия «вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата»³. Однако «нельзя осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»⁴. Без них партия не может быть направляющей и руководящей силой в обществе.

¹ Убедительная критика подобных взглядов содержится в книге А. И. Денисова «Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции» (изд-во МГУ, 1967, стр. 158—160).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 203—204.

⁴ Там же, стр. 205.

В числе таких «приводов», «зубчатых колес» в первую очередь следует назвать Советы, далее профсоюзы, являющиеся школой воспитания, средством защиты экономических интересов рабочих и служащих, организацией всего рабочего класса, а также кооперацию, комсомол, женские, спортивные и другие общественные организации, охватывающие практически все взрослое население страны.

В ряде социалистических стран имеется несколько партий, существующих одновременно с марксистско-ленинской партией. Большую роль в государственной и общественно-политической жизни играли и играют народные фронты (в различных странах они называются по-разному). Все эти организации ни в коей мере не противостоят Коммунистической партии, не ослабляют ее руководящую роль, а, наоборот, всемерно способствуют успешному выполнению задач, стоящих перед диктатурой пролетариата.

Маскируя отход от принципов социалистической демократии, «правые» ревизионисты изобретают лженаучные концепции «либерализации», «децентрализации» политических режимов в социалистических странах. Так, например, Н. Пашич клеветнически утверждает, что диктатура пролетариата была заменена в нашей стране «диктатурой над пролетариатом». Социолог А. Крешич, выступая, по сути дела, с анархистских позиций, считает, что любая власть, в том числе и «прикрываемая именем диктатуры пролетариата», неизбежно ведет к политическому абсолютизму со всеми его «отрицательными для общества акциями»¹.

Ревизуя с «левых» позиций основные принципы марксистско-ленинского учения о политических формах социализма, идеологи маоизма свои основные удары в теории направляют против подлинно научного понимания диктатуры пролетариата, социалистической демократии и демократического централизма. В основе их доктрины лежит тезис, согласно которому «диктатура пролетариата есть диктатура, осуществляемая массами». На словах их цель состоит в привлечении масс к осуществлению «демократической диктатуры народа».

¹ См. Л. С. Мамут, Критика политической идеологии анархизма, «Советское государство и право» 1971 г. № 5, стр. 47.

На деле извращается суть марксистско-ленинского учения о руководящей роли рабочего класса, искажается само понятие диктатуры пролетариата, представление о социалистическом демократизме. Ленинскому пониманию демократического централизма, предполагающему сочетание руководства обществом из единого центра по единому плану с широким развитием местной инициативы, живого творчества масс, противостоит схема, сводящая все к жесточайшему централизму, подавлению всяческой инициативы, безоговорочному подчинению и выполнению всяких указаний «сверху». Забыто марксистское положение о том, что диктатура рабочего класса, «не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие»¹, игнорируется главное в пролетарской власти — созидательная деятельность, направленная на решение сложных экономических, политических и социально-культурных задач строительства нового общества.

Несостоятельность попыток ревизионистов противопоставить демократию диктатуре становится особенно очевидной, когда мы обращаемся к ленинскому анализу демократии как формы политической организации общества, формы диктатуры класса, формы государства. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин так определял демократию: «Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою»². Такой подход не утратил своей актуальности и должен, несомненно, лежать и сегодня в основе исследования проблем демократии в классово-антагонистических обществах, в том числе и в обществе переходного от капитализма к социализму периода.

Настойчивое стремление противопоставить один другому различные этапы развития марксизма-ленинизма проявилось, например, весьма ярко в 1968—1970 гг. Так, в речах на собраниях, проведенных руководством СДПГ по случаю 150-летия со дня рождения К. Маркса (в 1968 г.) и 150-летия со дня рождения Ф. Энгельса (в 1970 г.), была предпринята попытка «вычлениить» из

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 83.

марксизма лишь отдельные положения, ценные, по словам ораторов, для тех, «кто без догмы стремится к гуманизации человеческого общества».

Нападки на государственность победившего социализма — логическое продолжение антикоммунистических наскоков на государство диктатуры пролетариата.

В ряду «доказательств» так называемого отступничества от марксизма первостепенное место отведено идее общенародного государства. Буржуазные «критики» (и в этом с ними вполне смыкаются идеологи «маоизма») объявляют понятие общенародного государства бессмыслицей. Почему же? А потому, что, с точки зрения марксизма-де, не существует государства без антагонистических классов и, наоборот, антагонистических классов без государства. Положения об общенародном социалистическом государстве объявляют полным и самым «недиалектическим» отрицанием марксизма в одном из его основных, существенных вопросов. Словом, теория общенародного государства квалифицируется как ревизионизм на том основании, что марксизм-ленинизм якобы вообще отвергает понятие народной власти применительно к характеристике природы какого бы то ни было государства.

Эта вульгарная интерпретация марксистской теории должна быть решительно отвергнута. Общеизвестны выступления основоположников марксизма-ленинизма против надуманных, неосуществимых проектов введения народного государства в классово-антагонистическом обществе, проектов, не учитывающих классового состава «народа». Буржуазные «марксологи», ссылаясь на эти выступления, свели марксизм к такому убого либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует¹. Не существует для них и, следовательно, никаких разновидностей государства, кроме буржуазного и социалистического.

Между тем наряду с буржуазной и пролетарской революциями, порождающими соответственно буржуазное и социалистическое государства, история знает множество народных революций. Государство, порождаемое в ходе этих революций, является тоже народным

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39.

в том смысле, что оно представляет собой орудие власти нескольких революционных классов. Разумеется, такое государство существует еще в обществе с антагонистическими классами, будучи промежуточной политической формой движения общества к социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата. Вот первое, что непонятно или неизвестно буржуазным критикам народного государства.

Далее, государство диктатуры пролетариата есть (уже в ином, новом понимании) государство народное при том условии, что под народом подразумевается пролетариат и руководимые им трудящиеся массы и что этот народ использует свою государственную машину для подавления сопротивления эксплуататоров.

Наконец, и общенародное государство — как идея и политическая реальность — ничуть не противоречит учению основоположников марксизма-ленинизма, в ряде произведений которых высказано предвидение будущей «государственности коммунистического общества» (К. Маркс в «Критике Готской программы») и даже «неполитического государства» (В. И. Ленин в «Государстве и революции»)¹. «Государственность коммунистического общества» — это социалистическое государство первой фазы коммунизма и отмирающее государство на начальных ступенях зрелого коммунизма.

Буржуазные идеологи игнорируют также известное положение марксизма о том, что обусловленное существованием антагонистических классов государство в собственном смысле слова пролетарская революция заменяет «полугосударством», т. е. государством не в собственном смысле слова. Это выражение пригодно уже для государства диктатуры пролетариата и тем более для государства развитого (зрелого) социалистического общества, не знающего внутреннего классового антагонизма. Как же называть это, последнее государство, если не общенародным?

Те, кто упрекают современный марксизм в недиалектичности, забывают как раз ярчайший пример верности диалектики. Он состоит в признании того, что, сменив первобытное общественное самоуправление и пройдя

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 27; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 63.

ряд ступеней, государство из аппарата преимущественно угнетательского вновь, но уже на иной, несравненно более высокой ступени развития общества, становится инструментом ведения общих дел в интересах всего общества. Общепародное социалистическое государство трудящихся и является этим инструментом, хотя и не утратило классовых черт, ибо, не подавляя какие-либо классы, регулирует классовые взаимоотношения в современном советском обществе.

Наконец, даже с преодолением существенных различий между классами государство остается еще некоторое время как специальный аппарат управления общественными делами, как «неполитическое государство», пока труд по управлению не утратит характера профессии определенной, сравнительно узкой группы людей.

Спекуляции «марксологов» и «советологов» на проблематике социалистического государства и права вполне объяснимы. Каждый новый этап в поступательном движении советского общества и государства вызывал и будет вызывать злобные нападки со стороны сил антикоммунизма и антисоветизма. Такова логика политической и идеологической борьбы в эпоху перехода от капитализма к социализму, по крайней мере, до тех пор, пока объективно-неизбежная борьба между коммунистической и буржуазной идеологиями не перестанет осложняться рецидивами психологической войны, которую ведут против всех сил прогресса и демократии и прежде всего против СССР крайне правые, воинствующие круги капиталистических стран.

ГЛАВА III

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В наши дни, как и прежде, в арсенале буржуазных теоретиков, их социал-реформистских и ревизионистских последователей остается взгляд на демократию как на некое абсолютное явление, предполагающее в качестве необходимых атрибутов наличие многопартийности, «независимой» судебной системы и тому подобных положений, основанных на внеисторических, формальных представлениях о «чистой» демократии, прототипом которой уже якобы сегодня выступает «западная демократия».

Попытки идеологов антикоммунизма трактовать вопрос о демократии с надклассовых позиций преследуют двоякую цель: во-первых, извратить суть марксистско-ленинского учения о демократии, дискредитировать политическую систему социализма, принизить или вовсе отрицать историческую роль социалистического народовластия; во-вторых, приукрасить капиталистическое общество, затушевать присущие ему классово-антагонистические противоречия, воспрепятствовать борьбе коммунистических и рабочих партий за сохранение и расширение демократических институтов, которые могут быть использованы в целях революционного преобразования общества.

Практика современных капиталистических государств показывает, что демократия, которой буржуазные идеологи пытаются придать ореол надклассовости, «общечеловечности», представляет собой на деле форму власти имущих классов, систему, обрекающую массы трудящихся на неполноправное положение, вытесняющую их из активной политической жизни. «На каждом шагу, — писал В. И. Ленин, — в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между *формальным* равенством, которое «демократия» капитали-

стов провозглашает, и тысячами *фактических* ограничений и ухищрений, делающих пролетариев *наемными рабами*»¹.

Постоянно усугубляющийся в условиях государственно-монополистического капитализма кризис буржуазной демократии не мог не отразиться на подходе буржуазии к проблемам демократии. Истории политической мысли давно известны разнообразные варианты теории «правлящей элиты». Однако никогда еще, пожалуй, элитаризм в качестве *прямого выражения* социально-политического запроса власть имущих классов не выступал столь ярко и обнаженно, как в современных условиях. Многие буржуазные социологи рассматривают структуру власти через призму «циркуляции» в обществе экономической, политической, идеологической, профсоюзной и прочих «элит», отрицая при этом существование классов и классовой борьбы как движущей силы общественного развития.

Буржуазно-реформистским представлениям о демократии в большей мере соответствует так называемый плюралистический подход, исходящий из идеи якобы имеющего место «рассредоточения» власти между различными, более или менее многочисленными общественными группами и организациями. О современной буржуазной демократии говорят нередко как о «массовой», «популистской» (народной), «полиархической» (имеющей много центров власти), «репрезентативной» (представляющей интересы всех) демократии и т. п. Однако и при таком подходе, кроме чисто словесной оболочки, мало что остается от самого принципа верховенства народа, провозглашенного когда-то шедшей к власти молодой буржуазией. Более того, все направления, воспринимающие в той или иной степени теорию «плюральной демократии», носят во многом эпигонский характер: они воспроизводят, по существу, подход одного из классических направлений буржуазной политической мысли начала XX века — теории управления через «борьбу групп интересов», создатель которой А. Бентли уже тогда видел в такой системе осуществление идеи «чистой» демократии.

В рассуждениях и конструкциях буржуазных теоретиков обращает на себя внимание одно важное об-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 255.

ествоительство — стремление неразрывно связать понятие демократии как социального и политического института с понятием абстрактной личности, трактуемой вне реальных связей с классами, с обществом. Такой подход, не несущий ничего нового по сравнению с традиционными представлениями буржуазной науки о демократии, тем не менее стал сегодня доминирующим, выражающим квинтэссенцию взглядов на нее современной буржуазной и социал-реформистской идеологии.

Стремясь найти «теоретический эквивалент» обанкротившимся традиционным представлениям о буржуазной демократии, апологеты империализма усиленно проповедуют идею о передаче власти специалистам в области управления, неподвластным якобы классу капиталистов и выражающим некий «общий интерес».

Исторический опыт и современность дают яркие иллюстрации известного марксистского тезиса о воздействии изменяющихся производительных сил на производственные отношения, на социальную и политическую сферы. Промышленная революция XVIII—XIX вв. привела к капитализму свободной конкуренции в сфере экономики и утверждению буржуазной демократии. Дальнейшие важные сдвиги в развитии материально-технической базы подготовили переход к монополистическому капитализму с его еще более резкой социально-классовой дифференциацией и поляризацией, с вытекающим из его природы наступлением на принципы демократии, свободы, равенства, законности.

Большое влияние на социально-экономическую и политическую жизнь оказывает научно-техническая революция, охватившая ныне развитые страны капитализма. В связи с этим буржуазной наукой порождено немало измышлений, искажающих истинный характер идущих в современном капиталистическом обществе процессов. Так, утверждение о затухании классовой борьбы, резко расходящееся с практикой общественно-политической жизни современных капиталистических государств, является тем не менее одним из главных положений теоретиков так называемого «постиндустриального общества». Немало измышлений порождено и пресловутой теорией «народного капитализма», рождение которой во многом также явилось реакцией буржуазной идеологии на бурный рост производительных сил.

Идеологи буржуазии утверждают, будто научно-техническая революция обусловила «социальное сплочение» общества, некую «политическую рационализацию». Между тем научно-техническая революция в условиях капитализма ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Она сопровождается не только обострением всех прежних противоречий капитализма, но и появлением новых. «Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства... Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»¹.

Джон Гэлбрейт и другие идеологи «постиндустриального общества» говорят о «перемещении власти от капиталистов к технократии», господстве технических специалистов, захвативших центры организации и принятия наиболее важных решений в государственном аппарате и на частных предприятиях.

Широкое распространение получил на Западе так называемый «менеджмент» (менеджеризм), т. е. система взглядов, имеющая своей целью комплексное изучение экономических, социальных, психологических, организационных и иных аспектов управления производством. Играя роль важного идеологического орудия современной буржуазии, эта теория также призвана обосновать якобы имеющий место процесс замены власти капитала властью специалистов в области управления и организации производства (менеджеров), выражающих-де некий «общий интерес»². Подобный

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, Москва, 5—17 июня 1969 г.», стр. 298.

² Один из приверженцев менеджеризма Ж. Бомье утверждает, например, что «великие технологические, политические, экономичес-

взгляд распространяется на сферу политики, государственный аппарат.

Буржуазными учеными уделяется большое внимание вопросам управления. Ими выработано много форм, приемов и методов, позволяющих максимально рационализировать труд в административно-управленческой сфере. Среди них: организационно-технические принципы управления, вопросы взаимоотношений между начальником и подчиненными, правила поведения руководящих работников, организация рабочего места и др. Однако в силу внутренней противоречивости самого процесса управления при капитализме в буржуазных странах не сложилась цельная научная теория и единая методология управления, хотя отдельные западные авторы и считают возможным говорить о создании «философии управления», «новой философии и методологии».

Научно-технический прогресс и связанные с ним последствия вызывают у буржуазных ученых повышенный интерес к социальным функциям науки. Однако такая всеобщая увлеченность наукой ведет нередко к явной абсолютизации ее возможностей, а иногда и к грубому искажению ее роли в обществе. По мнению идеологов технократии, все социальные конфликты должен решать научно-технический прогресс, который обеспечит всеобщее процветание. Технократия умиротворяет общество с помощью рациональной организации и равномерного распределения богатств при посредстве электронного мозга. Главное, чего не следует делать для решения социальных проблем (и на такой подход необходимо обратить особое внимание!), это вести политическую борьбу.

Технократия, менеджеризм выполняют двоякую функцию. Во-первых, широкое использование управляющих, как правило, хорошо подготовленных специалистов¹, знающих потребности экономики, порождаемые

кие, финансовые и социальные изменения последних 30 лет привели к постепенному устранению во Франции «власти 200 семейств» и переходу этой власти в руки высших управляющих менеджеров» (см. J. Baumier, *Les grandes affaires françaises des 200 familles aux 200 managers*, Paris, 1967, p. 42).

¹ Западногерманский социолог Б. Энгельман считает, например, что менеджер должен иметь академическое образование, об-

научно-технической революцией, чувствующих запросы рынка и потребителя, способствует улучшению дела управления. Управляющие широко используются для установления тесных связей между государством и монополиями, что сулит предпринимателям экономическую выгоду. Бюрократия, как справедливо отмечал прогрессивный американский социолог Р. Миллс, «увеличивает эффективность и производительную мощь власти собственников»¹.

Во-вторых, утверждения о переходе реальной власти к специалистам используются для распространения в массах представлений о «независимости» управленческого аппарата от частного бизнеса, для создания внешне респектабельного демократического декорума, позволяющего реальным хозяевам оставаться в тени. Этому способствует, в частности, то обстоятельство, что среди технократов оказывается немало выходцев из средних слоев, вносящих в какой-то степени «свежую струю» в традиционно консервативный аппарат управления, рекрутировавшийся ранее в основном из крупной буржуазии. Поддержание «технократических» иллюзий, таким образом, весьма выгодно современной буржуазии.

Разумеется, нельзя полностью отрицать роста влияния и власти высших управляющих, представляющего собой реакцию современной буржуазии на процессы развертывания научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма, дальнейшей капиталистической концентрации и интеграции. В последние годы, действительно, монополистическая буржуазия все в большей степени вынуждена «допускать» к управлению кадры специалистов. Это связано с существенным усложнением управленческих процессов, с повышением значения коллективных решений, учета в возможно полной мере объективных закономерностей.

Нечто подобное происходит и в государственном аппарате. Однако меры, направленные на расширение

ладать сильной волей, умением руководить людьми, видеть перспективы развития производства (см. B. Engelmann, *Meine Freunde — die Manager. Ein Beitrag zur Erklärung des deutschen Wunders*, Darmstadt, 1966).

¹ C. W. Mills. *White Collar*, N. Y., 1956, p. 111.

участия в управлении специалистов, не делают более демократичными ни управление производственными процессами, ни государственный аппарат. Расширение в известной степени «демократии» для производственной и «политической» технократии, большая часть которой верой и правдой служит интересам монополий, означает дальнейшее сужение возможностей для участия в управлении представителей трудящихся, по-прежнему лишенных возможности решающим образом влиять на процессы экономической и политической жизни.

Количественный рост числа менеджеров не вносит каких-либо существенных изменений и в структуру экономической власти современного капитализма, сохраняя в качестве экономической, финансовой и социальной основ общества частную собственность. Усиление государственного вмешательства в экономику также не имеет своей целью упразднения частного предпринимательства. Напротив, оно пытается помочь ему выжить.

Необходимо отметить, что еще К. Маркс в «Капитале» указал на возрастающую роль управляющих как организаторов производства, поскольку труд по надзору, функция управления все больше «отделяется от собственности на капитал»¹. Управляющий, «технократ» использует свои специальные познания для того, чтобы найти и применить на практике наиболее эффективное средство достижения главной, но не им устанавливаемой цели — получения максимальной прибыли. И никакие разговоры о «распылении капитала», о «плюральной собственности» не могут скрыть сути вопроса. Как удачно подметил французский социолог Митрани, «отделение собственности от управления ею не уменьшает власти собственности... Просто менеджеры начинают нести ответственность перед господствующим классом»².

В период империализма относительная самостоятельность государства заметно возрастает. Данным обстоятельством и пытаются воспользоваться буржуазные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 1, стр. 479.

² Цит. по: Е. Амбарцумов, Утраченные иллюзии профессора Гэлбрейта, «Литературная газета» 1971 г. № 16.

идеологи, всячески раздувая, абсолютизируя эту самостоятельность. А. Дерош, например, считает, что работа госаппарата «таинственна», «непознаваема по своей природе и деятельности». «Высший чиновник, — пишет он, — является верховным жрецом на службе государства, точнее, одним из верховных жрецов. В этом качестве он допущен в святая святых, то есть в тот таинственный и темный источник власти, которым является кабинет министров... Он знает, что в его руках находится секрет непостижимого механизма власти и что поэтому он заслуживает уважения. С равными себе он составляет священную коллегия, огромная сила которой имеет мифическую природу, и эта тайная коллегия выступает и как администрация, и как само государство»¹.

Немало рассуждений и о том, что государственный аппарат подчиняет частные интересы «общему благу», что технократия удачно дополняет демократические принципы. Однако даже среди буржуазных ученых можно встретить тех, кто сомневается в реальности такой «идеи». «Эти деятели, — пишет английский проф. Д. Марш о власти имущих администраторов, — превратились в мощную силу, чьи своекорыстные интересы могут вступить в конфликт с подлинными потребностями общества»².

Но испытывая чувство неудовлетворенности теорией и практикой технократии, даже буржуазные идеологи говорят о необходимости «эффективной демократии», об «изобретении демократии», удовлетворяющей требованиям нового общества». Ярый поборник технократических идей, один из авторов модели «постиндустриального общества» Дэниел Белл считает, что «конфликт между технократическим и политическим методами принятия решений станет одной из характернейших черт постиндустриального общества». Он признает: «Повсюду наблюдается всеобщее возмущение бюрократией и желание участвовать в управлении страной... Бесспорно, устаревшие политические формы уже не приспособлены к тому, чтобы противостоять такому напору»³.

¹ H. Deroche, Les mythes administratifs, Paris, 1966, p. 60

² D. Marsh, The Future of the Welfare State, L., 1964, p. 80.

³ Цит. по: «Литературная газета» 1970 г. № 45.

Правда, в своем осуждении технократии некоторые горячие головы, особенно из числа «новых левых», доходят до утверждений об опасности гибели вследствие технологических нововведений, сомневаются в объективной пользе науки как таковой, объявляют ее «светской религией нашего века»¹.

Как наиболее рационально управлять, какие новейшие достижения науки и техники следует внедрять в этот процесс — подобные вопросы ставит перед озабоченной за свое будущее буржуазией современная эпоха, требующая от господствующих классов все большего напряжения сил для удержания своего положения в обществе. С этих позиций и следует оценивать определенное возрастание роли менеджеров в общем механизме слитого с монополиями государственного аппарата. Широко рекламируемые буржуазно-реформистскими идеологами лозунги «политического нейтралитета» аппарата управления, «всевластия технократов» имеют своей задачей закамouflировать зависимость многочисленного штата чиновников, исполнительного государственного аппарата от финансовой олигархии, на службе которой он, по сути дела, состоит.

Рассматривая вопросы управленческой деятельности в период научно-технической революции, нельзя не учитывать некоторых внешне общих для современного общества тенденций в этой области. В частности, обращает на себя внимание возрастание значения аппарата управления в условиях все более сложных проблем, которые ставит научно-технический прогресс. Они требуют для своего решения четкой специализации и разделения усилий, строгого рационализма в структуре аппарата и служебной иерархии, полной независимости в продвижении по службе от личных связей, других условий, диктуемых научной организацией труда и задачами совершенствования управления, определяемыми в свою очередь ускоренным развитием промышленного производства и вытекающим из этого усложнением всех социальных процессов (подъем на новый уровень образования, науки, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.).

¹ См.: «Мировая экономика и международные отношения» 1971 г. № 1, стр. 99.

Разумеется, за внешними сходными чертами явлений, происходящих в противоположных общественно-политических системах, нужно видеть и глубокие различия. В условиях капитализма аппарат управления оторван от народа, хорошо оплачиваемое чиновничество рекрутируется, как правило, из состоятельных слоев общества и, по сути дела, само себя воспроизводит (это достигается как при помощи особого отбора, так и «естественным» путем — в результате действия системы закрытых учебных заведений повышенного типа, традиционных связей между ведущими ведомствами и отдельными общественными группами, составляющими «элиту», и т. д.). Кроме того, этот аппарат все в большей степени выходит из-под контроля представительных учреждений, не говоря уже об отсутствии ответственности его перед народом.

При социализме государственный аппарат выступает не как некая самодовлеющая сила, противопоставляющая себя обществу, а как слуга общества, выразитель его интересов; сами же должностные лица, говоря словами В. И. Ленина, «осуществляют не свою личную (или групповую, или кружковую) волю, а волю этого общества»¹. Исполнительно-распорядительные органы в полной мере подконтрольны представительным органам и народу. Наконец, сам аппарат управления состоит из представителей трудящихся, которым народ как носитель власти поручает выполнение текущих функций управления².

Концепция технократии направлена на обеспечение социального заказа власть имущих в мире капитала — сокрытие от общественности реального господства монополистической буржуазии, финансовой олигархии, вступивших ныне в тесную унию с государственным аппаратом.

Классовая ограниченность буржуазной демократии определяется прежде всего тем, что она служит закреплению и охране частной собственности, системы эксплуатации человека человеком. Структура буржуазного общества представляет собой пирамиду социаль-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 36.

² См. Ю. А. Тихомиров, Власть и управление в социалистическом обществе, «Юридическая литература», 1968, стр. 44.

ного неравенства, на вершине которой — утопающая в роскоши горстка воротил промышленного и финансового бизнеса, а у подножия — обреченные на нищету и лишения миллионы тружеников. В США, например, этом кичащемся своим «демократизмом» государстве «всеобщего благоденствия», 20% населения получает лишь 3% общенационального дохода. Другие 20% населения, находящиеся на верхних ступенях социальной лестницы, получают 48%. «Элита» же (1% американского населения) имеет в общенациональном доходе 9%.

Контраст между роскошью богачей и бедностью трудящихся в буржуазном обществе поразителен. По мнению Ф. Ландберга, в США 70% американцев сводят свой бюджет с дефицитом. Состояние одной богатейшей семьи в стоимостном выражении равноценно имуществу 700 семей из «низшей» половины американских граждан. При этом разрыв в доходах обнаруживает за последние годы тенденцию к увеличению¹.

Действительность убедительно показывает, что никакого перераспределения богатств не происходит. Как были эти богатства сосредоточены в руках немногих, так это осталось и поныне. Как существовала свобода предпринимательства лишь для тех, кто обладает состоянием, так лишь для них существует она и сейчас. Капитал всегда играл и поныне играет решающую роль в экономической и политической жизни буржуазного общества, в то время как профессиональные политики, ученые, техническая и другая интеллигенция, промышленные и финансовые работники представляют собой не что иное, как «рабочие руки на обширнейших экономических плантациях».

В ФРГ, по данным западногерманского журналиста и социолога М. Юнгблута, 1,7% населения владеет 70% основных средств производства в стране. При этом подавляющая часть (80,2%) имущества, принадлежащего частным собственникам, состоит из капитала предприятий, остальная часть приходится на денежный капитал, на владение землей и сельскохозяйственные объекты. На основании исследования большого факти-

¹ См. F. Lundberg, The Rich and Super-rich. A Study in the Power of the Money To-day, N. Y., 1968, p. 19, 28.

ческого материала автор приходит к выводу, что лица наемного труда являются «пасынками западногерманского чуда»¹.

Показательно, что в буржуазной политической науке в противовес наиболее распространенным теориям, сводящим понятие демократии к неким общепризнанным элементам в значительной мере формального порядка, появляются отдельные концепции, авторы которых вынуждены уже говорить об экономической предопределенности демократии, связывая ее реальность с возможностью «принятия людьми экономических решений», достижения ими определенного уровня материального положения и обладания в той или иной степени собственностью.

Известно, что показателем реальности демократии является наличие у граждан необходимых социально-экономических прав, гарантий их осуществления. В последние годы в ряде капиталистических стран проводятся мероприятия, иногда целые программы, из области социальных услуг (здравоохранение, образование, социальное обеспечение и т. п.), облегчающие в какой-то степени положение трудящихся масс. Однако в силу половинчатости, непоследовательности в проведении этих мер, обусловленных самой природой капиталистического строя, все подобные проекты не могут решить проблемы обеспеченности провозглашаемых прав и свобод реальными гарантиями.

Факты крайне тяжелого положения в области социальных услуг в капиталистическом мире вынуждены признать сами буржуазные политические деятели и идеологи. Медицинское обслуживание в США находится «в состоянии кризиса», — заявил в палате представителей конгрессмен У. Рой. В стране наблюдается острая нехватка врачей и лечебных учреждений, стоймость медицинского обслуживания «непрерывно и драматически растет». По данным министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США, для удовлетворительного медицинского обслуживания американцев необходимо иметь по крайней мере 150 врачей на 100 тысяч человек населения. Од-

¹ M. Jungblut. Die reichen und die superreichen in Deutschland, Hamburg, 1971, s. 54—56.

нако даже в самых крупных американских городах эта цифра далека от реальной¹.

По свидетельству министерства труда и социального обеспечения земли Северный Рейн-Вестфалия, недостаток врачей в государственной системе медицинского обслуживания в ФРГ стал «катастрофическим».

Немало проблем порождает получение образования, так как процесс обучения, особенно в высших учебных заведениях, связан с затратами определенных сумм, что нередко для малоимущих слоев населения представляется делом весьма сложным, а иногда и просто непосильным.

Подлинным социальным бедствием для трудящихся большинства капиталистических стран является проблема безработицы. Она особенно резко возросла в последние годы. Если в США, например, к концу 1973 года было 4,4 млн. безработных, то к середине 1975 года их число превзошло 8 млн. человек. Экономические потрясения, спад деловой активности, инфляция — за все эти пороки капиталистического мира вынуждены расплачиваться прежде всего трудящиеся.

Своеобразным показателем критического состояния социальных реформ является отношение отдельных идеологов буржуазии к концепции «государства всеобщего благоденствия», с которой у них в значительной степени связывалось государственное вмешательство в сферу экономики, активность в области социальных услуг.

Выступающий с позиций левого кейнсианства буржуазный социолог Дэвид Ч. Марш считает термин «государство благоденствия» применительно к социально-политической структуре современной Великобритании не более чем «ярлыком». Опасаясь за будущее капитализма, он обращается к политикам, государственным чиновникам, бизнесменам, профсоюзным боссам с призывом «освободиться от тяжелого груза мифологии и найти подходящий ярлык для нашего общества и нашего государства»². Подобное признание кра-

¹ См. «Правда» 16 ноября 1971 г.

² См. D. Marsh, *The Future of the Welfare State*, L., 1964, pp. 118, 137—139.

ха одной из наиболее распространенных на Западе теоретико-политических фикций особенно знаменательно, поскольку оно исходит от убежденного апологета капиталистического образа жизни, отдающего явное предпочтение «естественной тенденции развития скорее путем реформ, чем путем революции».

Для капитализма характерно отчуждение народных масс от участия в политической жизни общества. Так, например, в ходе подготовки и проведения выборов нарушаются важнейшие принципы — всеобщность и равенство. В последние годы в ряде ведущих стран Запада под давлением прогрессивных сил осуществлены определенные изменения в избирательных системах, отменены или существенно смягчены избирательные цензы (в частности, установлен 18-летний возраст для осуществления активного избирательного права). Однако все еще сохраняют силу многие ограничительные цензы, устранившие миллионы трудящихся от участия в выборах, нарушаются требования равенства избирательных округов и право иметь один голос, сам порядок проведения и организации выборов, определения их результатов нередко приводит к искажению воли избирателей. Значительная часть избирателей уклоняется от голосования, выражая тем самым своеобразный протест против формального характера выборов, фактически лишая трудящихся возможности влиять на формирование органов власти. В этом отношении особенно показательны выборы президента США. Так, в 1960 году в президентских выборах участвовало 63,2% избирателей, в 1964 году — 62%, в 1968 году — 61%, а в 1972 году — 55%. В частичных выборах членов конгресса в ноябре 1974 года приняло участие всего около 40% избирателей.

Характеризуя абсентеизм избирателей в США, известный американский историк и публицист К. Росситер высказывает следующие соображения: «Конституция, специальные законы и выборная практика ставят множество барьеров на пути избирателя к урне, который к тому же не видит различия между кандидатами; в отличие от европейца американец не привык ждать от выборов каких-либо перемен и часто не придает им значения; кроме того, американец настолько подозрительно относится к предвыборным обещаниям, что раз-

уверился в самой возможности существования честного политика»¹.

Отличительной особенностью практики буржуазных выборов является их высокая цена. По свидетельству американской прессы, на избирательную кампанию в США было израсходовано в 1964 году 200 млн. долларов, в 1968 году — 300 млн. долларов, а в 1972 году расходы достигли рекордной цифры — 400 млн. долларов.

Огромные финансовые затраты были произведены на последних выборах в западногерманский бундестат политическими партиями, добивавшимися благосклонности избирателей. Достаточно сказать, что в распоряжении партий было 290 млн. марок, причем партии ХДС и СДПГ имели примерно по 114 млн. каждая.

Источниками финансовых поступлений в фонды избирательных кампаний являются пожертвования со стороны корпораций миллиардеров, других заправил политической машины, делающих ставку на того или иного претендента. Естественно, что такие источники тщательно скрываются от общественности, хотя в США и существует специальный закон, обязывающий учредителей избирательных фондов сообщать имена «вкладчиков» и величину поступающих сумм. Под давлением общественности, осудившей многочисленные злоупотребления (в том числе и в части размера взносов) в ходе избирательной кампании 1972 года, в США в 1974 году принят новый (отнюдь не первый!) закон о финансировании предвыборных кампаний. Однако в самих Соединенных Штатах высказывались серьезные сомнения в успешности его проведения в жизнь. Характеризуя подготовленный законопроект, «Нью-Йорк таймс» писала: «Бесспорно, желательно сократить время предвыборных кампаний, насколько это возможно, и поощрять мелкие пожертвования. Но ни одно из этих предложений не затрагивает главной проблемы — растлевающего воздействия частных денег в предвыборной борьбе»².

Несомненно, для подобных пессимистических на-

¹ C. Rossiter, *Parties and politics in America*, Ithaca, 1966, p. 33—35.

² «The New York Times», April 3, 1974.

строений есть немалые основания. Платные выборы — порождение государственно-монополистического капитализма и связанного с ним образа жизни, они выгодны прежде всего крупному бизнесу, буржуазному «истэблишменту». Поэтому, сколько бы внешние радикально ни выглядели ныне те или иные реформы, в действительности они с неизбежностью имеют лишь частичный, весьма ограниченный характер, не переходят предела, за которым бы могла возникнуть угроза господству буржуазии.

Большие суммы денег, поступающие в фонды конкурирующих политических партий, позволяют обеспечить проведение в жизнь всех методов, играющих немаловажную роль в битвах за души и голоса избирателей. Среди таких методов воздействия существуют и чисто традиционные (поездки и выступления лидеров на митингах, распространение предвыборных манифестов и обращений и т. п.), и новые методы, связанные не только с использованием всех технических средств информации, но и с прямым заимствованием приемов торговой рекламы, обращающейся подчас на выборах не столько к разуму и политическому сознанию, сколько к эмоциям и даже инстинктам избирателей. Хорошо известны, например, пышно обставленные, разыгрываемые опытными режиссерами по заранее заготовленным сценариям избирательные спектакли в США. Важную роль в создании «образа» кандидата, которого хотят навязать избирателям правящие монополистические группировки, играет телевидение.

Один из сторонников максимальной «рационализации» предвыборной пропаганды и избирательных кампаний Р. Роуз призывает предоставить максимальную самостоятельность специалистам рекламы, особенно если они действуют, опираясь не просто на интуитивные и случайные представления об избирателях, а на данные опросов общественного мнения. При этом Роуз ничуть не смущается тем обстоятельством, что, по его же собственным словам, подобные специалисты подходят к избирательным кампаниям «сугубо практически, не заботясь о морали»¹.

¹ См. R. Rose, *Influencing Votes. A Study of Campaign Rationality*, L., 1967, pp. 153, 154, 199.

Свидетельством глубокого кризиса американского политического механизма, всей системы буржуазной демократии стало так называемое «уотергейтское дело». В ходе его расследования выявились многие противозаконные методы ведения избирательной борьбы — слежка, шантаж, подслушивание телефонных разговоров, незаконное получение и расходование средств на ведение избирательной кампании, злоупотребления властью, коррупция и т. п.

Грубейшими нарушениями избирательного закона, как свидетельствует японская газета «Акахата», избивали выборы в органы местного самоуправления, проходившие весной 1971 года в Японии. Газета сообщает, в частности, что во время выборов мэра города Хасаки кандидат от правящей либерально-демократической партии (ЛДП) разослал 722 избирателям по 5 тыс. иен заказной почтой. В городе Куроисо избранный депутатом префектурального собрания представитель ЛДП разослал 1500 избирателям конверты, в каждом из которых было по 2 тыс. иен. Подкуп избирателей и другие незаконные методы широко использовались и на состоявшихся в 1972 году парламентских выборах. Достаточно сказать, что главное полицейское управление зарегистрировало более 8000 нарушений закона.

Образуемые таким образом представительные органы в условиях капитализма не отражают и не могут отражать истинной воли народа. К. Маркс отмечал: «Олигархия увековечивает себя не при помощи постоянного сохранения власти в *одних и тех же* руках, но тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹. Эти приемы и должны создавать иллюзию «свободной игры политических сил», борьбы буржуазных партий, общественного прогресса, иллюзию, будто бы широкие массы в состоянии оказывать воздействие на принятие коренных политических решений. Но смена буржуазных партий у кормила государственной власти мало отражается на социальном составе парламентов: в них неизменно преобладают представители имущих классов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 11, стр. 372.

Антидемократизм буржуазных представительных учреждений проявляется и в том, что в них все большую роль играют разного рода комитеты, комиссии и подкомиссии, действующие зачастую от имени всего парламента, хотя многие парламентарии могут и не знать о намечаемых мерах и тем более не иметь возможности обсудить и утвердить их. Характерно, что подбор кандидатур в комитеты и комиссии осуществляется, как правило, руководством партийных фракций.

В палате представителей конгресса США, как подчеркивает Дж. Кларк, сам долгое время проживший в стенах Капитолия, провести закон легче, чем в сенате, но зато гораздо труднее получить его из рук комиссий для утверждения. Власть в палате представителей фактически сосредоточена в четырех комиссиях: законодательных предположений, по ассигнованиям, бюджетной и по делам вооруженных сил. Комиссия законодательных предположений, например, практически может не пропустить в палату почти любой законопроект, который она хочет провалить¹.

Западногерманский социолог М. Юнгблут также обращает внимание на то, что основная работа по подготовке законопроектов ведется в комиссиях бундестага. В соответствии с укоренившейся в ФРГ практикой многие важные комиссии (например, комиссия по аграрным вопросам) почти полностью состоят из лиц, имеющих непосредственные интересы в вопросах, находящихся в компетенции комиссий. Указанные лица представляют различные заинтересованные союзы и объединения и часто занимают в них руководящие посты. Монополии имеют своих лоббистов, правда, более тщательно замаскированных, и в остальных комиссиях бундестага.

Лоббисты, входящие в аппараты специально организованных групп давления, не скупятся на расходы. О точных суммах, разумеется, никому не известно. Но сведения о методах закулисной деятельности лобби, как уже отмечалось, нередко становятся достоянием общественности.

¹ См. «За рубежом» 1966 г. № 24, стр. 12.

Буржуазные парламентарии охотно принимают «дары» лоббистов и иные подношения, направленные на то, чтобы сделать их сговорчивыми. Кроме того, человек, избранный, например, в конгресс США, пользуется массой преимуществ: к его услугам сеть специальных столовых, парикмахерских, ряд других служб, призванных обеспечить максимальный комфорт и удобства; десятки конгрессменов разъезжают по свету за счет налогоплательщиков под предлогом разного рода обследований и расследований; в канцелярии конгресса на выгодные местечки конгрессмены устраивают своих ближайших родственников. С «излишествами римских императоров» сравнивают уклад жизни членов конгресса США американские публицисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон, посвятившие тайным сторонам жизни этого органа документальную книгу. Общие расходы на одного конгрессмена США обходятся американским налогоплательщикам в круглую сумму — 500 000 долларов в год.

Интересно отметить, что в Великобритании, где парламентариев также вряд ли можно отнести к людям, обойденным судьбой, несколько лет назад принято решение о повышении жалования министрам и членам парламента на 35%, что вместе с увеличением средств, выделяемых на личные расходы и пособия, почти удвоило их доход.

Многолетний опыт избирательной и парламентской борьбы многому научил рабочий класс и коммунистические партии. Нередко на выборах в парламенты и органы местного самоуправления трудящимся удается добиться серьезных успехов. Поэтому, несмотря на то, что «действительное классовое господство лежало и лежит вне парламента», буржуазия там, где это ей особенно выгодно, стремится в какой-то степени ослабить роль законодательных органов, уменьшить их влияние на политическую жизнь страны.

В. И. Ленин всегда предостерегал трудящихся от недопонимания исторической ограниченности и условности буржуазного парламентаризма, показывая, что наиболее важные вопросы социально-политической жизни решаются, как правило, за кулисами представительных учреждений, бюрократическим аппаратом исполнительной власти, призванным непосредственно проводить в жизнь веления финансовой олигархии.

Практика политической жизни стран Запада подтверждает ленинское положение.

Характерно, что и сами парламентарии буржуазных стран признают ныне некоторое ослабление роли представительных учреждений, свидетельством чего может служить включение в повестку дня одной из конференций Межпарламентского союза вопроса «О мерах по укреплению эффективности парламента и контроля с его стороны за деятельностью правительства перед лицом возрастающего вмешательства государства в различные сферы национальной жизни». В меморандуме французских парламентариев по этому вопросу говорилось, что «экономическая и техническая действительность современного мира требует быстрых и эффективных решений от государства, а поскольку эту действительность трудно привести в соответствие с методами дискуссии, государство идет по пути значительного расширения исполнительной власти...», что «влечет за собой сокращение парламентских прерогатив». За витиеватыми и туманными формулировками отчетливо проглядывает признание глубокого кризиса, в котором находится буржуазный парламентаризм.

Не желая вскрывать подлинные причины кризиса парламентаризма, буржуазные политики и идеологи пытаются искать выход из создавшегося положения в совершенствовании организационных форм деятельности парламента, улучшении постановки информации его членов и в проведении других мер, которые не затрагивают коренных устоев, самого фундамента буржуазного парламентаризма.

Многие западные парламентарии всячески стремятся поднять в этом плане значение оппозиции, выдавая наличие ее чуть ли не за главный показатель осуществления парламентского контроля за деятельностью правительства. Но хорошо, например, известно, что при наличии в Англии двухпартийной системы и, следовательно, оппозиции парламент был и остается оплотом монополистической буржуазии, независимо от того, консерваторы или лейбористы играют в данный момент роль оппозиции.

Действительность последнего времени убедительно показывает, что кризис парламентаризма наступает там, где парламент оказывается бессильным противостоять реакционной политике господствующих классов,

давлению всемогущих монополий, яростно выступающих против каких-либо реформ, направленных на облегчение материального и культурного положения трудящихся классов общества, на устранение национального неравенства и расовой дискриминации.

Конституционные ограничения полномочий парламента и усиление исполнительной власти, преследования и лишение полномочий негодных депутатов, незаконные роспуски парламента и другие антидемократические акции являются прямым результатом наступления промышленно-финансовой олигархии на демократию.

Разумеется, кризис буржуазного парламентаризма не есть процесс фатальный и завершенный. В некоторых странах, как показывает жизнь, заметны тенденции к сохранению и даже повышению роли представительных учреждений, есть и определенные успехи в борьбе с экспансионистскими притязаниями исполнительной власти. Этот естественный в своей противоречивости процесс связан с неоднородностью буржуазии как класса, известной борьбой ее отдельных фракций и течений. Практика подтверждает в то же время, что приход в парламенты ряда буржуазных стран коммунистов в союзе с другими прогрессивными силами не только в какой-то степени придает парламентам качество подлинной представительности, но и позволяет более успешно отстаивать демократические завоевания, оказывать сопротивление авторитарным тенденциям.

Решающим звеном в буржуазной политической системе выступают, как об этом уже говорилось, предпринимательские союзы и объединения монополистов, большое значение имеют политические партии и церковь. Хорошо известна в то же время реакционная роль в условиях господства капитала таких реальных атрибутов власти, как армия, полиция, органы разведки, суд. Существенными полномочиями наделен разветвленный бюрократический аппарат управления, а широкие слои населения лишены каких бы то ни было возможностей контролировать работу государственных органов. Даже органы местного самоуправления, устраненные от участия в решении общегосударственных задач, находятся под всесторонней опекой правительственной администрации. Таким образом, весь государственный механизм, представляющий собой развет-

вленную, сложную систему органов, хотя и используется для осуществления экономических и других функций, одним из своих важнейших назначений имеет деятельность по подавлению сопротивления трудящихся, по сохранению капиталистического строя.

Выражением наиболее реакционных тенденций в развитии современного империалистического государства являются усиливающаяся бюрократическая централизация, концентрация рычагов власти в руках узкого круга лиц, непосредственным образом обслуживающих интересы монополий.

Империалистическая буржуазия все более решительно передает действительную власть в государстве правительству, органу более оперативному и менее гласному, используя который удобнее осуществлять управление. Этот процесс сопровождается одновременно ростом военно-промышленных комплексов, оказывающих все большее практическое влияние на органы государства и представляющих серьезную угрозу завоеваниям трудящихся. Не случайно поэтому ставшая в последнее время традиционной для политической жизни США проблема «президент — конгресс» приобрела особую остроту именно в связи с вопросом расходования финансовых средств, осложненным во многом нажимом на конгресс и президента со стороны агрессивных кругов американского бизнеса, со стороны Пентагона.

Даже урезанный, усеченный демократизм не устраивает современную монополистическую буржуазию. Как только в результате упорной классовой борьбы создается возможность использования трудящимися провозглашаемых демократических прав и свобод, буржуазия отворачивается даже от ограниченной демократии, все более решительно применяя в качестве методов властвования прямое насилие и террор. Терпят крах традиционные представления о законности: неудержимо растет преступность, нередко случаи принятия чрезвычайного законодательства, усиливаются репрессии против трудящихся. Эти явления, органически присущие капиталистическому обществу, свидетельствуют о тяжелом, постоянно углубляющемся кризисе, переживаемом буржуазной демократией.

С особой силой разгул беззакония проявился в Чили, где в результате военного переворота власть за-

хватила реакция, грубо попораны конституция, элементарная справедливость, свирепствует фашистский террор. И что характерно, преступное насилие прикрывается здесь безудержной демагогией, ложью и лицемерием хунты, толкующей об «эффективной демократии», «правовом государстве», «правах человека». Трагические чилийские события неумолимо подтвердили историческую закономерность: буржуазия, на словах провозглашающая демократию и свободу главным достоянием, на деле готова без колебаний растоптать их, утопить в крови, пойти на любые преступления ради достижения корыстных целей, сохранения своей собственности и власти.

Наступление на демократические институты и в странах «западной демократии» сопровождается усилением исполнительного аппарата, его репрессивных учреждений — полиции, вооруженных сил, разведки и органов юстиции¹. Не имея возможности подробно рассмотреть особенности их деятельности в современных условиях, остановимся лишь кратко на вопросе о полиции, наиболее действенном орудии прямого классового подавления.

Ушли в прошлое времена, когда фигура полисмана внушала уважение. Ныне даже в «доброй старой» Англии в корне меняется отношение к «Бобби» — популярному персонажу, всегда вызывавшему симпатии населения. Даже уголовники, которых никак нельзя заподозрить в сентиментальности, не нападали раньше на безоружных британских «стражей порядка». Известно, что за все послевоенные годы было убито всего менее двух десятков полицейских. Правда, и сами полицейские старались по возможности соблюдать одобренные вековыми традициями писанные и неписанные нормы, согласно которым, в частности, признание не должно вырываться у арестованного недозволенными средствами. Сейчас от этих правил, лежащих (обратим на это внимание!) в основе буржуазного уголовного процесса, полиция на практике отказывается все чаще, и в прес-

¹ См. подробнее «Карательные органы современного империалистического государства», отв. ред. И. Д. Левин и В. А. Туманов, «Наука», 1968; Я. М. Бельсон, Бюрократия, полиция и вооруженные силы в современном буржуазном государстве, М., 1969.

се нередко появляются признания того, что «при допросах люди .Скотланд-Ярда отнюдь не легки на руку».

Еще дальше идет в этом отношении полиция США. Не довольствуясь постоянными нарушениями существующих норм и правил, так сказать, в «рабочем порядке», руководители полиции пытаются подвести под эту порочную практику «теоретическую» базу. Оказывается, в неэффективности борьбы с преступностью виноваты различные «юридические тонкости», препятствующие успешному проведению полицейских расследований. Нетрудно видеть, что истинная цель этих рассуждений состоит, с одной стороны, в стремлении хоть как-то прикрыть бессилие органов, призванных бороться с преступностью, а с другой — еще в большей степени развязать руки полиции, создать легальные основы для широкого произвола, чинимого ею.

В 1970 году в США был принят «Акт о судебной реформе в округе Колумбия и процедурах применения уголовного кодекса», фактически упраздняющий отдельными своими положениями 4-ю, 5-ю, 6-ю и 8-ю поправки к конституции Соединенных Штатов. На основе нового закона полиции разрешено, в частности, появляться в жилых помещениях без предварительного разрешения, «без стука». В штате Западная Вирджиния офицеры полиции заранее освобождаются от всякой ответственности (также по закону), если они во время подавления беспорядков совершат убийство демонстрантов.

Не так давно в Австралии принят закон, по которому полиция имеет возможность разогнать любое собрание свыше 11 человек, если полицейский сержант сочтет «опасным» такое собрание. Тот же, кто не подчинится «приказу сержанта», через 15 минут подлежит аресту и может быть подвергнут либо штрафу в 500 долларов, либо тюремному заключению на 6 месяцев.

Американская общественность обращала внимание на то, что многие положения принятого в 1970 году закона о борьбе с организованной преступностью могут быть использованы не столько против преступников, сколько против борцов за гражданские права, всех противников правящих монополистических кругов. «Все это наводит на мысль, — отмечалось в этой связи в американском еженедельнике «Сатердей ревью», — что слишком многие политические деятели страны при-

ветствуют путаницу между инакомыслием и преступлением и что с помощью проблемы преступности они организовали координированное и упорное наступление не против воров, убийц и насильников, а против меньшинств, политических критиков и самых незащищенных людей в обществе. Их мишенью является социальное и культурное инакомыслие, а не преступность»¹.

Меры, направленные на укрепление полиции якобы с целью усиления борьбы с преступностью, в действительности главным своим назначением имеют подавление прогрессивных, демократических сил, в которых правящий класс капиталистических государств видит для себя наибольшую опасность.

Полиция в современном буржуазном государстве представляет собой, таким образом, классово-политическое орудие, активно используемое господствующим классом для обеспечения методами прямого принуждения охраны существующих капиталистических порядков. Этой цели служат не только специальные отряды так называемой политической полиции, но и все многочисленные полицейские подразделения, в том числе и уголовная полиция, которая наряду со своими прямыми задачами рьяно выполняет антинародные, карательные функции.

Буржуазные ученые и публицисты нередко критикуют полицию по несущественным вопросам и расточают в ее адрес множество похвал, изображая ее чуть ли не апостолом свободы и демократии. О том, чего стоят подобные лицемерные разговоры, убедительно свидетельствуют практика жестоких репрессий против демократических движений, подавления негритянских выступлений, разгона мирных демонстраций. Полицейская дубинка, гранаты со слезоточивым газом, наручники и пули — вот арсенал средств, с помощью которых «утверждают» демократию ее самозванные апостолы.

«Будучи отделена от народа, образуя профессиональную касту, составляясь из людей, «натасканных» на насилие против беднейшего населения, из людей, получающих несколько повышенную плату и привилегии «власти» (не говоря о «безгрешных доходах»), —

¹ «Saturday review», November 21, 1970.

подчеркивал В. И. Ленин, — полиция в каких угодно демократических республиках неизбежно остается, при господстве буржуазии, ее вернейшим орудием, оплотом, защитой»¹.

Особое место среди карательных органов США занимает Федеральное бюро расследований (ФБР). Уже много лет именно с помощью этой организации реакционные круги организуют гонения на рабочий класс, на всех борцов за мир, социальное равенство и подлинную демократию. В стране создана атмосфера страха, подозрительности и взаимного недоверия, существует небывало широкая сеть осведомителей, шпионов и провокаторов. И все это проводится под флагом борьбы с «коммунистической угрозой». Подслушивание, тайные обыски, просмотры корреспонденции, тотальная слежка — все это стало практикой полицейского государства, пытающегося осуществлять «контроль за мыслями», ведущего откровенную охоту за всеми «инакомыслящими». Многочисленные сыскные агентства, филиалы и отделения ФБР и других полицейских служб фиксируют в поисках «крамолы» буквально каждый шаг американца, сводя на нет многие права, провозглашенные в конституции².

Достоянием мировой общественности стали преступные действия Центрального разведывательного управления США (ЦРУ), которое, не ограничиваясь подрывными делами за рубежом, на протяжении многих лет занимается слежкой за участниками антивоенного и студенческого движения, борцами за права негров, другими гражданами в самих Соединенных Штатах, что грубо противоречит статусу этой организации. Однако, несмотря на конкретные факты и доказатель-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 25.

² Угроза вторжения в частную жизнь особенно резко возросла с бурным развитием электронной техники. Созданы специальные подслушивающие аппараты, которые настолько малы, что могут быть установлены в авторучках, в пуговицах рубашек, в пепельницах, телевизорах и телефонах. Есть передатчики, которые включаются только тогда, когда в каком-либо помещении начнут разговаривать. А есть и такие, которые могут включаться извне с помощью радио, когда подслушивающее лицо знает, что как раз в данный момент в помещении, где находится «клоп» (так на жаргоне разведывательной службы называются эти электронные мини-шпионы), происходит интересующая его беседа.

ства, в США высказываются серьезные сомнения относительно реальных последствий разоблачения. ЦРУ, как и ФРБ, на «законных» основаниях имеющее карточку на 158 млн. американцев, служат интересам капитала, не брезгуя при этом никакими средствами, если даже они и попирают самым грубым образом элементарные гражданские права.

«Тирания, как туман, подкрадывается неслышно, как бы на кошачьих лапах, — отмечала в одной из своих редакционных статей «Нью-Йорк таймс», оценивая положение в стране. — Она утверждается постепенно, шаг за шагом, урезывая свободы и ограничивая одно право за другим... Она запугивает во имя «справедливости» и отрицает, что на самом деле она требует конформизма и послушания»¹. Ценное признание ведущей американской газеты!

Империалистическое государство по своей природе, сущности выступает как шовинистическая и расистская организация. Отношение буржуазии к угнетаемым национальным меньшинствам и расовым группам проявляется и в недопущении их к государственной деятельности и в дискриминационных мерах экономического и социального характера.

В Соединенных Штатах Америки негры, мексиканцы, пуэрториканцы и некоторые другие национальности фактически отстраняются от политической жизни, терпят материальные и духовные лишения. Пять миллионов американцев мексиканского происхождения, проживающих на юго-западе США, остаются бесправными. Более трети из них получают доходы ниже официально установленного уровня бедности. 75% мексиканских детей не могут получить даже начального образования. Особенно трагичной, несмотря на принятые в последние годы меры законодательного порядка, продолжает оставаться негритянская проблема. Дискриминация, направленная на увековечивание социального, политического и экономического неравенства чернокожего населения страны, пронизывает структуру американского общества.

«Цветное» население в Великобритании также подвергается систематической и широкой дискриминации

¹ «The New York Times», May 2, 1971.

в самых различных сферах. Английский ученый У. Дэниел, исследуя эту проблему, приходит к выводу, что размеры и глубина расовой дискриминации превратили ее из фактора, имеющего чисто академический интерес, в общую социальную проблему. По мнению этого автора, лишение «цветного» меньшинства равных прав может быть расценено как «полный отказ от принципов демократии»¹.

В откровенно расистской Южно-Африканской Республике человеконенавистническая система апартеида освящена законом. Исследование, проведенное профессором Х. Уоттсом, директором научно-исследовательского института социальных проблем при Натальском университете, показывает, что примерно две трети африканского населения в городах ЮАР живут в условиях нищеты и что политика апартеида, проводимая правительством Форстера, мешает борьбе с нищетой. Хотя белые в ЮАР составляют всего 20% населения, они прибирают к рукам 74% национального дохода. 15 млн. африканцам отведено 13,7% земли. Остальные 86,3% находятся в распоряжении 4 млн. белых. 40% черных детей умирают, не достигнув десятилетнего возраста. Таковы лишь некоторые цифры, красноречиво обличающие режим расистского государства, пытающегося претендовать на роль бастиона «свободного мира» на африканском континенте.

Около сорока лет назад лейбористский теоретик Г. Ласки выступил с горьким, но весьма красноречивым признанием кризиса буржуазной демократии. Сегодня такие признания стали обычным делом. В условиях современного этапа общего кризиса капиталистической системы политическая действительность Запада дает все новые и новые доказательства того, что остроумно определенный видным западногерманским ученым К. Ясперсом парадокс действительно существует: «Мы являемся свидетелями гибели демократии, которой у нас, собственно, и не было»².

Черты кризиса буржуазной демократии, как было уже показано, проявляются в заметном ослаблении

¹ W. Daniel, *Racial Discrimination in England*, L., 1968, p. 13.

² К. Ясперс, *Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы*, «Международные отношения», 1969, стр. 140.

значения традиционных буржуазно-демократических институтов, в усилении роли и влияния чиновничье-бюрократического исполнительного аппарата, в милитаризации и фашизации существующих политических режимов, в подавлении личных свобод и разрушении буржуазной законности, в усилении национального и расового гнета. Процесс разложения демократии в странах капитала зашел столь далеко, что его своеобразным проявлением в идеологической сфере стал ныне постепенный, но весьма последовательный отказ буржуазных теоретиков от основных, некогда популярных доктрин, таких в первую очередь, как суверенитет народа и верховенство парламента.

Буржуазные конституционное законодательство и политические доктрины в принципе продолжают рассматривать народ в качестве источника и носителя власти в обществе. Однако любой современный буржуазный исследователь, как бы он ни стремился скрыть суть буржуазной демократии за парадностью и пышностью псевдодемократического фасада политической системы капитализма (вспомним хотя бы характер выборов президента США), просто не может уже замалчивать факты резкого, вопиющего несоответствия между тем, что провозглашается на бумаге, и тем, что имеет место в реальной действительности. Давно ушли в прошлое времена, когда парламент рассматривался как «всемогущий» представительный орган, который «может делать все, кроме невозможного в естественном отношении». В среде самих буржуазных ученых все чаще высказываются суждения о парламенте как в значительной степени «дискуссионном учреждении» и «форуме для критики».

Одним из наиболее распространенных доводов буржуазной науки и пропаганды, стремящихся как-то объяснить и по возможности обосновать процесс бюрократической централизации, стал тезис об объективной обусловленности этого явления научно-технической революцией. Утверждается, что именно «экономическая и техническая действительность современного мира» требует значительного расширения эффективной и оперативной власти исполнительных органов, сужения парламентских прерогатив и «методов дискуссий».

Все чаще в работах буржуазных ученых можно встретить с признанием иллюзорности рассуждений

о политических системах ведущих капиталистических государств как о децентрализованной структуре власти, в которой, дескать, действует система сдержек и противовесов. Все более ясной становится беспочвенность разговоров о противостоящих большому бизнесу политических силах в лице организованных рабочих, фермеров, которые якобы существенно ограничивают власть корпораций, союзов предпринимателей. «Демократия в Федеративной Республике меняется на наших глазах, — писал К. Ясперс. — Мы идем по пути, в конце которого не будет ни демократии, ни свободного гражданина. Подобный путь отнюдь не неизбежен. Однако только народ, стремящийся к свободе, уверенный в себе, может претворить в жизнь демократию в условиях свободного республиканского строя, демократию, которая пока что представляет собой только возможность»¹. Трудно сказать, чего в этих размышлениях больше: страха философа-экзистенциалиста перед неясным будущим, чувства горечи от осознания мрачной реальности политической действительности или грусти умудренного опытом человека, разочаровавшегося на склоне лет в буржуазном либерализме.

В свете этого представляются поистине безграничными в своем лицемерии рассуждения оппортунистов о том, что ныне буржуазная демократия находится на подъеме, становясь все более «чистой» демократией, не связанной с господством буржуазии. С этих позиций капитализм называется «свободным миром», в котором трудящиеся якобы могут на почве демократии бороться за новые формы общественной жизни. Отрицая наличие классовой диктатуры при капитализме, называя социалистический строй «тоталитарным», эти деятели, начисто порвавшие с марксизмом, не хотят и не могут понять, что, говоря словами В. И. Ленина, «вся демократия» состоит в провозглашении и осуществлении «прав», осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме...»².

Вскрывая узор, классово-эгоистический характер буржуазной демократии, беспощадно борясь против реформистских иллюзий в этой области, В. И. Ленин

¹ К. Ясперс, указ. работа, стр. 27.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 127.

вместе с тем решительным образом выступал против недооценки, огульного охаивания буржуазно-демократических институтов, анархических выступлений «с левых позиций». Он исходил из того, что империализм не в состоянии остановить развитие демократических тенденций в массах населения.

Одним из важнейших социальных последствий научно-технической революции, оказывающей решающее влияние на процесс интеллектуализации всей общественной жизни, является все более тесное переплетение экономической и политической борьбы.

Коренное изменение положения рабочих и служащих в самом производственном процессе как одно из следствий научно-технической революции, усугубление бесправного положения лиц наемного труда на производстве и в обществе резко обострили и углубили противоречие между трудом и капиталом. В капиталистическом обществе механизация и автоматизация производства ведут к росту безработицы. В то же время в связи с постоянным усложнением технических процессов усиливается необходимость умственных и нервных затрат. Отсюда — повышение значения борьбы трудящихся за доступность широкого образования, за приобщение к достижениям науки и культуры, за разумную организацию отдыха и медицинского обслуживания. Эта борьба, а также усиливающееся вмешательство государства в экономику и социально-культурную сферу, делающее все более заметным факт зависимости условий работы и жизни трудящихся от решений центральных государственных органов, создают объективную основу для слияния экономической борьбы в единый поток с борьбой за социальную обеспеченность, за демократизацию управления делами общества и государства, всеми политическими процессами.

Есть и еще одна сторона вопроса. Бурное развитие средств массовой информации и пропаганды могли бы стать существенным фактором, позволяющим населению оказывать влияние на процессы управления, укреплять связи между депутатами и избирателями, улучшать дело правдивой информации о важнейших событиях внутренней и международной жизни. Однако этого не происходит. Напротив, постоянно и последовательно усиливается наступление монополистического капитала на права и свободы трудящихся. Такая ситуация ведет

в какой-то мере к утрате обществом политических и моральных ценностей, способствует развитию в отдельных слоях населения тенденций неуверенности, усиливает идейные шатания и разброд. В то же время подобное положение служит и своеобразным стимулятором роста политического самосознания трудящихся, повышения активности передовой части их.

Появление углубляющегося противоречия между общественной структурой капитализма и тенденциями научно-технического развития приводит к тому, что в ряды борцов за демократию вливаются различные слои народа, образующие единый антиимпериалистический поток.

Наиболее последовательными борцами за подлинную демократию выступают рабочий класс, коммунисты. Ставшее аксиомой положение научного коммунизма, рассматривающее борьбу за демократию как составную часть борьбы за социализм, положено в основу их стратегии и тактики.

«Коммунистические и рабочие партии, в отличие от правых и «левых» оппортунистов, не противопоставляют борьбу за глубокие экономические и социальные требования, за передовую демократию борьбе за социализм, а считают ее частью этой борьбы. Радикальные демократические преобразования, которые будут достигнуты в борьбе против монополий, против их экономического господства и политической власти, будут способствовать осознанию все более широкими массами необходимости социализма»¹. Исходя из этой исторической перспективы, коммунисты ведут упорную борьбу за отстаивание, расширение и упрочение социально-экономических и политических прав и свобод, за вовлечение в процессы управления трудящихся слоев населения, против бюрократической централизации и режима подавления.

Являясь частью общей антиимпериалистической борьбы, борьба за демократию становится ключевым фактором закрепления завоеванных позиций и в социально-экономической сфере. Поэтому все энергичнее голос коммунистических и рабочих партий капитали-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», стр. 306.

стических стран, все активнее их действия, направленные на сплочение антимонополистических сил в борьбе за передовую демократию, представляющую собой альтернативу политической надстройке государственно-монополистического капитализма.

Передовая демократия, по мнению Французской коммунистической партии, не являясь еще демократией социалистической, предполагает в то же время проведение глубоких социально-политических преобразований, имеющих своей целью существенное ограничение всевластия монополий, изоляцию крупной промышленной и финансовой буржуазии, усиление позиций рабочего класса и его союзников, открывающих в конечном счете путь к социализму. Программа борьбы за передовую демократию, вошедшая составной частью в Манифест ЦК ФКП «За передовую демократию, за социалистическую Францию», включает в себя такие важные элементы, как: национализация крупных банков и ведущих промышленных монополий; демократизация управления национализированными предприятиями (при активном участии и под контролем трудящихся); демократизация отдельных сторон избирательной системы и деятельности Национального Собрания; расширение и соблюдение на деле демократических прав и свобод; проведение мер, направленных на вовлечение масс в управление; осуществление демократической и миролюбивой внешней политики.

Активное движение за развитие и обновление демократии составляет неотъемлемую часть генерального курса компартии Италии, Великобритании, Дании и многих других коммунистических и рабочих партий развитых капиталистических государств.

Выдвигаемые сегодня коммунистическими партиями буржуазных стран программы борьбы за демократию, на основе которых происходит последовательное сплочение передовых слоев вокруг рабочего класса, лежат в русле ленинских идей о подведении масс к социалистической революции через ряд промежуточных, переходных этапов демократического характера. В. И. Ленин предвидел, что борьба за глубокие демократические преобразования может привести к созданию революционно-демократического государства, осуществляющего «шаг и шаги к социализму»¹.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.

Буржуазная демократия двойственна по своей природе и исторической роли; неодинаково и отношение к ней основных противостоящих друг другу в капиталистическом обществе сил. Она, представляя собой колоссальный исторический прогресс по сравнению с политическим обрамлением докапиталистических формаций, дает определенные возможности угнетаемым капитализмом классам вести активную борьбу за отстаивание своих прав и интересов. Рабочий класс и его союзники по антимонополистической коалиции, в принципе отрицательно относясь к буржуазной демократии как форме правления буржуазии и ее сторонников, выступают в то же время последовательными защитниками существующих буржуазно-демократических свобод, борются за наполнение их реальным содержанием, справедливо связывая с этим расширение своих возможностей в движении к конечной цели. Правящий же класс выхолащивает демократию и законность, стремится к насаждению авторитарных институтов, методов насилия и террора, но не решается, как правило, разорвать и полностью отбросить демократическую оболочку своих режимов. Противоречивость такой ситуации в еще большей степени обостряет борьбу за демократию, делает ее в современных условиях одним из центральных пунктов упорной классовой битвы между трудом и капиталом.

Уже при капитализме, в крайне ограниченных рамках буржуазного демократизма, рабочий класс создает зачатки грядущей, подлинной демократии. С последовательным проведением в жизнь своих тактических и стратегических установок в области борьбы за демократию коммунисты связывают ослабление государственно-монополистического капитализма, создание опорной базы для решительного наступления на его твердыни и перехода к демократии исторически высшего типа — социалистическому народовластию.

* * *

Вопрос о формах политической власти господствующих классов, о государстве и демократии всегда играл важную роль в идейной борьбе. В эпоху социалистических революций он становится, по выражению В. И. Ленина, фокусом всех политических вопросов и споров. Последние годы не только не поколебали, но, напротив,

приносят все новые и новые доказательства правоты этих слов. Клевета на советский политический строй, социалистический образ жизни, заявления о «несовместимости» коммунизма и демократии занимают все более заметное место в пропагандистских наскоках наших идейных противников.

Буржуазная «советология», специализирующаяся на проблемах государственности, характеризуется весьма широким спектром теорий, концепций и взглядов — от традиционно консервативного подхода, основанного на клеветнических обвинениях советской политической системы в «тоталитаризме» и «тирании», до разного рода неолиберальных теорий, в которых антикоммунистическая суть прикрывается кажущейся объективностью, наукообразием, внешней беспристрастностью и т. п.

Наиболее злобным проявлением клеветы антикоммунистов на политическую систему социализма является так называемая концепция «тоталитаризма», в соответствии с которой «диктаторская сущность», власть государства якобы доводятся в условиях социалистического общества до крайней степени, подавляется личность, грубо насаждается голое администрирование. Согласно рассуждениям У. Эбенштейна, К. Фридриха, З. Бжезинского и других буржуазных авторов в условиях «тоталитаризма» государство действует как некий всеохватывающий политический организм, осуществляющий жесткий контроль в стране, насильственно подчиняющий своей воле все сферы общественной жизни. Утверждается, далее, что «этатистская машина» раздавила-де гражданина, у «индивидуальной свободы нет ни гарантий, ни защиты». Верхом цинизма подобных теоретиков является предпринимаемая ими попытка приравнять социалистический строй к фашизму, изображая как ту, так и другую политическую систему разновидностями «тоталитаризма».

По своей антикоммунистической направленности к концепциям «тоталитаризма» приближается одна из ее модификаций — теория «администрируемого общества», пропагандируемая в последние годы американским социологом А. Кассофом. «Администрируемое общество» определяется как строй, в котором «исключительно могущественная правящая группа» упорно стремится к «плановому руководству сверху во имя человеческого благосостояния и прогресса». Коренным пороком этой

теории, сближающим ее с концепцией «тоталитаризма», является сознательное, грубое искажение сущности социализма, намерение изобразить его недемократическим строем¹. Все подобные попытки свидетельствуют о явном стремлении наших идейных противников любой ценой извратить вопрос о социальном назначении, задачах и функциях социалистического государства, внушить народным массам в буржуазных странах страх перед «коммунистической угрозой».

При этом буржуазные идеологи и оппортунисты подходят к вопросам социалистической государственности и демократии со своими мерками, надеясь свести дело к формальным признакам демократизма, оторвать их от реальных общественных отношений, от фактического участия трудящихся в осуществлении власти. Такой подход обнаруживает в современных условиях свою полную несостоятельность. Огромные успехи в строительстве новой жизни в СССР и других социалистических странах, постоянный прогресс в экономической, культурной и духовной сферах жизни, последовательное развитие демократии, укрепление гарантий прав граждан, особенно заметные на фоне всеобъемлющего экономического, политического и духовного кризиса, охватившего капиталистический мир, со всей очевидностью обнажают несоответствие между фальсификаторским, нередко карикатурным изображением социалистического строя антикоммунистами и реальной действительностью. Невиданный подъем политической и трудовой активности трудящихся масс, все более широкое распространение за рубежом правды о нашей стране, успехи миролюбивой советской внешней политики выбивают почву из-под ног антикоммунистов, заставляют их менять тактику, переходить к поискам новых, более утонченных, замаскированных, а значит, и более опасных методов «критики» социализма.

Под видом борьбы против «тоталитаризма» нашими идейными противниками разрабатываются разного рода теории «демократического социализма», представляющие на деле конгломерат псевдолиберальных буржуазных, а также социал-демократических и ренегатских взглядов на общественный строй, который на практике

¹ См. Е. Д. Модрижinskая, Ленинизм и современная идеологическая борьба, «Мысль», 1972, стр. 82—84.

нигде и никогда не существовал и существовать не может. Прикрываясь «общечеловеческими» лозунгами мирного сотрудничества, гуманизма, антимарксистская наука и идеология не отказываются от своей главной и неизменной цели — дискредитации коммунизма.

Перед лицом изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма обнаружилась полная несостоятельность основных стратегических доктрин антикоммунизма («сдерживание», «отбрасывание» коммунизма и др.), определявших политику империалистических держав на протяжении всего послевоенного периода. Буржуазия вынуждена искать новые доктрины и тактические приемы, новые методы борьбы с социализмом. Одновременно она стремится всячески завуалировать сущность эксплуататорского строя, отвлечь внимание трудящихся от политической борьбы путем обмана и манипуляции такими словами, как «свобода», «всеобщее благо», «демократия», навязывать народным массам свое мировоззрение.

Буржуазные идеологи и ревизионисты рассуждают сегодня о том, как «улучшить» «советскую модель» социализма, сделать ее «более гуманной», «демократичной». В подобных рецептах, внешне отличающихся друг от друга, нет недостатка. Однако, если разобраться в их сути, выходит, что у всех этих горе-советчиков речь обязательно идет о такой «разновидности» социализма, где нет руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии, нет демократического централизма, нет пролетарского интернационализма и т. д. Именно за такой «усовершенствованной» моделью социализма антикоммунисты готовы признать право на существование¹.

Буржуазные идеологи избрали основным объектом «критики» социалистической политической системы марксистско-ленинскую партию. И это не удивительно. Структура политической организации общества в условиях социализма такова, что Коммунистическая партия как передовой отряд трудящихся, объединяющий наиболее активных и сознательных граждан из числа рабо-

¹ См. В. В. Кортюнов, Идеология и политика. Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950—1970 годы, Политиздат, 1974, стр. 195.

чих, крестьян и интеллигенции, объективно выступает ядром власти, ведущей и направляющей силой в системе всех государственных и общественных организаций.

Руководящая роль партии — основной принцип общественного и государственного строя, получающий правовое, прежде всего конституционное, закрепление в социалистическом государстве. Ведущее положение марксистско-ленинской партии в обществе налагает на ее членов высокую ответственность за все, что происходит в стране, с чем связано будущее народа. Эта роль активно проявляется в различных сферах общественной жизни — производстве материальных благ, идеологической и политической деятельности, совершенствовании производственных отношений, в науке, искусстве и культуре, в работе по формированию социалистического сознания масс.

По мере становления социалистического общества, усложнения задач строительства коммунизма и постепенного вызревания его черт, роль коммунистического авангарда последовательно возрастает. Именно это обстоятельство не дает покоя современным антимарксистам. Именно поэтому в стане ниспровергателей ведущего положения коммунистических и рабочих партий в социалистическом обществе оказываются ярые антикоммунисты как из числа буржуазных идеологов, так и оппортунистов. На XXIV съезде КПСС особо подчеркивалось, что вопрос о руководящей роли Коммунистической партии стал сегодня узловым пунктом борьбы между марксистами-ленинцами и представителями различных форм ревизионизма¹.

Будучи вооруженной научной теорией, монолитной и спаянной, революционная партия рабочего класса организует и возглавляет победоносную борьбу за упразднение капиталистических отношений, за решительное обновление общества и переустройство его на социалистических началах. Все явные и скрытые враги коммунизма, сторонники как «шумной», так и «тихой» контрреволюции всегда начинали осуществление своих коварных замыслов с попыток разложения марксистско-ленинской партии, с отрицания ее руководящей роли. Все планы «трансформации», «либерализации» со-

¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 102.

циалистических политических систем неизбежно мыслятся их авторами при условии отказа от руководящей роли Коммунистической партии.

Правые оппортунисты под флагом «интегральной демократии» и «свободной игры политических сил» также стремятся ослабить или даже подорвать руководящие позиции марксистско-ленинской партии, что неизбежно ведет к активизации правых сил, а нередко и к вспышке контрреволюции. Наиболее трагическим примером этого является кровавый контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 году. Ревизионистская клика Имре Надя — Гезы Лошонци под видом «обновления», «творческого развития» марксизма-ленинизма фактически выступала против народной демократии как формы диктатуры пролетариата, против руководящей роли революционной партии рабочего класса.

Главный удар антисоциалистических сил в ходе чехословацких событий 1968—1969 гг. также был нацелен против КПЧ, ее идеологических основ и организационных принципов. Братская интернациональная помощь со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества, а также решение двуетапной задачи преодоления оппортунизма и устранения административно-бюрократических тенденций в партии привели к разгрому антисоциалистических сил, нормализации государственной и общественно-политической жизни.

Намерения оппортунистов в ЧССР были очевидными даже для буржуазной прессы, отмечавшей в тот период, что «радикальные реформаторы ставили задачей превратить Чехословакию в страну, где различные партии имели бы право бороться за власть и что, по их мнению, Чехословакия должна была стать страной, в которой коммунистов можно было бы путем голосования вытеснить из правительства»¹.

В какой бы коммунистической партии не возникало «оппозиционное» течение, прикрывающееся вначале разговорами об «очищении марксизма», о его «творческом развитии», очень скоро оно обнаруживало свою антипартийную направленность, постепенное сползание в сторону оппортунизма и как заключительный законо-

¹ «The New York Times», August 22, 1968.

мерный финал — открытый переход на позиции антикоммунизма.

Так произошло в Дании, когда группа ренегатов во главе с бывшим председателем компартии Акселем Ларсеном образовала так называемую Социалистическую народную партию (СНПД). В программных документах этой партии почти ничего нет о классовой борьбе, об исторической роли рабочего класса в борьбе с капиталистическим обществом, о его ведущей роли в борьбе за демократию. В них, наоборот, усиленно подчеркивается, что СНПД — народная, а не рабочая партия. Это подтверждается и преобладанием мелкобуржуазных элементов в составе партии, и прежде всего среди ее руководящих кадров, хотя на выборах СНПД и удастся привлечь на свою сторону известное количество голосов рабочих.

В Коммунистической партии Венесуэлы в длительной борьбе с фракционной раскольнической группировкой Маркеса — Петкова решался вопрос о самом существовании компартии как авангардной силы рабочего класса страны, как одного из отрядов международной армии коммунистов. Прикрываясь призывами к «широ-те взглядов», «свободной дискуссии», антипартийные элементы хотели политически и идейно разоружить компартию, превратить ее в федерацию групп и фракций, не способную организовать борьбу рабочего класса.

Э. Фишер и Ф. Марек прямо заявляли о необходимости упразднения Коммунистической партии Австрии и создания вместо нее и против нее «левого движения через все партии». Отрицанию партийности, партийной дисциплины посвятил во многом свою раскольническую деятельность ренегат из ФКП Р. Гароди, быстро скатившийся от принципиальных теоретических разногласий к оппортунизму и ликвидаторству. Добиваясь своих целей, враги марксизма в капиталистических странах стремятся подорвать революционный дух рабочего класса, помешать осознанию им его ведущей роли, воспрепятствовать сплочению вокруг своего организованного и сознательного передового отряда — марксистско-ленинской партии.

В попытках «отказать» партии в ее ведущем положении некоторые из антикоммунистов (А. Мейер, например) пускают в ход абсурдный тезис о том, что

представление о партии как направляющей силе общественного развития якобы противоречит основам марксистского учения¹. Этот не отличающийся новизной тезис (его пытались пропагандировать еще русские меньшевики) представляет собой пример грубой идеологической диверсии, основанной на фальсификации марксистско-ленинского учения.

Основоположники научного коммунизма выступали за создание самостоятельной политической партии пролетариата, призванной возглавить рабочий класс и его союзников на борьбу против капитала, а после победы социалистической революции призывали стать авангардом трудового народа, строящего социализм и коммунизм. Одним из уроков Парижской Коммуны стало убеждение в необходимости придать организации единомышленников — пролетарской партии — характер руководящей силы, способной возглавить борьбу и довести ее до победного конца. Закономерно, что именно по предложению К. Маркса и Ф. Энгельса Лондонская конференция I Интернационала приняла резолюцию, в которой была подчеркнута цель партии пролетариата: «обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов»².

Опираясь на марксистское учение об исторической миссии рабочего класса, В. И. Ленин разработал учение о коммунистической партии, как подлинном вожде и авангарде пролетариата, создал стройную систему принципов ее построения и деятельности в условиях подготовки и проведения социалистической революции, а затем строительства нового общества.

Широкое хождение как среди буржуазных идеологов, так и среди ревизионистов получили рассуждения о том, что в силу якобы утраты рабочим классом места авангарда в классовой борьбе социальный состав партии также должен претерпеть изменения. Так, Т. Петков предлагает, по сути дела, создать на месте пролетарской партии некую «надклассовую», специализированную профессиональную организацию, решающая роль в которой должна принадлежать интеллигенции и дру-

¹ См. А. Г. Мейер, *Leninism*, Cambridge, Mass., 1957, p. 21.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 17, стр. 427.

гим «межклассовым слоям», которые-де «уже в силу своего культурного развития могут легче осознать весь драматизм положения слаборазвитой и зависимой страны, нежели круги и классы с более низким уровнем культурного развития»¹. Небезызвестный ревизионист Гольдштюкер писал, что марксистский тезис о руководящей роли рабочего класса при социализме «неясен в теоретическом отношении», а К. Хаек заявлял, что интересы рабочего класса сводятся к «примитивным потребностям», в связи с чем он есть «политически инертная сила», «резерв консерватизма» и не может быть руководящей силой. Аналогичные мысли, только в несколько более завуалированной, изощренной форме высказывают Р. Гароди и другие ревизионисты.

Западногерманский теоретик В. Леонгард утверждает, что в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, видевших в рабочем классе главную силу революционного освобождения, В. И. Ленин возлагал-де основную надежду на партию, как на «особую» элиту.

Между тем основоположники марксизма-ленинизма, всегда признавая необходимость централизованной партии как авангарда рабочего движения, считали, что форма партии может меняться в зависимости от конкретных условий. В работе «К жилищному вопросу» Ф. Энгельс особо подчеркивал завоевание ведущего положения в обществе как цель пролетарской партии. «Так как всякая политическая партия стремится достичь господства в государстве, — писал он, — то и немецкая Социал-демократическая рабочая партия неизбежно добивается *своего* господства, господства рабочего класса, то есть «классового господства»².

В. И. Ленин исходил из этих общих принципов, применяя их к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Он действительно полагал, что ядро партии должны составлять профессиональные революционеры. Однако В. И. Ленин никогда не считал, что партия может быть организацией только профессиональных революционеров. Он всегда подчеркивал мысль, высказанную К. Марксом и Ф. Энгельсом, о том, что сила партии — в ее неразрывной связи с массами. В. И. Ле-

¹ См. Т. Petkoff, *Socialismo para Venezuela?*, Caracas, 1970.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 263.

нин всесторонне обосновал идею о партии как революционизирующей, руководящей силе, призванной вносить социалистическое сознание в стихийное рабочее движение, направлять его, сформулировал главные принципы марксистской партии. Суть одного из таких важнейших принципов можно определить следующим образом: партия — высшая форма классовой организации пролетариата, воплощающая связь передового отряда с широкими пролетарскими массами.

Постоянно заботясь о чистоте своих рядов¹, партия вовсе не изолируется от непролетарских слоев населения. Наоборот, она считает, что авангард рабочего класса только тогда выражает его классовые интересы, когда выражает и отстаивает интересы всех трудящихся.

Уже в первой Программе РСДРП было записано: «Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата»².

На другой день после свершения Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин в Обращении ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России Коммунистическую партию назвал «партией советского большинства», подчеркивая, что она твердо стоит на страже интересов рабочего класса, крестьянства, всех трудящихся, которые идут за партией и готовы осуществить победу мира и социализма³.

В то же время чем шире фронт социальных сил, которые ведет за собой партия, тем большее значение приобретает для нее требование сохранить в чистоте свой пролетарский характер, как гарантию твердости и последовательности в осуществлении революционных преобразований.

КПСС возникла как передовой отряд рабочего класса. С полной и окончательной победой социализма пар-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 322).

² «КПСС в резолюциях и решениях...», изд. 8-е, т. 1, стр. 62.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 76.

тия стала авангардом всего народа. Это, однако, не значит, что партия стала внеклассовой организацией. По своей сущности, внутренней природе она остается партией рабочего класса — самого сознательного, организованного класса социалистического общества, его опорой и ведущей силой. Партия руководствуется мировоззрением рабочего класса — теорией марксизма-ленинизма, ставшей ныне мировоззрением всех трудящихся.

КПСС исходит из того, что в социальном составе партии рабочий класс должен и впредь занимать ведущее положение. «Мы будем продолжать эту линию, — говорил Л. И. Брежнев, — она полностью соответствует природе нашей партии, месту и роли рабочего класса в нашем советском обществе»¹.

В свете сказанного представляются абсурдными суждения отдельных буржуазных идеологов (Л. Лабедза и др.) о том, что под влиянием развернувшейся в нашей стране научно-технической революции КПСС будто бы во все большей степени превращается в партию интеллигенции².

По-прежнему в ходу как у буржуазных идеологов, так и у ревизионистских теоретиков тезис о том, будто «диктатура пролетариата осуществляется коммунистической партией». Выступая против канонизирования этого положения, превращения его во всеобщий и обязательный закон, Р. Гароди, например, клеветнически утверждает в книге «За французскую модель социализма», что это произошло в Советском Союзе, дескать, «по причинам исторического порядка». Встречаются утверждения (вновь с позиций противопоставления ленинизма марксизму), что-де в России коммунистическая партия была создана Лениным для того, чтобы подчинить пролетариат воле партийного руководства, сделать его «объектом манипуляции» со стороны партии.

Нередки разговоры о том, что партия «узурпирует то, что принадлежит всему обществу» (К. Колегров), что она «ничем не ограничена в отправлении власти»

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, стр. 298.

² См. «Марксистская и буржуазная социология сегодня», «Наука», 1964, стр. 254.

(З. Бжезинский), что в советском обществе «сама система власти определяется только партией» (И. Фетшер)¹.

Рассуждения о «диктатуре партии», подмене массовой партии партией вождей взяты современными антимарксистами из арсенала «левой» оппозиции, подвергнутой критике В. И. Лениным в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». «Всемирно известно, — писал он, — что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука»².

На основе несостоятельного методологического фундамента нашими идейными противниками возводится все здание конструкции, призванной представить в ложном свете положение правящей коммунистической партии в социалистической политической организации общества, с одной стороны, и идеализировать систему «западной» демократии, прикрываемой флагом беспартийности и надклассовости ее конституционных политических институтов и структур — с другой. «Аргументация» при этом идет по линии сопоставления политических институтов буржуазной и социалистической систем власти и не отличается особой новизной. Утверждается, что конституционный строй Запада «беспартиен», что деятельность правительства и конкурирующих групп власти в условиях «свободного мира» основана на конституциях этих стран, а при социализме партия осуществляет функцию «давления» на массовые общественные организации, трудовые коллективы, личность.

¹ См. М. Н. Перфильев, Народ и партия едины. Против буржуазных «советологических» спекуляций, «Знание», 1971, стр. 34.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 24.

Таков путь доказывания. Берутся институты буржуазной демократии, абсолютизируется их форма. Все, что не соответствует абстрактным представлениям буржуазного либерала о демократии и свободе, подвергается ожесточенной критике. Между тем «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹. Тупик, в который загнал буржуазную демократию неумолимый ход исторического развития и торжество социалистического народовластия, сама жизнь, практика общественного развития убедительно доказывают истинность этой ленинской констатации.

Исходя из утверждения, что социализм якобы «воспроизводится» автоматически, правые ревизионисты сводят роль партии лишь к формулированию самых общих директив и пропаганде. Р. Гароди считает, например, что коммунистическая партия, этот «интеллектуальный авангард», не может иметь «официальной» философии. Э. Фишер и Ф. Марек в книге «Что действительно говорил Ленин» пытаются дискредитировать идеологическое оружие коммунистических и рабочих партий, называя его «институциональной идеологией». А другой ревизионист, Л. Колаковский, прямо заявляет: «Не известно, что в марксизме существенно, а что нет», что коммунисту-де нет необходимости овладевать марксизмом.

Не трудно видеть, что все подобные попытки опровергнуть научность марксизма-ленинизма, представить партию как «интеллигентское анархистское сообщество» имеют целью оторвать марксистское научное мировоззрение от рабочего движения, провести под маской идеологической нейтральности, по сути дела, капитулянтскую линию.

Рассматривая вопрос о Коммунистической партии как ведущей и направляющей силе, необходимо подчеркнуть, что такое ее положение predetermined прежде всего руководящей ролью рабочего класса, что в свою очередь обусловлено фактическим положением этого класса в обществе. Его организованность, осозна-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

ние общенародных интересов, выразителем которых он выступает, вытекают из его связи с государственной собственностью как наиболее зрелой и высокой формой социалистической собственности. Рабочий класс — носитель новых производственных отношений, коммунистического способа производства, самой передовой идеологии — марксизма-ленинизма. В силу этих факторов создаваемая им партия объективно играет роль политического авангарда. При этом успех в работе революционной партии рабочего класса в значительной мере предопределяется тем, строит ли она свою тактику, политику и внутреннюю жизнь на основе окостенелых догм или руководствуется творческим обобщением опыта жизни, исходя из принципов марксизма-ленинизма, из особенностей переживаемой эпохи и конкретно-исторических условий данной страны.

Признание руководящей роли Коммунистической партии в системе институтов, обеспечивающих власть трудящихся, стало важнейшим положением марксистско-ленинского учения, получило поддержку мирового коммунистического движения. «Практика показала, что социалистические преобразования, строительство нового общества представляют собой сложный и длительный процесс и что в первую очередь от коммунистических и рабочих партий, стоящих у руководства, от их способности по-марксистско-ленински решать проблемы социалистического развития зависит использование огромных возможностей, открываемых новым строем»¹.

Каждое общество развивается в соответствии с объективными законами. Одно из великих преимуществ, которые несет с собой социализм, заключается в том, что он создает условия для познания, тщательного научного исследования законов и их последовательного применения на практике. Осуществлению этой задачи и подчиняет свои устремления и цели партия рабочего класса. В. И. Ленин подчеркивал: «... мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса»², выступая за открытое признание главенства поли-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, Москва, 5—17 июня 1969 г.» стр. 303.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 7.

тики Коммунистической партии¹. Совершая нападки на партию, оппортунисты выступают тем самым против монолитности политической системы социализма, против целостности научного мировоззрения коммунистов, его созидательной роли в деле строительства нового общества.

Период построения развитого социализма и перехода к непосредственному коммунистическому строительству характеризуется дальнейшим возрастанием роли и значения коммунистической партии как руководящей и направляющей силы социалистического общества. «Чем шире размах нашей созидательной деятельности, — говорил Л. И. Брежнев, — чем сложнее проблемы, которые приходится решать, тем выше роль и ответственность Коммунистической партии, идущей во главе масс»².

Возрастание роли партии связано в значительной степени с существенным усложнением процессов, происходящих в обществе, с еще более тесной взаимосвязанностью в условиях развивающейся научно-технической революции экономических, социальных и политических явлений, с глубоким проникновением науки во все сферы жизни, объективно порождающим требование тщательного научного обоснования всей деятельности по руководству обществом. Именно партийное руководство, политика партии обеспечивают самый высокий уровень научного управления процессами социального развития.

Социализм не отменяет действия объективных законов. Но он создает все возможности для познания, применения и усиления их действия, поскольку окончательно устраняет факторы, стоящие на пути исторического прогресса (частную собственность и верный страж ее — эксплуататорское государство). Надежной идеологической основой научного управления обществом при социализме является марксизм, характеризующийся, по определению В. И. Ленина, «замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с са-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 402.

² Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, Речи и статьи, т. 3, стр. 297.

мым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий...»¹.

Социалистическое общество, будучи динамичным, требует максимально полного учета происходящих изменений назревших потребностей, своевременного преодоления возникающих противоречий, дисгармонии и диспропорций. Вот почему марксистско-ленинские партии рассматривают вопрос о совершенствовании системы социального управления как альфу и омегу своей деятельности.

Речь идет сегодня о последовательном проведении работы по планомерному совершенствованию руководства экономикой, последовательной демократизации всей системы социального управления, созданию оптимальной структуры государственного аппарата и широкому внедрению в его деятельность научной организации труда, совершенствованию правотворческой деятельности как важнейшего регулятора общественных отношений, созданию единой системы социальной информации — важнейшего средства координации деятельности органов управления на всех уровнях. Идея научности в социалистическом обществе пронизывает, таким образом, все звенья системы управления.

Повышенное внимание к проблемам управления в современных условиях — не дань моде, а настоятельная необходимость, диктуемая требованиями повышения эффективности производства, развертыванием научно-технической революции, совершенствованием общественных отношений и всеобщим подъемом культуры.

В свете сказанного очевидна полная несостоятельность и нелепость утверждений буржуазных идеологов о том, что, дескать, «советские теоретики опасаются, что западные идеи и методы управления могут подрвать марксистско-ленинскую теорию и саму коммунистическую партию», «уменьшить влияние партии»².

Апологеты буржуазного строя утверждают, что возрастание руководящей роли партии будто бы неизбежно должно означать принижение роли народа, огра-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

² «Business week», March 26, 1971.

ничество прав личности. Такой подход основан на непонимании (и нежелании понять) взаимодействия составных частей социалистической политической организации общества, последовательного курса Коммунистической партии на развитие демократизма государственной и общественно-политической жизни, дальнейшего укрепления гарантий прав граждан. Возрастание роли партии ни в коей мере не противоречит расширению участия трудящихся в управлении делами общества и государства. Напротив, решение сложнейших задач создания материально-технической базы коммунизма, повышения благосостояния народа, дальнейшего развития социально-политических отношений просто немыслимо без всемерного подъема активности масс, вовлечения новых и новых миллионов тружеников в управление государственными делами, производством. Партия руководит этими процессами, способствует разворачиванию всесторонней творческой инициативы трудящихся, повседневно проявляет заботу о том, чтобы каждый советский человек чувствовал себя подлинным хозяином своей страны. Свободная от каких-либо ведомственных или местнических интересов партия объединяет усилия всех государственных и общественных организаций, обеспечивает четкое функционирование социалистической политической организации общества в целом.

Партии принадлежит также решающая роль в придании деятельности народных масс целенаправленного характера, в распространении коммунистического мировоззрения на всех членов общества, в окончательном преодолении пережитков капитализма, в воспитании нового человека. В условиях возрастания субъективного фактора — сознательной, планомерной деятельности людей, всей системы государственных и общественных организаций — эта сторона деятельности партии приобретает особое значение.

Возрастание роли партии обусловлено, наконец, необходимостью неустанного, творческого развития марксизма-ленинизма, пропаганды его достижений. Основоположники научного коммунизма открыли общие закономерности строительства нового общества. Коммунистические и рабочие партии, опираясь на колоссальный опыт социалистического строительства в своих странах, развивают и обогащают идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Подлинно новаторский подход прояви-

ли и проявляют Коммунистическая партии Советского Союза, другие братские партии в решении задач совершенствования социалистической государственности, расширения и углубления демократии, в постановке и решении экономических и социально-политических проблем развитого социалистического общества. Решения исторической важности, принятые XXIV съездом КПСС, представляют собой творческую и в то же время реалистическую, научно обоснованную комплексную программу деятельности партии, всего народа по осуществлению задач коммунистического строительства в нашей стране.

Последовательное возрастание в современных условиях руководящей роли коммунистических и рабочих партий, являющееся общей объективной закономерностью строительства социализма и коммунизма, служит убедительным доказательством несостоятельности утверждения современных ревизионистов о том, что ведущее положение партии в обществе связано якобы с классовой борьбой, с социальной неоднородностью общества, что с затуханием классовой борьбы роль партии ослабляется, что она во все большей степени превращается в некую идейно-воспитательную и просветительскую организацию, не осуществляющую организационного и политического руководства¹.

Испытанным приемом из арсенала антимарксистов является противопоставление Коммунистической партии, стремящейся, по их словам, к «монополизму» в осуществлении власти, другим партиям и группам, призванным принять участие в «дележе власти». При этом, когда буржуазные идеологи и ревизионисты говорят о «политическом плюрализме», о многопартийности, они имеют в виду не только и даже не столько сам факт существования наряду с Коммунистической партией других партий, сколько создание в лице этих партий некоей политической оппозиции.

¹ См. подробно М. П. Лебедев, Партия в политической системе социализма, «Советское государство и право» 1970 г. № 2; М. Х. Фарукшин, Партия в политической системе советского общества. Против концепций современного антикоммунизма, изд-во Казанского ун-та, 1973; «Коммунистическая партия в системе политической организации социалистического общества», «Мысль», 1974; В. С. Шевцов, КПСС и государство в развитом социалистическом обществе, Политиздат, 1974, и др.

Хорошо известно, что руководящая роль коммунистической партии вовсе не исключает существование других партий. Многопартийные системы существуют в ряде социалистических государств (например, ГДР, НРБ, ПНР). Однако все эти партии представляют интересы трудящихся, прочно связали свою судьбу с идеалами социализма и коммунизма и под руководством партии коммунистов борются за претворение этих идеалов в жизнь. Развитие мирового социализма решительно преодолело упрощенческий подход, в соответствии с которым многопартийность рассматривалась как явление, присущее исключительно капиталистическому строю.

Существование однопартийной или многопартийной системы при социализме связано с конкретно-историческими условиями и особенностями той или иной страны, с политикой, которую проводят некоммунистические партии, зависит от соотношения классовых сил внутри страны, от международной обстановки и ряда других факторов. Главное при этом, сердцевина проблемы — в признании авангардной роли в обществе за рабочим классом, за его марксистско-ленинской партией. Именно против данного основополагающего принципа и выступают как буржуазные идеологи, так и оппортунисты. Одни (Ф. Кейс, например) утверждают, что многопартийность, мол, противоречит фундаментальным принципам марксистско-ленинского учения¹. Другие (А. Фрэнкель и К. Брэчер) формалистически пытаются свести деятельность политических партий лишь к вопросу о числе таковых². Третьи (и таких подавляющее большинство!) тщетно связывают с многопартийной системой свои надежды на ослабление ведущей роли коммунистической партии, «размывание» политической системы социализма.

Одним из наиболее ярких образчиков сочетания лицемерия, подстрекательства, безудержной демагогии и откровенного цинизма в теоретических изысканиях сов-

¹ См. подробнее Б. Н. Топорнин, Социализм и многопартийность, «Советское государство и право» 1971 г. № 5, стр. 109—110.

² См. Б. А. Шабад, О современных антикоммунистических теориях государства (критический анализ некоторых тенденций в политической идеологии империализма), «Советское государство и право» 1968 г. № 8, стр. 87.

ременных антикоммунистов по поводу многопартийности при социализме является высказывание небезызвестного З. Бжезинского. Он писал: «Если бы Коммунистическая партия Чехословакии была готова отказаться от монопольного осуществления власти, то этим она серьезно содействовала бы жизнеспособности коммунизма. Решение Коммунистической партии Чехословакии согласиться с многопартийной системой произвело бы, особенно на Западе, огромное впечатление и увеличило бы шансы коммунизма».

В представлении ревизионистов понятия «демократия» и «социализм» совместимы лишь тогда, когда партия отходит от власти. Используя «достижения» новейших антикоммунистических теорий, и в первую очередь теории «общества-гибрида», поборники ставшей опять модной концепции «демократического социализма» пытаются изобразить свою программу в качестве какого-то третьего пути, расположенного между марксизмом-ленинизмом и буржуазной идеологией. Раздувание идей национализма, разговоры об «очищении старой модели социализма» и введении «политического плюрализма» свидетельствуют о попытках провести в жизнь хорошо продуманную программу постепенного, «тихого» сползания общества от социализма к капитализму.

Суть истинной демократии заключается не в количестве политических партий, не в степени остроты избирательных кампаний и парламентских дебатов. Главное состоит в том, какие блага материальной и духовной культуры дает демократия трудящимся, обеспечивает ли она реальное участие народа в осуществлении власти или отстраняет его от политической жизни.

Сущность социалистической демократии как явления классового состоит в том, что она служит интересам многомиллионных масс трудящихся, опирается в качестве материальной основы на общественную собственность и социалистическую систему хозяйства. Отсюда — демократизм государственной власти, всей социально-экономической системы социализма. Отсюда и реальные гарантии предоставляемых гражданам прав и свобод. В то же время практика политической жизни современных буржуазных государств убедительно показывает, что наличие двух или более партий само по себе отнюдь еще не гарантирует демократии. В США, например, две основные буржуазные партии — республиканская и де-

мократическая — периодически сменяют друг друга у руля государственного правления. Но независимо от того, какая из них властвует, демократия попирается самым беззастенчивым образом, оставаясь преимущественно демократией для «избранных», для буржуазии.

Выступая в качестве резерва, скрытого орудия буржуазии внутри коммунистического и рабочего движения, ревизионизм стремится дискредитировать марксизм, создать предпосылки для подрыва основ социализма, открыть дорогу для возрождения капиталистических отношений, буржуазной демократии. Под флагом лицемерных рассуждений о многопартийности, под лозунгом восстановления якобы забытых ленинских принципов демократического централизма и необходимости борьбы с «бюрократическим централизмом» совершается посягательство на руководящую роль коммунистических и рабочих партий, предпринимается попытка подорвать значение единого руководства, ослабить государственный аппарат, расшатать дисциплину и вызвать анархию в различных областях хозяйственного и социально-культурного строительства.

Фактическое отрицание современными ревизионистами принципа демократического централизма распространяется ими на саму партию. Так, например, в книге «За французскую модель социализма» Р. Гароди, жонглируя понятиями и ратуя на словах за «диалектическое сочетание между централизмом и демократией», на деле выступает против принципа демократического централизма, за превращение партии в дискуссионный клуб, в котором партийные организации были бы связаны обязанностью без конца обсуждать различные мнения, независимо от того, кем бы и когда они ни высказывались. Хорошо сказал, разоблачая механицизм Гароди, один из ведущих деятелей ФКП Этьен Фажон: «Требовать во имя модернизма или кибернетики, чтобы партия рабочего класса создавала прообраз демократии, основанной на плюрализме, означает вести к подмене организации ленинского типа старой социал-демократической организацией с ее мозаикой фракций, организацией, бессилие которой было раскрыто первой мировой войной, свыше 55 лет назад, и вызвало ее крах»¹.

¹ Цит. по: «Проблемы мира и социализма» 1970 г. № 6, стр. 23.

В писаниях Гароди также немало клеветнических рассуждений по адресу КПСС, суть которых сводится к попыткам представить партию как строго пирамидальную организацию с «непомерной гипертрофией централизма в ущерб демократии». Он утверждает, что якобы в нашей стране «народ в своей массе держится в полном неведении относительно происходящих событий и что роль первичных партийных организаций ограничивается исполнением поступающих сверху директив». Так писать может человек, или совершенно не знающий жизни в СССР (чего о Гароди, видимо, не скажешь), или ослепленный ненавистью к первой в мире стране социализма, к партии, под руководством которой советский народ достиг выдающихся успехов в строительстве нового общества.

Остается только удивляться примитивизму подобных утверждений, рассчитанных на читателя, совершенно не знакомого с советской действительностью. Ибо ныне невозможно скрыть того факта, что проекты важнейших государственных решений, как правило, публикуются в печати и на самой демократической основе обсуждаются в первичных партийных организациях, широкой общественностью. Многие такие решения рождены инициативой масс, многочисленными предложениями трудящихся в партийные и государственные органы.

На подлинно демократических началах происходит формирование и работа всех представительных органов государственной власти нашей страны — от Верховного Совета СССР до сельского Совета. Депутаты Советов поддерживают тесную связь со своими избирателями, руководствуются в своей деятельности их наказами, регулярно отчитываются перед населением о своей работе и о работе Совета, в состав которого они избраны. Все более последовательное развитие получают различные формы непосредственной демократии.

Коммунистическая партия Советского Союза неуклонно проводит курс на дальнейшее развитие внутрипартийной демократии, соблюдение ленинских норм партийной жизни, повышение активности коммунистов. В партии последовательно осуществляется принцип выборности и подотчетности руководящих органов, утвердился дух коллективности руководства. Вопросы деятельности партии обсуждаются и решаются на широкой

демократической основе. Последовательно улучшается внутрипартийная информация. Дальнейшее развитие в деятельности парторганизаций получают критика и самокритика — испытанный метод исправления недостатков, улучшения дела.

Требование развертывания критики и самокритики на основе делового обсуждения составляет одно из важнейших положений устава марксистско-ленинской партии.

Разумеется, развитие внутрипартийной демократии не означает и не может означать ослабления партийной дисциплины. Свобода критики предполагает дискуссии, обмен мнениями в партийных организациях по самым различным вопросам. Но при всех условиях критика, сколь бы конструктивной она ни была, должна служить делу единства партии, не идти вразрез с уже принятым решением, становящимся законом для каждого коммуниста. «Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство *определенного действия* — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей *единство* решенного партией действия»¹. Значение этого положения, сформулированного В. И. Лениным еще до Октябрьской революции, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Именно о «размягчении» партии, о разрушении ее организационной структуры всегда мечтали и мечтают сегодня правые оппортунисты.

Ленинскому пониманию демократического централизма, предполагающему сочетание руководства обществом из единого центра с широким развитием местной инициативы, живого творчества масс, «левые» ревизионисты противопоставляют схему, сводящую все к жесточайшему централизму, подавлению всяческой инициативы, безоговорочному подчинению и выполнению указаний «сверху».

В Латинской Америке, например, некоторые «ультра-революционеры» объявили себя сторонниками методов неукоснительного исполнения и беспрекословного подчинения, что предполагает ликвидацию внутрипартийной

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 129.

демократии и «отмену правил демократического централизма»¹.

В последние годы в Китае внутривластные кампании проводятся под эгидой беспрекословного выполнения указаний «центральных инстанций», сопровождаются нередко откровенной апологией насилия, являющегося, по мнению маоистов, главной движущей силой истории и означающего на практике применение репрессий к китайским коммунистам и всем трудящимся, не согласным с псевдосоциалистическими маоистскими установками.

Как известно, марксизм-ленинизм не отрицает необходимости революционного классового насилия, когда этого объективно требует историческая обстановка. Однако трактовка маоизмом теории насилия, развитие им тезиса о продолжении «политических революций» в условиях диктатуры пролетариата, об обострении классовой борьбы при социализме (а именно под такими лозунгами и развертывалась кампания типа «культурной революции» 1966—1969 гг.) грубо противоречат учению научного коммунизма, опыту мирового социализма. Эта антинародная по своей сути концепция, возводящая насилие в норму политической жизни социалистического общества, направлена на отрицание власти народа, на оправдание расправ над людьми, не угодными военно-бюрократической диктатуре Мао Цзэ-дуна. Роль насилия, принуждения распространяется подчас на такую сферу социальных преобразований, которая требует прежде всего научно обоснованных расчетов, упорной работы по воспитанию и образованию кадров. Многогранную деятельность социалистического государства «левые» пытаются свести к функционированию бюрократического административно-карательного аппарата, видя в этом ключ к решению проблем. Все эти извращения получили особенно наглядное выражение в политической кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата».

Одним из последних, наиболее ярких проявлений забвения маоистами основополагающих принципов марксизма-ленинизма, учения о социалистической демократии стала новая конституция КНР, принятая в начале

¹ См. «Ленинизм и революционный процесс», Прага, изд-во «Мир и социализм», 1970, стр. 163.

1975 года сессией Всекитайского собрания народных представителей. Показательно, что само формирование нынешнего состава ВСНП проходило путем так называемых «консультаций и многократных обсуждений», но отнюдь не на основе демократических выборов.

В новой конституции КНР, приспособленной для нужд военно-бюрократической диктатуры маоистской группировки, подвергнуты коренной ломке многие принципы и положения конституции 1954 года, отразившей итоги многолетней освободительной борьбы китайского народа. В конституции имеется положение о том, что «КПК является руководящим ядром всего китайского народа», что через Коммунистическую партию рабочий класс «осуществляет руководство государством». Однако в действительности это не более чем словесное прикрытие того тяжелого положения, в котором оказалась компартия сегодняшнего Китая, превращенная в послушный инструмент в руках узкой группировки Мао и его сторонников.

В конституции ничего не говорится о системе выборов, замененных фактически некими «демократическими консультациями», что дает возможность маоистам осуществлять отныне «законное» делегирование или назначение угодных депутатов. Серьезно урезаны права Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного комитета, исключены положения о постоянных комиссиях ВСНП, о гарантиях прав депутатов. Назначение председателей судов на местах поручено ревкомам, а функции прокуратуры возлагаются на органы общественной безопасности, т. е. на те самые органы, которые в период «культурной революции» чинили беззаконие. Несмотря на подчас широковещательную демократическую фразеологию, многие элементарные права граждан КНР, в том числе права национальных меньшинств, серьезно урезаны, лишены гарантий.

Разоблачая попытки «левых» и правых ревизионистов обезоружить рабочий класс перед лицом империализма, марксисты придают исключительное значение укреплению рядов коммунистического авангарда, от силы, сплоченности и организованности которого зависит ход современного социального прогресса.

В. И. Ленин создал основы учения о социалистической политической организации общества, о системе диктатуры пролетариата. Он четко различал функциональ-

ные особенности важнейших звеньев этой системы (партия, государство, профсоюзы и т. д.)¹. Но в то же время и саму систему В. И. Ленин рассматривал как целое, как нечто внутренне единое, как «формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»².

Основными формами партийного руководства являются, в частности, выработка научно обоснованной политической линии; подбор, расстановка и воспитание руководящих кадров; общее политическое руководство государственными и общественными организациями, входящими в политическую систему; ведение идеологической, информационно-разъяснительной работы в массах; борьба с чуждыми делу коммунизма влияниями и т. д.³.

Еще в период образования первых Советов В. И. Ленин призывал к активной деятельности в них партийных фракций. Понятно, что с превращением Советов после Октября в органы власти влияние Коммунистической партии усилилось, возникли новые формы взаимодействия партийных и советских органов.

Уделяя большое внимание вопросам усиления руководящей роли Коммунистической партии в системе Советов, формам и методам партийного руководства, В. И. Ленин призывал точнее разграничить «функции партии... и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность соработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе»⁴. Ленинские указания получили развитие во многих партийных документах, способствовали выработке на практике общих способов, методов и форм партийного руководства государственным аппаратом.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 294.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 31.

³ См. подробнее Н. А. Петровичев, *Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве*, «Знание», 1969; Г. Х. Шахназаров, *Руководящая роль Коммунистической партии в социалистическом обществе*, «Знание», 1970; он же, *Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории*, изд. 2-е, Политиздат, 1974; Р. Пищев, *Ленинизм и руководящая роль коммунистической партии*, София, 1970, и др.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 61.

В важнейших решениях КПСС обращается внимание партийных органов на необходимость до конца изжить из практики мелочную опеку и подмену советских органов, что ведет к безответственности и инертности работников.

В свете сказанного совершенно несостоятельны попытки буржуазных идеологов представить дело таким образом, будто в аппарат Коммунистической партии включаются «важнейшие государственные учреждения». Суть партийного руководства заключается отнюдь не в администрировании и не в подмене советских органов партийными, а в выработке правильной, опирающейся на достижения науки, линии развития общества. Также несостоятелен и довод о «господстве партии», усиленно распространяемый антикоммунистами. Свои решения партия проводит «через советские органы, в рамках Советской Конституции», «партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их»¹.

Некоторые ревизионистские теоретики главную «опасность» видят в том, что руководящая роль партии приведет-де к «сращиванию» ее с государством и другими составными звеньями социалистической политической организации общества. Причем у этих теоретиков речь не идет о поисках каких-то разумных путей совершенствования всего механизма социального управления при безусловном сохранении руководящей роли партии. Имеется в виду именно «отцепление» партий от государства, сведение ее к роли безвластной организации, лишь идеологически воздействующей на общественные процессы.

Естественно, партия не может заниматься решением всех без исключения вопросов, так как это отвлекало бы ее от выработки принципиальных политических установок, от определения задач социально-экономического развития на длительный период и не способствовало бы в конечном счете укреплению ее руководящей роли. На эту сторону дела обращал в свое время внимание В. И. Ленин. Он писал: «Надо освободить Политбюро и ЦК от мелочей и повысить работу ответственных работников»².

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», изд. 8-е, т. 2, стр. 77.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 114.

Таким образом, постановка вопроса об «отцеплении» партии от государства в корне несостоятельна. Партия никогда не отказывалась от руководства государственными органами. Еще в Резолюции VIII съезда РКП(б) отмечалось: «РКП должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой»¹.

Процесс усиления руководящей роли партии, тесно связанный с последовательным и всесторонним совершенствованием социалистической демократии, обуславливает увеличение обязанностей ее членов, повышение их ответственности перед всеми трудящимися. Такое возрастание, как уже отмечалось, нельзя понимать таким образом, что партийные организации должны брать на себя непосредственное разрешение вопросов, входящих в компетенцию государственных и общественных органов. Оно не означает, как это иногда утверждают антикоммунисты, какого-то увеличения прав членов партии по отношению к другим гражданам, появления у них особых привилегий. Смысл организаторской работы партии состоит в том, чтобы руководить процессом коммунистического строительства, всемерно поднимать активность масс, действуя через Советы и другие массовые организации трудящихся.

Нами уже рассматривался вопрос об извращении современным антимарксизмом социальной природы, сущности, функций и задач социалистического государства, являющегося могучим орудием разрушения капитализма и созидания нового общества. Не меньшая роль в попытках оклеветать социалистическую государственность отводится и разного рода измышлениям о самом государственном аппарате, посредством которого партия, рабочий класс и все трудящиеся решают конкретные задачи строительства социализма и коммунизма.

На этом направлении «критики» центральное место в рассуждениях антикоммунистов занимает вопрос о советском государственном аппарате, о системе Советов, их связи с массами. Ведь именно Советам суждено было стать исторически первой системой органов, призванных

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях...», изд. 8-е, т. 2, стр. 77.

практически решать задачи по осуществлению социалистической государственной власти. Советы как органы подлинного народовластия явились притягательным примером для многих народов, в известном смысле образцом власти, государственного аппарата социалистического типа. Само слово «Совет» стало во всем мире, по выражению В. И. Ленина, «не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся»¹. Вот почему, извращая принципы формирования, структуру и методы деятельности Советов, враги марксизма пытаются опорочить социалистический государственный аппарат вообще, являющийся важнейшим рычагом осуществления диктатуры пролетариата, а затем общенародной власти. «Аргументация», сам подход к «критике» Советов во многом повторяются и при рассмотрении антикоммунистами государственных институтов других социалистических государств. Создается своего рода методологический штамп, к помощи которого они обращаются каждый раз, когда хотят оболгать социалистическую политическую организацию общества, исказить соотношение и взаимодействие ее составных звеньев, представить на этом фоне в выгодном для западного читателя свете учреждения буржуазной демократии.

Чаще других повторяются утверждения о том, что «Советы являются ответвлениями партийного, административного аппарата», об «антидемократизме» их природы. Между тем именно Советы являются выразителем общей роли трудящихся. О всеохватывающем, подлинно всеобъемлющем характере представительных органов власти свидетельствует как порядок их формирования, обеспечивающий участие в выборах на демократических началах всем избирателям, так и их состав. Массовое участие граждан в избирательных кампаниях является одним из показателей расширения социальной базы Советов, укрепления их авторитета, опоры на самые широкие слои народа.

В составе депутатов высшего органа государственной власти нашей страны — рабочие и колхозники (более половины депутатского корпуса), руководители предприятий и специалисты всех отраслей народного хозяй-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 238.

ства, учителя и врачи, деятели науки, литературы и искусства, партийные и советские работники. Среди депутатов, избранных в июне 1975 года в местные Советы,— 896 374 рабочих, или 40,5%, 600 636 колхозников, или 27,2% (а вместе они составляют 67,7%). В Советах представлено более 100 национальностей и народностей, населяющих нашу страну. Укрепление тесного сотрудничества рабочих, колхозников, интеллигенции, представителей всех слоев общества, всех наций и народностей в представительных органах власти — одно из важнейших условий плодотворной деятельности государственного аппарата.

Состав Советов постоянно обновляется. При выборах в эти органы избирается впервые, как правило, около половины депутатов. В 1975 году в местные Советы избрано 990 703 лица, не бывших ранее депутатами, что составляет 44,8%. Регулярное обновление Советов на выборах способствует привлечению к государственной работе максимального количества населения, развитию демократизма выборов, улучшению текущей деятельности представительных органов, созданию предпосылок для коммунистического общественного самоуправления.

В нашей стране в органы государственной власти всех ступеней избрано более 2 млн. 200 тыс. трудящихся. Кроме того, 25 млн. граждан участвуют в работе Советов как члены их комиссий и активисты. Миллионы граждан являются членами различного рода органов управления производством, народного и государственного контроля. Все это является убедительным доказательством подлинного народовластия в условиях социализма.

Советский аппарат «дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине»¹. Подлинно демократический смысл Советов состоит в том, что они, во-первых, образуются из представителей трудящихся, свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами; во-вторых, дают возможность свободно осуществлять право отзыва избираемых представителей;

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304.

в-третьих, сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов; в-четвертых, делают все на виду у массы, доступны массе, исходят непосредственно от массы; в-пятых, поднимают к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежного вождя¹.

Советы стали в нашей стране демократическими учреждениями высшего, социалистического типа, обеспечивающими проведение в жизнь принципов соединения руководства и непосредственного управления, законодательной и исполнительной власти, принятия решений с их исполнением, сочетания выгод парламентаризма с выгодами прямой демократии. По принципам построения, по своей организационной структуре и по характеру деятельности они являются интернациональной формой государственной организации, обеспечивающей свободное, прогрессивное и наиболее полное развитие каждой советской нации.

Советы выступают как полновластные органы во всех сферах общественной жизни. Основываясь как в организационной структуре, так и в своей деятельности на принципах демократического централизма, они создают все возможности для сочетания централизованного государственного руководства с беспрепятственным развитием местной инициативы, неограниченными возможностями претворения в жизнь важнейших мероприятий хозяйственной, социально-культурной и общественно-политической жизни с максимальным учетом специфики местных условий.

Таким образом, теоретические основы построения советского государственного аппарата, принципы и более чем полувековая практика его деятельности показывают несостоятельность самих исходных позиций наших идейных противников, шаткость и ненадежность их аргументации.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 481; т. 35, стр. 110; т. 37, стр. 500; т. 12, стр. 319; т. 36, стр. 196.

Совершенствование демократии в нашей стране означает прежде всего укрепление политической основы государства — Советов депутатов трудящихся, которые в ходе перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство еще больше окрепли, усилили свое влияние на все процессы государственной жизни. И это закономерно. Сама природа социалистической демократии требует, чтобы осуществлялся неослабный контроль депутатов за деятельностью государственных органов, чтобы все больше граждан привлекалось к участию в управлении обществом и государством.

Отличительной чертой системы социалистического представительства является четкий и реальный контроль со стороны народа за работой каждого депутата, за деятельностью исполнительно-распорядительных органов. Важное место в этом механизме отводится и проверкам деятельности этих органов, и отчетам народных избранников, и такому важному средству, как право досрочного отзыва депутатов.

В свое время родилась и сегодня имеет определенное звучание в устах буржуазных идеологов версия о так называемой «естественной тенденции» роста, бюрократизации и централизации аппарата любого государства, в том числе и социалистического¹. Действительно, концентрация властных и распорядительных функций узким кругом государственных органов, зачастую неконституционных, и должностных лиц, называемая некоторыми западными исследователями «подкрадывающейся тиранией», характерна для ведущих капиталистических государств. Суть же широко рекламируемого буржуазно-реформистскими идеологами «политического нейтрализма» государственного аппарата состоит на деле в том, что капиталистическое государство всегда служит финансовой олигархии, которая для проведения в жизнь своей политики широко опирается на преданный ей многочисленный штат чиновничества. Антидемократизм буржуазного государственного аппарата усугубляется и тем, что возможности проникновения в него для представителей трудящихся классов путем разветвленной системы мероприятий практически сведены к нулю.

¹ A. S a u y, La Bureaucratie, Paris, 1956.

Совсем иное положение существует в социалистическом обществе. Здесь нет и не может быть противопоставления государственного аппарата народу, поскольку сами трудящиеся формируют на подлинно демократических началах государственные органы, работают в них, осуществляют постоянный и реальный контроль за деятельностью всего государственного аппарата.

Весьма широкое хождение среди антикоммунистов получило утверждение, что в социалистических системах власти «над выборными депутатами законодательных органов уже давно господствуют определяющие политику работники исполнительных органов, назначаемых партией» (Ф. Шуман), что якобы в самих этих системах заложена возможность превращения исполнительной власти в «доминирующий и относительно ничем не ограниченный источник политического руководства» (З. Бжезинский)¹.

Свой вклад в искажение роли социалистического государственного аппарата стремятся внести и современные ревизионисты. Особенно подвергается «критике» принцип демократического централизма, являющийся одним из основополагающих принципов построения и деятельности государственного аппарата при социализме. И. Джорджевич, например, пишет: «Советская власть, которая должна была стать наивысшей и тем самым последней формой демократической политики и власти, установилась как власть в старом смысле, как механизм доминации, а следовательно, как новая форма общественной и политической структуры, в которой доминирующее положение занимает бюрократия как особый общественный и политический господствующий слой»².

Марксизм учит, что сущность государства раскрывается не только в его деятельности, функциях, хотя это главное, но и в тех способах, формах, посредством которых такая деятельность осуществляется, т. е. в организации власти. С этой точки зрения можно указать на некоторые общие черты, обнаруживаемые в государстве любого исторического типа.

¹ Цит. по кн.: М. Н. Перфильев, Критика буржуазных теорий о советской политической системе, «Наука», 1968, стр. 86.

² «Советское государство и право» 1969 г. № 1, стр. 7.

Это прежде всего власть, опирающаяся на особый аппарат, состоящий из группы людей, призванных только (или главным образом) управлять. Наличие круга лиц, занятых управлением («особые функции особого слоя людей»)¹, позволяет не только сопоставить социалистический тип государства на разных этапах его развития, но и подметить у него общее с государством в собственном смысле слова, обнаружить нечто характеризующее государство вообще. Это — особая публичная власть, отделенная от всей совокупности постоянно входящих в состав государства лиц².

Пролетариат — единственный в истории класс, не стремящийся к увековечению политического господства. Завоевав власть, он создает новое, социалистическое государство, которое, развиваясь, подготавливает предпосылки для своего постепенного отмирания. Однако пока государство остается классовой организацией, оно обладает такой специфической чертой, как публичная власть. Причем именно наличие особого слоя людей, занятых специальными функциями, отличает государство и от будущего коммунистического самоуправления.

Публичная власть — имманентное свойство любого государства. Однако, как отмечал Энгельс, в обществе с еще неразвитыми классовыми противоречиями эта власть может быть весьма незначительной, почти незаметной. Логично предположить, что в обществе с неантагонистическими противоречиями, с постепенно устраняющимися остатками классовых различий она становится еще более незаметной. С окончательной ликвидацией такого рода противоречий и различий публичная власть с точки зрения внутреннего развития станет излишней, государство отомрет. Эти существенные изменения внешне проявятся в исчезновении платных работников, занятых только (или преимущественно) управлением, а также в ликвидации таких реальных атрибутов принуждения, как армия, полиция, суд и т. п.

Власть социалистического государства, выражающего волю подавляющего большинства (всего) народа, опирающегося на его поддержку и использующего его в качестве источника кадров своего аппарата и т. п.,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 96.

диаметрально противоположна власти эксплуататорского государства, аппарат которого, являясь узкоцеховой организацией классового меньшинства, проводит в жизнь его волю. Только в коммунистическом обществе властно-управленческие функции, по всей видимости, перестанут быть делом определенного круга лиц. Произойдет это в силу утраты обществом классового характера, приобретения подавляющим большинством народа навыков управления общественными процессами, максимального раскрытия способностей каждого человека в условиях подъема общей культуры всего народа. Однако уже при социализме, несмотря на сохранение в качестве атрибута государства публичной власти, специального аппарата управления, происходят имеющие принципиальное значение качественные сдвиги в построении, принципах и основных чертах деятельности государственного аппарата.

Наши идейные противники нередко клеветнически утверждают, что в СССР якобы образуемые путем «чисто формальных» выборов представительные органы полностью подчиняются исполнительным органам¹. Такие утверждения грубо противоречат основным, прежде всего конституционным, положениям советского законодательства, устанавливающего строгий порядок регулярной отчетности исполнительных органов, аппарата управления перед выборными, представительными органами власти. Положения законодательства строго соблюдаются на практике.

Так, например, в 1974 году провели сессии в сроки, установленные конституциями республик, 99% всех местных Советов. При этом значительно расширился круг вопросов, рассматриваемых на сессиях. Проходят сессии, как правило, организовано, при высокой активности депутатов. На сессиях местных Советов по обсуждаемым вопросам выступило около 1,4 млн. депутатов, т. е. 63,3% их общего числа.

Последовательно усиливается контроль Советов за деятельностью исполнительных органов. Доклады исполнительных комитетов на сессиях соответствующих Советов (как одна из важнейших форм контроля) все

¹ См., например, S. Stojanovic, *Između ideala i stvarnosti*, Beograd, 1969, s. 83.

более прочно входят в жизнь. В 1974 году 99,7% исполкомов отчиталось перед Советами, а перед населением — 99,6%. Практика показывает, что из года в год увеличивается не только число исполкомов, регулярно отчитывающихся перед населением, но неуклонно возрастает также количество собраний по отчетам и их участников.

На сессиях стали шире практиковаться обсуждения запросов депутатов. Только в прошлом году депутатами всех звеньев Советов внесено около 64 тыс. запросов. В практике работы местных Советов прочно вошли в жизнь, стали традицией отчеты депутатов перед населением. Подавляющее большинство депутатов Советов регулярно отчитываются перед своими избирателями. В 1974 году, например, перед избирателями дважды отчиталось 95,5% депутатов. Избиратели стали более строго подходить к оценке их работы в Советах, используя в необходимых случаях право отзыва депутата. Всего за прошедший год отозвано 654 депутата местных Советов всех ступеней¹.

Нередко в писаниях буржуазных и ревизионистских теоретиков можно встретить критическую оценку деятельности социалистических парламентов, в том числе Верховного Совета СССР, которые обвиняются в том, что они мало заседают, в «парадности» их заседаний и т. п.². Немало спекуляций порождено и тем обстоятельством, что законодательный процесс в нашей стране построен таким образом, что еще до сессии Верховного Совета, на которой окончательно утверждаются законопроекты, депутаты, заинтересованные министерства и ведомства имеют возможность тщательно и всесторонне, с учетом различных мнений, предложений трудящихся, найти оптимальный вариант законопроекта. Этим и объясняется во многом то единодушие, с которым высказываются депутаты в ходе сессий Верховного Совета в поддержку рассматриваемых проектов решений.

Все более широкое, последовательное развитие получают различные стороны деятельности Верховного Со-

¹ См. «Советы депутатов трудящихся» 1975 г. № 5, стр. 30—31.

² См., например, Р. Лукич, Политичке странке, Београд, 1966, стр. 194—197.

вета СССР — законотворчество, контроль, проверка исполнения законов, рассмотрение вопросов экономического, социально-культурного и государственного строительства.

Опыт социалистического строительства в нашей стране и в странах народной демократии с убедительностью подтверждает правильность марксистско-ленинского положения не только о необходимости завоевания власти рабочим классом и его союзниками, но и о важности придания воле этого класса общеобязательного значения, возведения ее в закон. Социалистическое право содействует закреплению и развитию новых производственных отношений, укреплению союза рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящихся, устанавливает соотношение между мерой труда и мерой потребления, закрепляет государственную дисциплину, обеспечивает подлинно демократические права и свободы личности. Система законодательства является важным орудием борьбы с возможными посягательствами на социалистический строй, служит защите личных и имущественных интересов граждан, выступает важным средством перевоспитания лиц, нарушающих правопорядок, правила социалистического общежития.

За последнее время в СССР подверглись обновлению, с учетом потребностей развития общества, целые отрасли законодательства. Только за седьмой и восьмой созыв Верховным Советом СССР приняты такие важные акты, как Основы законодательства о браке и семье, Основы земельного, трудового, водного, исправительно-трудоустройства законодательства, законодательства о здравоохранении; законы о всеобщей воинской обязанности, о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся. Ведется работа над проектами Основ законодательства об административной ответственности, лесного законодательства и рядом других. Деятельность Верховного Совета СССР все более характеризуется строго научным подходом к решению стоящих перед ним задач, широким внедрением в практику разработки законов правовых и социологических исследований. Урегулированы в законодательном порядке вопросы деятельности сельских, поселковых, районных и городских Советов депутатов трудящихся, их компетенция. Все это решительно опровергает утверждения антикоммунистов о том, что в условиях социализма «сводится к минимуму роль

права», что отсутствие четкого правового регулирования целого ряда сфер жизни общества якобы «выгодно коммунистам», так как остается широкий простор для «усмотрения» государственного аппарата.

Характерной чертой законодательной деятельности в социалистическом государстве наряду с расширением объема регулирования является последовательная демократизация законотворческого процесса. Наиболее важные законопроекты до их внесения на рассмотрение сессии обычно публикуются в печати, широко обсуждаются общественностью. Достаточно сказать, что только по проекту Основ законодательства о браке и семье в постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР поступило более 15 тыс. замечаний и предложений. Все они были тщательно проанализированы и рассмотрены, многие нашли отражение в представленном на рассмотрение депутатов проекте Основ. Работа по совершенствованию законодательства интенсивно проводится и в союзных республиках.

«Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры,— подчеркивал В. И. Ленин, — должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы...»¹. Коммунистическая партия, развивая демократию на разных направлениях, уделяла и уделяет первостепенное внимание вопросам улучшения работы Советов.

Были приняты меры по совершенствованию деятельности Верховного Совета СССР. Они выразились в первую очередь в усилении роли планово-бюджетных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей при подготовке и предварительном рассмотрении проектов народнохозяйственных планов и государственных бюджетов, в создании новых постоянных комиссий по различным отраслям народного хозяйства и культуры, а также комиссий по делам молодежи и по охране природы. Теперь значительно большее число депутатов активно, со знанием дела участвуют в разработке конкретных вопросов жизни страны, в проверке исполнения законов, в контроле за деятельностью министерств и ведомств. «Съезд считает,— подчеркнуто в Резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК пар-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 224.

тии, — что Советы должны еще полнее осуществлять свои функции, оказывать действительное влияние на развитие экономики и культуры, подъем народного благосостояния, настойчивее заниматься вопросами социально-бытового обслуживания населения, охраны общественного порядка. Надо более последовательно проводить в жизнь принцип подотчетности исполнительных органов представительным органам, выше поднимать авторитет и активность депутатов, их ответственность перед избирателями»¹.

Проводимая Коммунистической партией большая работа по повышению роли представительных органов власти сочетается с мероприятиями, направленными на совершенствование государственного аппарата, приобретающими в условиях научно-технической революции решающее значение. Особый смысл при этом партия придает поискам оптимальных форм взаимодействия всех управленческих элементов, необходимости упразднения дублирующих звеньев в центральных и местных органах, усиления координирующих функций. Принимаются меры по укреплению аппарата все более квалифицированными кадрами, коренному улучшению дела их подготовки и переподготовки. Партия обязывает работников государственного аппарата максимально использовать новейшие данные науки управления, овладевать методами экономического руководства, вести борьбу за окончательное искоренение голого администрирования. Выполнение этой задачи станет важным шагом в развитии демократизма всей государственной жизни.

Под фальшивым лозунгом борьбы с «бюрократической централизацией» буржуазные и ревизионистские идеологи рассчитывают ослабить роль партии и государства в решении задач строительства нового общества. Социализм, говорят они, есть дело народных масс, и поэтому ему не должны-де препятствовать «бюрократические силы», одной из которых является якобы государство. Руководство и организацию производственного процесса, управление общественными и государственными делами эти люди предлагают предоставить «самоуправляющимся» коллективам, а роль партии свести к просветительству.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 204.

Так, например, чехословацкий ревизионист О. Шик с позиций децентрализации управления экономикой страны, возрождения «свободной конкуренции» выступал против планового руководства народным хозяйством, отводил плану лишь роль прогноза, отрицая по существу его регулирующую функцию¹. «Кооперативная система в общенациональном масштабе, — утверждает Р. Гароди в книге «Альтернатива», — осуществляющая все производство, регулирующая его, — это и есть социализм самоуправления».

Ленинский подход к решению вопроса о соотношении прямой и представительной демократии при социализме отвергает как противопоставление самоуправления на предприятиях государственному руководству, так и недооценку или отрицание непосредственного участия масс в управлении. Подлинно научное представление о коммунистическом самоуправлении ни в коей мере не сводит его к узким рамкам отдельных производственных ячеек, а имеет в виду достаточно сложный управленческий механизм, приспособленный к нуждам централизованного регулирования производства и распределения. «Полным отказом от социализма, — писал В. И. Ленин, — является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти»².

По своему характеру крупная машинная индустрия неизбежно требует обобществления в государственном масштабе. Разговоры о передаче предприятий в собственность и в полное распоряжение производственных коллективов особенно заметно обнажают свою несостоятельность в современных условиях, так как идут вразрез с объективными тенденциями развития производства, с его последовательным обобществлением. В условиях развертывания научно-технической революции осуществление подобных требований играло бы лишь роль тормоза технического прогресса, снижало темпы разви-

¹ См. подробнее И. М. Мрачковская, От ревизионизма к предательству (критика экономических взглядов О. Шика), «Мысль», 1970.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 481.

тия социалистической экономики, ослабляло ее позиции в соревновании с капиталистическими странами.

Сказанное, разумеется, не означает какого-то негативного отношения к институтам непосредственной демократии при социализме. Зародившись с завоеванием рабочим классом политической власти, эти институты получают особенно заметное развитие в условиях зрелого социалистического общества. Рабочие и колхозные собрания, постоянно действующие производственные совещания, отчеты руководителей предприятий и объединений, руководящих работников министерств непосредственно перед трудовыми коллективами являются важными формами участия трудящихся в управлении делами предприятий. Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, повышение роли трудовых коллективов как основных ячеек нашего общества занимает большое место в развитии социалистической демократии.

Последовательно совершенствуются формы непосредственного участия населения в рассмотрении вопросов общегосударственной и местной жизни, в обсуждении законопроектов и проектов решений местных Советов. Органически вошло в практику проведение собраний населения по месту жительства, сельских сходов. На этих собраниях и сходах обсуждаются не только вопросы благоустройства и обслуживания, но и многие вопросы повышения культуры, воспитания трудящихся, развития экономики, охраны общественного порядка.

Извращенно понимая идею самоуправления производственных коллективов, буржуазные и ревизионистские идеологи нередко пытаются заимствовать терминологию, которая сложилась в советской политической действительности. Так, французский писатель и философ Ж.-П. Сартр выдвигает идею создания «советов рабочих» по образцу первой русской революции, считая при этом, что «такие советы были бы единственной политической формой прямой демократии, свободной от влияния коммунистической партии»¹. Французские «левые» (представители «марксистского революционного альянса») называют самоуправление «современной системой советов»². Даже среди некоторых людей, назы-

¹ См. «Spiegel», 1973, N 7, SS. 84—98.

² См. «Autogestion et socialisme», 1973, N 22—23, p. 33.

вающих себя марксистами, встречаются рассуждения о том, что «самоуправленческому обществу не нужна всемогущая партия», сопровождаемые характерными для подобного подхода разговорами о «бюрократизированной партии», «поддержке массами политики, проводимой бюрократией» и т. п.

В стремлении исказить механизм осуществления политической власти в условиях социализма антикоммунисты прибегают к своеобразному методологическому приему — пресловутая модель «плюральной демократии» преподносится в качестве идеала, а формы и институты социалистической демократии подвергаются «анализу» именно с позиций соответствия тем представлениям, которые несет в себе теория «плюрализма». С этих позиций А. Мейер, например, говоря о так называемом «открытом обществе» (по терминологии буржуазных идеологов под «открытым» понимается, как правило, капиталистическое общество), считает, что для него характерны «плюралистическая структура и противоречивые интересы отдельных личностей и групп, составляющих его». Поэтому в «открытом обществе» должно постоянно происходить столкновение интересов, «плюрализм должен быть свободным и спонтанным», борьба за личные и групповые интересы не должна ограничиваться никакими рамками, не должно быть «деспотической власти», берущей на себя разрешение конфликтов и навязывающей свои решения соперничающим группам.

Существует разница лишь в подходе к оценке с подобных позиций политической системы социализма вообще и политической системы советского общества в частности. Суть же при этом остается одна. Она состоит в стремлении антикоммунистов внушить народным массам мысль о том, что при социализме «ограничен допуск граждан к механизму принятия решений», что в обществе господствует «коммунистический тоталитаризм» и т. п.¹. Профессиональные союзы в условиях социализма рассматриваются ими нередко как «придаток государства», специфику их видят в «надзоре за рабочими в интересах государства». Передача профсоюзам

¹ См. подробнее М. Н. Марченко, Политическая организация советского общества и ее буржуазные фальсификаторы, изд-во МГУ, 1973, стр. 100—101.

некоторых функций, осуществлявшихся ранее государственными органами (закономерный в условиях социализма процесс демократизации общественно-политической и государственной жизни), трактуется нашими идейными противниками не иначе как «огосударствление» профсоюзов, включение их в систему государственных учреждений¹. Умалчивается о привлечении огромных масс трудящихся к управлению делами общества и государства через производственные коллективы и профсоюзы. Не получает отражения такая важная сфера деятельности профессиональных союзов, как воспитание своих членов, обучение их хозяйствованию, управлению, подготовка трудящихся к условиям коммунистического самоуправления. Ничего, по сути дела, не говорится и о такой важной функции, как защита трудовых интересов рабочих и служащих от возможных нарушений со стороны администрации, о деятельности профессиональных союзов в области охраны труда, создании нормальных условий для работы и отдыха, об активном участии в развитии системы курортно-туристического обслуживания трудящихся. Обходят молчанием и то обстоятельство, что основным методом деятельности профсоюзов является убеждение.

Антимарксисты извращают сущность и характер деятельности комсомола, являющегося общественно-политической организацией молодежи, составным звеном социалистической политической организации общества. Они пытаются представить молодежь как аполитичную, не интересующуюся современными проблемами, лживо утверждают об «оторванности» комсомола от основной массы молодежи, о некоем «давлении», которое он оказывает на всю молодежь «с целью пресечения ее действительных стремлений»².

Эти и подобные им досужие вымыслы в отношении других звеньев советской политической системы служат буржуазным идеологам для обоснования тезиса о том, что общественные организации якобы лишены возможности участвовать в определении политики. Они рассыпаются в прах при сопоставлении с реальностью, с теми

¹ R. Conquest, *Industrial workers in the USSR*, L., 1967.

² Подробнее см. М. Н. Перфильев, *Критика буржуазных теорий о советской политической системе*, стр. 147—154.

многообразными формами участия масс в управлении делами общества и государства, которые сложились на практике. Все общественные организации под руководством Коммунистической партии принимают активное участие в решении вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, вовлекая широкие массы трудящихся в процесс коммунистического строительства, участвуют в деятельности Советов депутатов трудящихся, в проведении выборов, в организации всенародного обсуждения проектов законов. Так, например, профсоюзы активно участвуют в разработке народнохозяйственных планов и законопроектов, контролируют их выполнение, решают вопросы управления производством, нормирования и оплаты труда, организации отдыха и обслуживания трудящихся, руководят делом государственного социального страхования, осуществляют контроль за соблюдением трудового законодательства и т. д.

Большой вклад в организацию сельскохозяйственного производства, торговли, общественного питания и бытового обслуживания, в решение вопросов жилищного строительства, в создание условий для постепенного стирания граней между городом и селом вносят кооперативные организации — колхозы, потребительская, жилищно-строительная и иные виды кооперации.

Комсомол воспитывает молодежь в духе преданности социалистической Родине, обеспечивает привлечение ее к управлению делами общества и государства, участвует в решении вопросов обучения, труда и отдыха юношей и девушек.

Видную роль в удовлетворении растущих духовных запросов трудящихся, в развитии их активности играют творческие союзы, культурные, научные, технические, спортивные и другие общества, а также органы общественной самодеятельности населения.

Последовательная демократизация государственного управления, развитие общественных начал в работе Советов депутатов трудящихся, привлечение общественности к делу охраны правопорядка и отправления правосудия — эти вопросы также находятся в центре внимания антикоммунистических «критиков». При этом лейтмотивом соответствующей пропагандистской кампании является утверждение, что привлечение общественности к охране социалистического правопорядка и осуществ-

влению правосудия ослабляет законность. Предоставление определенных прав народным дружинам и товарищеским судам изображается как нарушение прав и свобод, подавление личности коллективом, как мероприятие, ведущее к произволу. С предельной ясностью об этом заявляет И. Лапенна: «Нет необходимости говорить, что такая передача государственных функций в области публичного порядка и правосудия общественным организациям, т. е. организациям, контролируемым партией, никоим образом не могла усилить право или явиться дальнейшим прогрессом к законности. Напротив, это открывает дорогу, как уже показал опыт нескольких лет, произволу и новым формам беззакония»¹.

Дальнейшая демократизация государственной и общественно-политической жизни в СССР и других социалистических странах, повышение роли общественных организаций и последовательное улучшение их деятельности свидетельствуют о явной несостоятельности клеветнических суждений буржуазных идеологов. Важная особенность социалистического строя состоит в том, что участие трудящихся в управлении осуществляется не только через государственные органы, но и через разветвленную сеть массовых общественных организаций. В максимальном развитии их инициативы, самостоятельности и демократизма, дальнейшем расширении прав партия видит одну из своих важнейших задач.

Особенностью современных буржуазных и оппортунистических теорий демократии является все большее смещение центра тяжести на вопрос о положении личности в обществе. Обнаруживая банкротство своих экономических принципов, философских и социально-политических доктрин, апологеты империализма рядятся в тогу защитников нравственных идеалов «свободного мира», пытаются представить буржуазную мораль в качестве единственной общечеловеческой морали, а капиталистическое общество — как строй, основанный на ценностях, с наибольшей полнотой отвечающих природе человека.

Наши идейные противники стремятся использовать процесс разрядки международной напряженности в низ-

¹ I. Lapenna, *State and Law: Soviet and Yugoslav Theory*, New Haven, 1964, p. 101.

менных целях, рассчитывая навязать свое понимание тезиса о так называемом «обмене идеями и людьми», очернить, оклеветать нашу действительность под флагом фальшивой защиты «прав человека». СССР стоит за обмен объективной информацией, подлинными культурными ценностями с Западом, за дальнейшее расширение контактов с ним по различным линиям. Однако разрядка международной напряженности не означала, да и не может означать ослабления идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, а тем более какого-то «идеологического перемирия».

«Мы, — отмечал Л. И. Брежнев, — убеждены в правоте нашего пути, нашей марксистско-ленинской идеологии и не сомневаемся, что естественные в условиях разрядки расширение контактов, обмен духовными ценностями, информацией, развитие связей между общественностью различных стран хорошо послужат распространению правды о социализме, завоеванию на сторону идей научного коммунизма новых и новых сторонников»¹.

Марксисты решительно отвергают притязания на некие идеологические и так называемые «режимные» уступки, раздающиеся иногда со страниц буржуазной печати и из уст отдельных недалёковидных политических деятелей. Все это не что иное, как бесперспективные попытки навязать гражданам социалистических стран чуждые идеи, связанные в то же время с пренебрежением к принципам, законам, обычаям, с вмешательством во внутренние дела этих стран.

Апологеты капитализма всячески стремятся принизить успехи социалистического строя в деле развития производства, образования и культуры, извратить вопросы, связанные с ростом народного потребления. С этой целью они нередко подменяют понятие «жизненный уровень» понятиями «уровень потребления материальных благ и услуг», «качество жизни», игнорируя такие показатели реального положения трудящихся в обществе, как гарантии права на труд, доступность образования и медицинского обслуживания, т. е. именно те моменты,

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, Речи и статьи, т. 4, стр. 250.

которые указывают на неоспоримые преимущества социалистических производственных отношений.

Разумеется, сам по себе рост потребления любых материальных благ не представляет какого-то «греха». Однако потребление при социализме не самоцель, не смысл жизни. Великая гуманистическая миссия социалистического общества состоит в формировании гармонически развитой личности, последовательном удовлетворении потребностей населения, охватывающих не только экономическую, но и духовную область жизни человека.

Буржуазные и ревизионистские идеологи, фальсифицируя вопросы роли и места личности в обществе, клеветнически заявляют об утрате в социалистическом обществе «человеческой индивидуальности». А некоторые из подобных горе-теоретиков доходят до подстрекательских разговоров о том, что личность может обрести индивидуальную свободу, лишь встав на позиции индифферентного или даже враждебного отношения к социализму, что, как об этом заявляет, например, западно-германский «советолог» И. Фетшер, «подлинная свобода — это свобода инакомыслящим»¹.

С развитием общего кризиса капитализма рушатся основные идеи и представления, соответствовавшие раннему периоду становления буржуазии как класса. Будучи не в силах полностью отрицать тяжелое положение личности в условиях эксплуататорского строя, усугубляемое вторжением в жизнь научно-технической революции, идеологи буржуазии пытаются усмотреть причины нарастающего отчуждения в производстве, в технике, но отнюдь не в самих общественных отношениях, в основном экономическом законе капитализма.

В трактовке проблемы личности особенно ярко проявляется наиболее традиционный подход буржуазной социологии к исследованию общественных явлений — стремление укрыться за рассуждениями о «вечных» моральных ценностях, о «неподверженных влиянию времени» принципах. Применительно к рассматриваемой проблеме речь идет о таких понятиях, как «права человека», «свобода», «солидарность», «справедливость» и т. п.

¹ I. Fetscher, Von Marx zur Sowjetideologie, Frankfurt am Main, 1972, s. 92.

Утверждается нередко, в частности, что осуществление прав человека есть-де непрерывный процесс, независимый от конкретных общественных отношений. А раз так, значит, и речь надо вести не о классах, не о больших социальных общностях, а о конкретных индивидах — носителях «вечных» мистических особенностей человеческой души. Известный американский марксист Г. Аптекер справедливо отмечает, что неприкрытая проповедь индивидуализма является одним из характерных признаков современного буржуазного понимания свободы, раскрывающих его антигуманистическое содержание¹.

Буржуазные идеологи решают проблему свободы и ответственности личности с позиций крайнего иррационализма и субъективизма. Свобода рассматривается ими как источник всяких ценностей, причем корни ее лежат якобы внутри метафизически понимаемой природы индивида. Например, Р. Полен утверждает, что «независимость, являющаяся свойством человека, может найти свое естественное, непосредственное и совершенное выражение лишь в одиночестве»². Неудивительно, что с позиции такого доведенного до абсурда понимания свободы любая организация общественной жизни, основанная на элементарном порядке, на разумном сочетании прав и обязанностей гражданина, интересов личности и общества, воспринимается как угроза «абсолютной свободе» индивида.

Важную роль в этой связи играет, как и прежде, психологический подход к проблеме человека, абсолютизация мотивов его поведения, генетических начал, врожденных черт характера и т. п.

Небезызвестный У. Росту, анализируя платоновскую конструкцию составных частей души, толкует о личности «демократического» и «тоталитарного» типа, а одно из главных назначений государства видит в «содействии личности в реализации ее внутренних мотивов поведения»³. При этом особенно фальшиво звучат у не-

¹ См. H. Aptheker, *The Nature of Democracy, Freedom and Revolution*, N. Y., 1967, p. 54.

² R. Polin, *La Politique de la Solitude. Essai sur la philosophie politique de J.—J. Rousseau*, Paris, 1971, p. 5.

³ W. W. Rostow, *Politics and the Stages of Growth*, Cambridge, 1971.

го слова о неприкосновенности личности. Практика показывает, что неприкосновенность личности является объектом наиболее частых посягательств со стороны полиции, других репрессивных органов империалистических государств, призванных всемерно охранять устои современного буржуазного общества.

Положение человека в обществе, возможность осуществлять социально-экономические права и политические свободы решающим образом зависят от общественной структуры. В условиях бурного научно-технического прогресса это проявляется особенно отчетливо. «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства... Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо»¹. Нетрудно видеть, что эти ленинские слова как нельзя более актуальны сегодня.

Подлинный прогресс во всех сферах общественной жизни возможен лишь на прочном социалистическом фундаменте. Утвердив общественную собственность на средства производства, социализм не только раскрепостил производительные силы и открыл простор для экономического и научно-технического прогресса. Он освободил человека труда от социальных и национальных оков, сделал его подлинным властелином создаваемых им богатств. Социалистическое общество характеризуется новыми, еще невиданными в истории отношениями между личностью и обществом. На место некоего расплывчатого буржуазного гуманистического идеала, в основе которого лежат принципы индивидуализма и эгоизма, новый строй ставит всесторонне развитого человека, по-настоящему свободную личность, соизмеряющую свои интересы с интересами всего общества.

Социализм навсегда устранил сложившееся при капитализме и обусловленное всем его строем противоречие между правовым и фактическим положением личности, преодолел свойственный буржуазному обществу формально-декларативный характер правового статуса трудящегося человека. Правовое положение лич-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 17.

ности при социализме полностью отражает ее фактическое положение в обществе.

Несмотря на то, что в условиях социализма сохраняются еще определенные противоречия, отношения здесь между государством и личностью приобретают принципиально иной по сравнению с досоциалистическим обществом характер. Построенные на принципах подлинного демократизма и справедливости, на началах «реального гуманизма» (К. Маркс) они пронизывают весь социалистический правопорядок. Развитая система материальных, политических, организационных, идеологических и правовых гарантий прав и свобод советских граждан, деятельность государственных органов по их защите являются важнейшим завоеванием социализма.

Этого не желают понять наши идейные противники. Они предпочитают трезвому анализу социалистической действительности бездоказательные утверждения об отсутствии свободы выбора профессии, о строгой регламентации всей жизни граждан, подчиненности ее государству и т. п. Иногда утверждается, будто человека в социалистическом обществе можно наказывать не на основе правовых норм, а исходя из субъективных убеждений отдельных лиц.

Общеизвестно, однако, что одним из основных требований социалистической законности является, в частности, одинаковая для всех обязанность соблюдать законы и охрана прав граждан. В ст. 2 Положения о прокурорском надзоре в СССР в числе главных объектов охраны от всяких посягательств четко указаны политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и охраняемые законом интересы граждан СССР. Не выдерживают критики и измышления буржуазных теоретиков о якобы неравном положении граждан в странах социализма при возложении на них наказания. Они находятся в очевидном противоречии с советским законодательством и практикой его реализации, пронизанными идеей равенства всех граждан перед законом независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания.

Взаимоотношения между гражданином и государством в условиях социализма находят выражение не только в их правах, но и в возложении на них обязанностей,

ибо нет прав без обязанностей и обязанностей без прав. Свобода личности не равнозначна неограниченному произволу индивида. Марксистское понимание этой проблемы не имеет ничего общего с анархизмом, отрицающим необходимость подчинения личности какой бы то ни было власти, авторитету. Являясь познанной необходимостью, подлинная свобода заключается не в освобождении индивида от всякого долга перед обществом, а в создании системы новых социальных отношений, основанных на общественной собственности, неразрывным образом связанных с социалистическим и коммунистическим переустройством общества, отношений, при которых обеспечиваются наилучшие условия для подлинно всестороннего, гармонического развития личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теории государства, демократии, политических систем, права — элемент общего воззрения на общество, на протекающие в нем многообразные процессы. Политико-правовые доктрины, следовательно, их противоборство — неотъемлемая и важная часть идеологической борьбы между коммунистическим и буржуазным мировоззрениями.

Человеческое сознание породило громадное множество гипотез, концепций, идей об обществе и законах его движения. Многие из них несли в зародышевом виде отчасти достоверные догадки, предположения, наблюдения. Но стройной, целостной научной теории не было вплоть до середины прошлого столетия, поскольку общество не созрело до теоретического самосознания. Это вместе с тем означало, что развитие человечества до поры до времени могло идти — как в эволюционной, так и в периодически сменяющей эволюцию революционной форме — всецело стихийно, т. е. повинаясь не только объективным по природе, но и непознанным (полностью или по преимуществу) закономерностям.

Такова была вся история человечества или, говоря словами Ф. Энгельса, его предыстория. Подлинное познание общества началось с возникновением марксизма. Подобно тому как реальная история общества, история действий, начинается с победоносной социалистической революции (пролетариата и его союзников), так и новая история идей начинается с духовной революции, революции в сознании. Универсальная, целостно научная теория марксизма своим возникновением открыла новую эру в области сознания, подготовив тем самым Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая положила начало новой эре в истории человечества.

С этих пор объективно-стихийное, непознанное или малоизвестное развитие общества стало сменяться хотя и по-прежнему объективным, но уже далеко не всецело стихийным, а все более познаваемым, а значит, и предвидимым развитием. Иначе и не могло быть. Когда общество достигает высокой стадии зрелости, когда появляется класс, коренные интересы которого выражают потребности общечеловеческого прогресса, тогда революция в социальном сознании неизбежна как предпосылка революции в социальном бытии — социалистической революции. В. И. Ленин писал: «Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»¹.

Марксистско-ленинское учение всесильно, потому что оно верно. Что это значит, если вдуматься поглубже? В чем коренится его жизненность и сила? Если говорить коротко, выражаться суммарно, то главным образом в его нерасторжимой связи с прогрессом человечества, в его органической революционности.

Будучи научной идеологией самого передового класса — пролетариата, марксизм-ленинизм является венцом развития и смены всех социальных теорий. В этом учении сливаются научно-теоретическая и практически действенная стороны, ибо его предназначение и смысл существования — в революционном преобразовании общества и самого человека.

Отсюда, наконец, динамизм, жизнеспособность и непреходящая актуальность марксизма-ленинизма. Он постоянно в развитии, обогащении, движении вперед,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

для него характерно непрестанное пополнение теоретического арсенала и методологического инструментария, умножение и углубление связей с общественной практикой, в особенности с революционной практикой коммунизма как общественного движения и как реально существующего социалистического строя.

Марксизм-ленинизм, развитый и развиваемый КПСС, коммунистическими и рабочими партиями других стран,— испытанное руководство к революционной практике, могучее идейное оружие рабочего класса, всех революционных, антиимпериалистических сил, наше ценнейшее духовное достояние, теория, ставшая материальной силой, которая преобразует мир.

Это известно и нашим идейным противникам. Борьба с марксизмом, стремление подорвать его влияние, опровергнуть сделанные им выводы служит той идеологической платформой, на которой сплотились все идейно-политические течения и движения буржуазного и мелкобуржуазного толка.

Будучи не в силах в век триумфа научного коммунизма замалчивать или голословно отвергать его, многие буржуазные и ревизионистские идеологи хотят представить дело таким образом, что марксизм якобы устарел и не отвечает потребностям современной эпохи. Между тем действительность свидетельствует об обратном. Растущие нападки на марксизм — это своеобразное проявление, результат его жизненности, действительности, распространения среди все более широких социальных слоев во всем мире.

Возникнув и развиваясь как научное мировоззрение пролетариата, став безраздельно господствующим в странах мировой социалистической системы, марксистско-ленинское учение оказывает прогрессирующее воздействие на общественные процессы во всех социальных системах, на весь ход антиимпериалистической борьбы во всех ее течениях. Иначе говоря, марксизм-ленинизм — идейно-теоретическая основа глобального перехода от капитализма к социализму. Это учение способно дать правильные ответы на многообразные вопросы, которые выдвигает современная практика.

Жизнь показывает, что все без исключения потребности, запросы, проблемы мирового революционного процесса получают верное разрешение с позиций марк-

сизма-ленинизма. В этом — источник его побед в том наступлении, которое он ведет на антикоммунизм.

Возникновение ленинизма как марксизма нашей эпохи, достигнутая под его знаменами победа Великого Октября — первое великое свершение теории научного коммунизма в XX веке. Творческое развитие ленинских идей нашей партией, их последовательное претворение в жизнь, в практику строительства нового общества обеспечили построение социализма в СССР. Критики ленинизма попытались изобразить его как «специфически русское явление», якобы чуждое другим странам и народам. В опровержение этих побасенок интернационализм и универсальность ленинизма с особой силой проявились в победе народных революций в странах Европы, Азии, а затем и Латинской Америки, в возникновении мировой социалистической системы.

Руководствуясь марксизмом-ленинизмом, наша партия, советский народ шли непроторенными путями строительства, развития и совершенствования социалистического общества. На рубеже 60-х годов советское общество вступило во вторую стадию социализма — стадию развитого, или зрелого, социалистического общества. Его достижение было научно предсказано В. И. Лениным еще в 1918 году¹. Продолжением и творческим развитием прозорливого предвидения В. И. Ленина явились документы КПСС, в которых дана глубокая характеристика и определены критерии зрелого социализма.

Впервые в истории человечества достигнутые и созданные развитое социалистическое общество, новая историческая общность людей — советский народ, общенародное социалистическое государство стали триумфом марксизма наших дней, новым подтверждением его научной правоты, политического и морального превосходства над всеми иными «теориями». «Ленинские идеи, ленинская политическая закалка, ленинская наука побеждать, — говорил Л. И. Брежнев, — вот тот неиссякаемый источник, из которого мы черпаем уверенность в своих силах, мужество и оптимизм, волю к победе»².

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 104.

² Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, стр. 580.

Марксизм-ленинизм дает ключ к пониманию особенностей современного капитализма. Марксов «Капитал», ленинские труды «Империализм, как высшая стадия капитализма», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» и другие работы основоположников научного коммунизма непреходящи в своей актуальности как теоретико-методологическая основа анализа и критики государственно-монополистического капитализма, его политической системы, тенденций развития буржуазной демократии.

Конечно, современный капитализм существенно отличается от капитализма XIX века. Более того, нельзя игнорировать серьезные изменения, которые претерпели его экономическая и политическая системы по сравнению с их состоянием в начале XX века, в период между двумя мировыми войнами или даже в самом начале послевоенного периода. Но государственно-монополистический капитализм, приспособляющийся к новой общемировой обстановке, в первую очередь к условиям борьбы и сосуществования различных социальных систем, использующий достижения научно-технической революции, тем не менее есть *капитализм*, притом в *последней* стадии своего существования.

Данная В. И. Лениным характеристика империализма как монополистического, паразитического (или загнивающего), умирающего капитализма сохраняет всецело свою актуальность¹. Современные марксисты развили эту ленинскую характеристику. Ими научно доказано, что: а) государственно-монополистический капитализм может (в исторически ограниченных пределах) приспособляться к новым условиям; б) в буржуазных странах созревают не только материальные, но и организационно-политические предпосылки революционной замены капитализма социализмом; в) последняя из эксплуататорских формаций — капитализм обладает еще немалой живучестью, использует многообразные «защитные механизмы» против в конечном счете исторически неодолимых тенденций социального прогресса.

Эти выводы международного Совещания коммунистических и рабочих партий (1969 г.) и XXIV съезда

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 163.

КПСС как нельзя более ярко и доказательно продемонстрировали верность, правоту ленинской теории империализма, ее могучие, все более разветвляющиеся творческие потенции и революционно-практическую ценность.

Названные основные научные положения, как и выводы относительно сужающейся социальной базы империалистического государства как комитета по заведованию общими делами *монополистической* буржуазии, лежат в основе стратегии и тактики коммунистов капиталистических стран. Эта стратегия и тактика направлена на формирование широких антимнополистических союзов всех демократических, прогрессивных, антиимпериалистических сил, на ограничение и подрыв власти монополий и их государства, на вступление в стадию обновленной демократии, которая откроет мирный (а в ряде стран, возможно, немирный) путь к социалистической революции и непосредственному переходу к социализму.

Утверждающиеся в международной жизни ленинские принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами создают благоприятные внешние условия для демократического движения и революционного процесса в развитых капиталистических странах.

На фоне глубоко прозорливой, оптимистической и реалистической марксистско-ленинской концепции и политики коммунистов особенно беспочвенными, бесперспективными и нежизненными оказываются социальные рецепты всевозможных «ниспровергателей» и фальсификаторов марксистско-ленинского учения.

Только творческий марксизм-ленинизм дает адекватные ответы на потребности и вопросы, возникающие перед революционно-демократическим движением, направленным на свержение капиталистического строя. Теория научного коммунизма отвечает объективным тенденциям национально-освободительных движений, освещает их перспективу, научно обосновывает этапы и формы борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма, а также пути преодоления архаичных социальных порядков в ранее зависимых странах.

Подтвердилось предвидение К. Маркса и Ф. Энгельса относительно взаимосвязи и взаимозависимости пролетарских революций в капиталистических странах

и национально-освободительного движения в колониях (с той, конечно, исторической поправкой, зафиксированной В. И. Лениным, что революция произошла первоначально не в самых развитых странах, а в одной среднеразвитой стране).

Подтверждается правота ленинского тезиса о сближении антиколониального и антикапиталистического этапов национально-освободительных движений. И особенно четко проявилась прозорливость ленинской теории об открывающейся в нашу эпоху возможности при помощи социалистических стран миновать стадию капитализма (целиком либо этап развитого капитализма) в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Народы ряда стран встали на путь некапиталистического развития, в перспективе ведущий к социализму.

Кем как ни коммунистами, марксистами-ленинцами была выработана и обоснована концепция некапиталистического пути развития, идея социалистической ориентации? Одно из ключевых мест в этой концепции занимает теория национально-демократического государства, политической системы социалистической ориентации.

И здесь рецепты противников марксизма оказались построенными на песке — будь то утонченные конструкции неоколониалистского толка или левацко-маоистские лозунги немедленного «социалистического переворота» и установления диктатуры пролетариата в странах, не располагающих для этого материальными, социальными и политическими предпосылками. Иными словами, «третий мир» оказался тем поприщем идейно-политической борьбы, где ясно, доказательно и неопровержимо подтверждается правота идей творческого марксизма и обращаются в прах одна за другой многочисленные доктрины антикоммунизма.

Стремления буржуазной пропаганды и правых ревизионистов опровергнуть кардинальные положения марксизма бесплодны и несостоятельны. Одно из основных поприщ идейной борьбы — учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса, которое получило «цельное и систематическое изложение» (Ленин) еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Ход событий во всем мире убедительно подтвердил достоверность этого учения, реальным воплощением

которого явилась мировая социалистическая система—
детище международного рабочего класса, диктатура
пролетариата в ряде стран, общенародное государство
трудящихся в СССР.

Лишены всякого научного основания буржуазные и
ревизионистские измышления об «исчезновении» в со-
временную эпоху класса наемных рабочих, об его
«депролетаризаций» или «интеграции» в систему госу-
дарственно-монополистического капитализма, равно
как и теории социальной стратификации и социальной
мобильности, которыми пытаются «опровергнуть»
марксову концепцию непримиримости классовых про-
тиворечий между буржуазией и пролетариатом.

Рабочий класс является ведущей силой общества
как в переходный от капитализма к социализму период,
так и в период в основном построенного, а затем и раз-
витого социализма. Его революционность, дисциплини-
рованность, численность, организованность, сознатель-
ность и коллективизм определяют его главенствующее
положение в системе социалистических общественных
отношений. Рабочему классу принадлежит руководя-
щая роль не только в создании материально-техничес-
кой базы коммунизма, но и в развитии и приумноже-
нии социалистических традиций советской демократии.

Рабочий класс—ведущая сила государственной и
общественно-политической жизни советского общества,
общества зрелого социализма. Свидетельство тому—
рост его удельного веса и влияния в органах государст-
венной власти, в общественных организациях, в ком-
мунистической партии.

Опыт строительства социализма и коммунизма в
нашей стране, равно как и опыт братских социалисти-
ческих стран, показывает, что руководящая роль рабо-
чего класса во всех сферах жизни сохраняется и укреп-
ляется на всех этапах преобразования общества на
началах коммунизма. Эта его роль завершится лишь с
построением полного коммунистического общества.

Ныне, как и прежде, не прекращаются вылазки
буржуазных и пробуржуазных идеологов против уче-
ния о диктатуре пролетариата.

Как известно, необходимым условием гибели капи-
тализма и победы нового общественного строя
К. Маркс и Ф. Энгельс считали социалистическую ре-
волюцию и завоевание диктатуры пролетариата. Они

писали, что «первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии»¹. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» (хотя термин «диктатура пролетариата» там не употреблялся) идея объективной необходимости диктатуры пролетариата выражена весьма рельефно. В. И. Ленин, разъясняя приведенное выше положение, писал: «Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата»...»². Впоследствии эта идея была развита К. Марксом и Ф. Энгельсом в стройную теорию во многих трудах, особенно в письме Маркса Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в знаменитой «Критике Готской программы», написанной столетие тому назад.

Подчеркнув неразрывную связь диктатуры пролетариата с демократией, или, иначе говоря, демократическую природу диктатуры пролетариата как господства в интересах большинства над меньшинством, К. Маркс и Ф. Энгельс показали, для какой цели она используется. «Пролетариат,—писали они,—использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»³.

Для осуществления социалистических преобразований государство диктатуры пролетариата должно (с учетом особенностей развития той или иной страны) уничтожить частную собственность на основные средства производства, ввести прогрессивный налог, централизовать кредит, увеличить число государственных предприятий и провести ряд других преобразований в социально-экономической и культурной жизни общества, которые в своей совокупности заложат основы нового строя.

Теория диктатуры пролетариата — главное в учении марксизма о революционном преобразовании общества,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.

суть этого учения о государстве. Недаром она подвергается многочисленным нападкам со стороны врагов марксизма. Поэтому и сейчас актуальная мысль В. И. Ленина: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*... На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»¹. Эта истина подтверждена всем ходом исторического развития последнего столетия. Первый опыт кратковременного существования диктатуры пролетариата в форме Парижской Коммуны, победа советской формы диктатуры в результате свершения Великой Октябрьской социалистической революции, возникновение и успешное развитие новых форм диктатуры пролетариата в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки—вот основные вехи победоносного шествия идей диктатуры пролетариата по всей планете. Все это—убедительное подтверждение непреложной истины марксизма-ленинизма, что завоевание диктатуры пролетариата—одна из закономерностей перехода от капитализма к социализму.

В то же время постоянно обогащалась сама теория диктатуры пролетариата, развитая в трудах В. И. Ленина, его учеников и соратников, в решениях КПСС и братских партий зарубежных стран. В. И. Ленин писал: «Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса»². Иного пути нет. Таков закон истории. «Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа»³.

Творчески развивая марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата, КПСС обогатила его новыми важными выводами. Обобщая богатый и многогранный опыт диктатуры пролетариата в нашей стране, партия пришла к выводу, что с полной и окончательной победой социализма диктатура пролетариата выполни-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 38, стр. 309.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.

ла свою историческую миссию и перестала быть необходимой. А государство, возникшее первоначально как государство диктатуры пролетариата, превратилось в развитом социалистическом обществе в общенародную организацию, в орган выражения интересов и воли всего народа. Общенародное государство трудящихся—реальное воплощение марксистско-ленинских идей о социалистической демократии, гуманизме и пролетарском интернационализме.

Программным положением марксизма было и остается требование демократического, справедливого мира между народами, активная борьба за него трудящихся масс во главе с рабочим классом. В новых условиях В. И. Ленин разработал концепцию мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Инициативная внешняя политика КПСС и Советского государства, братских стран мирового социалистического содружества—творческое развитие и реализация марксистско-ленинских идей.

Политика разрядки, напряженности, упрочение принципов мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества между государствами с различным социальным строем есть революционная, классовая политика, обеспечивающая углубление и продвижение мирового антиимпериалистического движения, всех его отрядов. Эта политика ограничивает, связывает агрессивные действия империализма (не изменяя, конечно, его антинародной реакционной природы), содействует прогрессу социализма, демократии, делу социального и национального освобождения. Мирное сосуществование направляет научно-техническую революцию в русло созидания, а не разрушения, создают условия для освобождения неисчислимых материальных ресурсов и духовных потенций от служения милитаризму.

Развитие марксистско-ленинского учения сопряжено с его борьбой против антимарксистских концепций, включающих воззрения на политические системы, государство, демократию, право разных типов. Критика и преодоление буржуазных и мелкобуржуазных политико-правовых доктрин, пропаганда марксистско-ленинских идей в этой области—важный фактор общественного прогресса, революционного, антиимпериалистического движения, поступательного развития социалистического общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИМАРКСИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ГОСУДАРСТВО	15
Глава II	
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	72
Глава III	
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	120
Заключение	204

Гулиев Владимир Евгеньевич
Кузьмин Эдуард Леонидович

«ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ. КРИТИКА АНТИМАРКСИСТСКИХ
ТЕОРИЙ»

Заведующий редакцией *В. А. Смирнов*
Редактор *И. Н. Рожко*
Младший редактор *С. Н. Статьева*
Обложка художника *А. А. Кущенко*
Художественный редактор *И. Е. Сайко*
Технический редактор *Н. Л. Федорова*
Корректоры *В. Д. Рыбакова, В. А. Терехина*

Сдано в набор 6/VI 1975 г. Подписано в печать 30/X 1975 г. Бумага типографская № 3. Формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 11,34, учет.-изд. л. 11,7. Тираж 5000 экз. А-09740. Заказ 4291. Цена 1 р. 17 к.

Издательство «Юридическая литература» 103064, Москва, К-64,
ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
80 181	2 снизу 14 снизу	временного роли	современного воли

Заказ 4291

1 р. 17 к.

